

А. БАЗАРОВ КУЛАК И АГРОГУЛАГ

А. БАЗАРОВ

А. А. БАЗАРОВ

**КУЛАК
И
АГРОГУЛАГ**

ЧАСТЬ I

Челябинск

Южно-Уральское книжное издательство

1991

Книга издается за счет средств автора

Предлагаемая читателю книга кандидата экономических наук Базарова А. А. являет собой интересную и удачную попытку переосмыслить один из важнейших моментов отечественной истории — коллективизацию сельского хозяйства. Широко используя архивные материалы и новые подходы, автор через драму уральского села раскрывает становление колхозной принудилочки на фоне политической и нравственной деградации партийно-государственной власти. Данный процесс рассматривается не в традиционном плане партийных решений и их реализации, а с точки зрения страдающей стороны — крестьянства.

Книга написана в живой публицистической форме, что делает ее интересной не только для историков и экономистов, но и для широкого круга читателей.

Б $\frac{3701000000-}{M162(03)-91}$ Без объявл. — 91

ISBN 5-7688-0493-5

© Базаров А. А., 1991.

«ТЫ ПРАВ, ПАВЕЛ!»

Во времена глухого застоя, когда бригадный подряд в строительстве, любовно называемый шабашкой, считался делом непрестижным, а для нашего брата — преподавателей общественных наук — даже политически вредным, мне пришлось пятнадцать летних семестров подряд диссидентствовать в колхозах Курганской области. Бригада, скомоченная преимущественно из моих однокурсников по московскому университету, занималась строительством домов, мехтоков, ремонтом ферм и другим общественно полезным строительным промыслом, который можно подвести под окончательный расчет в два отпускных месяца. Многие отказывали себе в отпуске по десятку лет, материально возмещая халтурным приработкам бескорыстную любовь к науке или затянувшееся нищенское ассистентство. Колхозное начальство отнѳосилось к нам с пониманием, на взятки не надеялось, а выпить и потолковать с образованными наемниками почитало даже за честь.

Однажды на пути в отдаленный колхоз меня подсадила райкомовская машина. Стоял август, те последние его дни, когда на деревню сваливаются основные сельскохозяйственные работы. На уборку хлебов напоззали суетливые от боязни скорых заморозков дни силосования. Пахло хлебом и зеленью. От комбайнов тянулись в степь пыльные шлейфы. По проселкам, густо усыпанным кукурузным крошевом и зерном, деловито шныряли «уазики» начальства.

Вот и мои попутчики, поднятые, как я понял из разговоров, предупредительным звонком «своего человека» в области, сосредоточенно всматривались в жѳелтеющие по сторонам поля. Лезть с вопросами я не решался, хотя со всеми был знаком. В машине висел какой-то необъяснимый, как у мышей перед землетрясением, страх. У первого комбайна задержались

недолго. Шеф рассеянно поковырял носком солому, а потом устроил скорый нагоняй механизатору и повернувшемуся агроному. Затем, не дожидаясь объяснений, он торопливо сел в машину, и мы снова вылетели на грейдер.

Километра за два до моего колхоза машина взяла круто вправо к Поповскому лесу, излюбленному месту пьянки возвращающихся из рейса местных шоферов. Попутчики приняли «стойку». На полосе, окружив комбайн, блестили лакированными боками обкомовские «Волги». Холеные мужики в ладных костюмах и галстуках шумно говорили и жестикулировали. Наседали, как оказалось, на знакомого комбайнера Пашку, которому бог отвалил два таланта — работать и материться. Он был слегка «датый» и откровенно поясничал. Рванувшееся в дело местное начальство довело конфликт до критической точки. Павел взъерепенился, послал всех по общеизвестному адресу и пошел к комбайну. «Обложенные», грозя обидчику всеми карами, разбежались по машинам, и через несколько секунд кортеж полетел в сторону деревни. Меня, естественно, забыли.

— Садись,— пригласил Павел,— до дороги доедешь, все не пешком.

Не успел комбайн отмахать и сотни метров, как перед самой жаткой лихо сел на тормозах светленький «уазик».

— Еще одного принесло,— раздраженно буркнул мой благодетель, выбираясь из кабины,— не дадут сегодня работать.

— Привет, хлеборобы! — из машины выпал профсоюзный бездельник районного пошиба и, расплывшись в искательной улыбке, осведомился,— косим-молотим? Демонстрируя личную сопричастность к судьбе урожая, он по-мужски растер в ладонях несколько колосьев, провеял обмолоченное, озабоченно, глядя в себя, пожевал зерна и спросил Павла, ехидно наблюдавшего за этими манипуляциями:—А что мы, товарищи механизаторы, пьем-едим?

— Хрен (облегченная редакция) с солью! — отрезал товарищ механизатор. — А яйца всмятку.

Профсоюзный лидер тоже уехал жаловаться. Павел посмотрел вслед «уазику» и лукаво подмигнул мне.— Как я его? Тут областное начальство надоело на хрен посылать, а он еще под ногами крутится...

Мое родное Зауралье в годы нэпа было самым развитым сельскохозяйственным районом Уральской области. Она включала до 1930 года большую часть нынешних Свердловской, Челябинской, Тюменской и Курганской областей. Некоторые ее округа ныне входят в Коми АССР и Пермскую область. Сельское хозяйство региона, свидетельствует справочник 1927 года «Весь промышленный и торговый Урал», носило характер преимущественно зернового производства, основанного на хищническом использовании естественных богатств. Урожайность была низкой и составляла по пшенице 47 пудов, по ржи — 54 пуда с десятины. Это средние показатели. В лесостепной полосе Зауралья хозяйственные результаты были значительно лучше. В структуре валовой продукции две трети приходилось на земледелие.

Тем не менее экономика деревни находилась на подъеме. Деревня оправилась от всероссийского голода. Росли масштабы производства. Ежегодно продукция сельского хозяйства Урала возрастала почти на 10 процентов. Товарная продукция росла медленнее, давая первый сигнал о народнохозяйственных диспропорциях. В 1926—27 хозяйственном году товарная продукция уральской деревни оценивалась в 121 млн. рублей. Из них 42 млн. рублей приходилось на зерно, 14 млн. — на масло и 18 млн. — на мясо¹. Примите во внимание, что рубль тех лет хоть и не был полиграфическим шедевром, но состоял в близком родстве с золотым советским червонцем.

Солидные доходы приносила реализация технических культур и вторичных продуктов переработки скота. На первом собрании недавно созданной областной ассоциации по экспорту сельхозпродукции эта мысль была встречена с веселым оживлением. Снова к конторе «Рога и копыта»? Конечно, руководителям нынешних хозяйств, привыкшим ворочать миллионными убытками, трудно привить уважение к подсобно добытому рублю. Следует учесть и то обстоятель-

ство, что крайние конечности и костная арматура животных остаются пока самым ходовым и свободно реализуемым товаром в местных гастрономах.

Областной хлебофуражный баланс 1926 года констатирует устойчивое хлебообеспечение населения. На свободные городские рынки было вывезено по 16—18 пудов на человека. Скот кормили фуражом исключительно отечественного производства. Часть хлеба экспортировалась через кооперацию в другие регионы страны. Баланс довольно точно отражает движение хлеба в единоличном хозяйстве. В Зауралье, например, 39% зерна шло на личное потребление крестьянской семьи, 50% — на хозяйственные нужды (30% — на корм скоту и птице, 20% — на семена), оставшиеся 11% составляли товарный запас². Учитывались даже криминальные тонкости. Мои земляки с каждой души населения тайно перегоняли на самгон по 12 килограммов зерна в год. Перевод килограммов в литры доверяю жизненному опыту читателей.

При таком раскладе, по подсчетам экономистов тех лет, еще не впавших в идеологическую дурь, обеспечивалась условная 30—40%-ная доходность земледелия и 20%-ная общехозяйственная доходность крестьянского двора. Главное же — гарантировалось устойчивое расширение производства. Нынешняя деревня живет по совершенно иным законам. Прежде всего она должна обеспечить директивно поднятую до небес товарность, а потом уже думать о себе.

Экономические обзоры двадцатых годов настойчиво проводили мысль, что экспорт хлеба из Уральской области не имеет будущего. Во-первых, учитывали бурный рост городского населения. Народ тогда жил прагматичный и глухой к романтике дальних дорог. Никто не считал сбежавшего за запахом тайги прогрессивнее того, кто копается по соседству в навозе или земле. Есть хотят, рассуждали по-крестьянски, и герои великих строек. Интересен и другой довод. Излишки хлеба, если таковые будут, советовали направить на развитие животноводства. Предлагался, говоря экономически, переход к более прогрессивной структуре сельского хозяйства. Ясно же,

что тракторы и станки сподручнее покупать на мясо. Но, читатель это хорошо знает по практике наших дней, возобладала лево-социалистическая стратегия — сорвать то, что близко лежит, и продать за границу. Общественный прогресс — дело хлопотное и деликатное. А мы все еще пытаемся толкнуть по дешевке то, что дано России богом, чтобы купить Америку и социализм впридачу.

Реанимирующие свойства нэпа особенно сказались на уральском животноводстве. поголовье скота быстро шло к довоенному уровню. В Зауралье, основном аграрном регионе области, к началу 1927 года приходилось в среднем на единоличное хозяйство более двух лошадей и четыре головы крупного рогатого скота. Обеспеченность скотом составляла две трети к уровню 1916 года, но по сравнению с нищетой начала двадцатых прогресс был впечатляющим.

В статистическом обосновании социалистического прогресса мы привыкли смотреться в зеркало 1913 года. В этом году Урал вывез 220 тыс. пудов мясopодуктов, 31 тыс. пудов мяса птицы и миллион пудов масла. Стоимость экспортируемой годовой продукции — 18 млн. рублей золотом. Из них две трети — доходы от масла. В 1913 году Россия вывезла за границу более четырех с половиной миллионов пудов масла. Один миллион был уральским³. Для соотечественников, кушающих сегодня талонно-бутербродный суррогат, эти цифры покажутся или фантастическими, или оголтелой романовской пропагандой. Нет, взяты они из советского статистического сборника 1927 года, когда общественные науки еще не освоили классового подхода и принципов социалистического реализма. Собственно, и сравнивать себя с тринадцатым годом мы начали с тех времен, когда вымерли все, кто знал, как тогда жилось.

Хочется оживить местный патриотизм курганских земляков. До самой сталинской коллективизации окружное объединение маслоартелей поставляло свою продукцию на лондонский рынок. По 150—160 тыс. пудов в год. Зауральское масло было популярно, как ныне японская техника. Подумывали даже об экспорте в Америку. Утереть нос фермерам, од-

нако, не удалось. Зимой тридцатого около половины коров прирезали, а оставшихся мобилизовали в колхоз. Известно, что с отчетно-бумажных колхозных надоев много масла не собьешь.

Кормили мы гордую Англию и свининой. Курганский беконный завод до двадцать девятого управлял ежегодно на берега туманного Альбиона по 100 тыс. пудов аристократического мясoproдукта. Социалистическую реконструкцию села местные свиньи перенесли еще хуже. За месяцы ускоренной коллективизации их поголовье сократилось в семь раз.

Самоотверженно кормим других и сейчас. Из области вывозится 70% товарной мясoproдукции. Куда? От Москвы до самого пролива Лаперуза — авторитетно утверждает Валерий Спирин, директор местной птицефабрики и мой недавний соперник по выборам в народные депутаты России. Вот про говядину не скажу. Но гласность прогрессирует. Я шесть лет работал в секретнейшем атомном центре на Урале, задрапированном под Челябинск-40. Теперь там спокойно гостят американские физики. Совсем недавно штатные лекторы шепотом, почти на пальцах объясняли дефицит тканей тем, что хлопок идет на ракетное топливо. Опальная команда следователей опровергла официальную версию хлопкового дефицита. Подождем и мы. Когда-нибудь наше современное постное бытие озарит высокая патриотическая истина, что банки зауральской тушенки с непонятными латинскими этикетками шли исключительно на ядерные боеголовки.

«Расширяющееся из года в год крестьянское стадо, — свидетельствует официальный отчет 1926 хозяйственного года, — в своей товарной части упирается в рынок, без надлежащей организации которого невозможно будет или весьма затруднителен рост товарности животноводства». Для аграрного прогресса необходим был развитый рынок. Не государственный экономический диктат, независимо от того, находит ли он выражение в директивном предписании или откровенном налоговом мародерстве, а свободный рынок и кооперация. На том стояла вся русская экономическая наука, оптом зачисленная в оппорту,

низм, и бухарински умные головы в политическом руководстве, ликвидированные в розницу. Общеизвестно, что В. И. Ленин видел социализм в строе цивилизованных кооператоров.

Политический ультрапатриот может гордиться коллективизацией. В самом деле, здесь мы соригинальничали крепко. Колхозника можно отличить от фермера даже визуально. По отношению к труду, например. Кооперация есть явление экономическое, следовательно, интернациональное. Нутро отечественного кооператора не светлее, чем у его закордонных коллег. Но именно универсальный экономический интерес гнал уральских негоциантов в европейские дали, приучая практически к хозяйственному расчету, осмотрительной предприимчивости и джентльменской культуре сделок. И заставлял покупать в в промышленных странах то, что необходимо их основному клиенту и поставщику — крестьянину. У себя на родине не рассчитывали на случайную удачу, а строили отношения с мужиком на долговременной и взаимовыгодной основе.

Революция и гражданская война смяли мощный кооперативный процесс в России. По благоприобретенному экономическому и политическому невежеству мы связываем начало кооперативного процесса с колхозами. А его теоретическое обоснование — с работой В. И. Ленина «О кооперации». И до сих пор всю теорию и практические решения по этому вопросу пытаемся почерпнуть из нескольких страниц популярной статьи, сотворить из Ленина еще и Эйнштейна кооперации. Достаточно трезво взглянуть на дореволюционную историю российской экономики, чтобы убедиться в наличии массового кооперативного движения во всех отраслях народного хозяйства. Мысли, достойные не только политических транспарантов, но и сугубо практической организации кооперативного производства, вы найдете в фундаментальных трудах Чупрова, Маслова, Прокоповича, Ильина, Туган-Барановского, Чаянова и многих, многих других.

Сейчас модно признавать ученых-экономистов, репрессированных Сталиным. Мода, отражающая

скорее время, чем идеологические вкусы. В нас просыпается сострадание к жертвам и боль утеранных возможностей. Надо сделать следующий шаг на пути к исторической справедливости и признать, что идейные противники Ленина тоже были далеко не дураками, что не надо выводить за баню и ставить к стенке всякого, кто любит Россию не по-большевистски.

Куда денешься от реальности? Со скрытой тоской мы говорим теперь о шведском и других европейских социализмах. А ведь именно у них в те шальные наши годы кооперативный процесс вылился в цивилизованную интеграцию частного экономического интереса с общественным. Создавались отраслевые, общенациональные и международные альянсы кооператоров. Только на Востоке святая партийная инквизиция жгла на кострах классовой резни идею добровольно-кооперативного социализма.

В первые же годы нэпа кооперативное движение возродилось вновь. Курган — колыбель сибирского маслоделия. В ноябре 1907 года был создан Союз сибирских маслоартелей, сбывающий 90% своей продукции за границу. Основной принцип построения кооперативного Союза — добровольность. Социальная основа — исключительно единоличные крестьянские хозяйства. В Зауралье работало более восьмисот крестьянских маслозаводов. Курганская контора Союза в год нашей революции отправила за рубеж 260 тыс. пудов масла. Контора объединяла 100 маслоартелей⁴.

Возрожденная в 1924 году зауральская маслокооперация стала быстро набирать обороты. Но через пару лет в ее хозяйственном механизме послышались специфически социалистические скрипы. Снизилась хозрасчетная эффективность под весом растущих затрат на аппарат маслосоюза, окружного землеуправления и других начальствующих органов. Старело «николаевское» оборудование. 36% маслозаводов, констатирует отчет 1926 года, требовали капитального ремонта, а 40% износились совсем. Пугливые советские кооператоры обоснованно избегали крупных капитальных затрат. Куцая и рваная исто-

рия социалистического частного предпринимательства, легального и подпольного, омрачена патологической страстью отечественных бизнесменов к наличности и вытекающей из этого, отнюдь не биологического факта, их моральной деградацией. По сравнению с холемым зарубежным коллегой наш предприниматель выглядит дикарем. Невозможность придать собственной деятельности социально престижный характер, постоянная угроза конфискации вынуждают его искать приложения доходов в изощренном потребительстве и социальном кураже. Нищая, но бдительная советская общественность, это естественно, усматривала здесь феномен буржуазной морали и всегда находила единственно верный выход к справедливости и духовному оздоровлению — отобрать и поделить по должности.

К середине двадцатых стало туго и с оборудованием. Наверху уже бредили домнами и ввозили только то, что отвечало азартной государственной затее — догнать и перегнать. А в маслоделии, чтобы догонять, надо было еще отстать. Постепенно деградировали все отрасли по переработке сельскохозяйственного сырья. Техническое и экономическое отставание этих отраслей стало в нашем народном хозяйстве хроническим. В сегодняшней областной экономике износ оборудования перерабатывающих отраслей близится к 100%. Между местным мясокомбинатом и военным заводом, расположенным рядом, технологическая пропасть в сотню лет. «Что болтается — привариваем, что отпало — прикручиваем алюминиевой проволокой», — печально шутит знакомый инженер элеватора. В справедливости его слов убедится каждый читатель, пристальнее всмотревшись в пристанционные ландшафты, традиционным фрагментом которых являются вымирающие хлебоприемные пункты.

Кооперативное движение нэпа навевало перспективы во многих сферах хозяйственной деятельности. Созданный в 1915 году Союз кредитных товариществ возродился в образе Селькредитсоюза. К 1928 году его окружное курганское отделение включало 85 первичных крестьянских обществ, в которых состояло

24 тыс. членов. Объем кредитных операций достиг 12 млн. рублей и охватывал почти все виды финансовых затрат крестьянского двора.⁵ Высокие темпы добровольной мобилизации крестьянских денег были характерны для всех округов Уральской области. Вскоре деятельность Кредитсоюза была огосударствлена на всех уровнях и использовалась для проведения директивных решений.

Первой вернулась к активной хозяйственной жизни потребительская кооперация. К 1927 году Курганский окрпотребсоюз объединял 114 первичных потреббществ с 34 тыс. пайщиков. На долю потребкооперации приходилось 70% розничного товарооборота⁶. Уместно отметить еще одно интересное обстоятельство. Демократический и абсолютно хозрасчетный характер деятельности кооперации способствовал повышению требований к качеству заготавливаемой и продаваемой продукции. В оборот принимались только товары гарантированного спроса. В остальном ассортименте полагались на индивидуальные заявки и контрактацию под будущие заготовки. Все это, дополненное постоянным демократическим контролем, обеспечивало высокую экономичность работы. Экономическая культура потребкооперации тех лет особенно впечатляет на фоне колоссальной бесхозяйственности, массовых хищений и злоупотреблений, творимых в нынешней торговой системе. Вот уж поистине бедность — не порок. Участие в различных видах кооперации гарантировало реализацию излишков единоличного хозяйства, устойчивое товарное покрытие крестьянского рубля, и, что тоже важно, оборот кооперированных средств приносил доходы, часть которых выплачивалась ежегодно пайщикам.

С изменением политических и экономических ориентиров государства потребительская кооперация потеряла, как говорят китайцы, свое лицо. Товарные потоки попали под контроль партийного аппарата и стали мощным средством давления на крестьянство. Потребкооперацию централизовали, а Центросоюз превратили в пасынка государственной торговли. Правда, сохранили формальную самостоятельность. Но без финансовых послаблений. Пайщикам дали

понять — не мужицкое дело считать дивиденды. У социалистического государства на этот предмет есть более компетентные органы.

Все естественно возникшие высокоорганизованные формы кооперации могли стать, да что там — уже были, мощным источником накопления и саморазвития сельского хозяйства. Начальные формы объединений вели не только к повышению товарности единоличного крестьянского хозяйства. Их логическим следствием был переход к производственному кооперированию в осторожных добровольных проявлениях. Просматривалась вполне реальная возможность вертикального перемещения кооперативных средств для индустриализации и производства потребительских товаров. Вот бы когда вспомнить об акционерных предприятиях, а не шестьдесят лет спустя. Местные хозяйственные органы и экономисты были очень близки к этой идее. Вообще следует отметить, что традиционно хулительные слова в адрес директивно-командной системы должны иметь историческую глубину. В децентрализованной экономике хозяйственная администрация действовала по преимуществу толково и профессионально-творчески.

Мобилизация, нет, здесь этот милитаристский термин менее всего подходит, объединение государственных, кооперативных, индивидуальных средств на демократической и экономической (акционерной) основе могло, это несомненно, выполнить функцию первоначального социалистического накопления. В таком варианте истории дальнейший экономический прогресс возможен только на свободном, а не принудительном труде. Если часть прибавочного труда каждого найдет свое выражение в рабочих акциях, тогда и общественная собственность предстанет интегрированной величиной индивидуального богатства людей.

В нашей истории все было иначе. Государственные лидеры смотрели на мир радикально проще, а общественную мысль делили, как один из персонажей Ф. М. Достоевского, на две части — Маркс с Лениным и вся остальная сволочь. Классиков уважали не читая, а при слове «акция» хватались за шаш-

ку. Поэтому в революционных начинаниях предпочли сильную власть, которую, как сказано чужим классиком, рождает винтовка, и стерильную от буржуазной заразы государственную собственность.

Политическая авантюра коллективизации закрыла самый важный экономический процесс — добровольную производственную кооперацию крестьянства. В 1924 году, первом урожайном году нэпа, на Урале в кооперативах числилось 245 тыс. человек. Через год число сельхозкооперативов почти удвоилось, и в них уже состояло более 400 тыс. членов. В дальнейшем кооперативный процесс развивался не только количественно. Он доказал высокую способность к организационному совершенствованию. Экономический интерес и рынок выводили кооперативы к саморегулированию размеров и отраслевой специализации. Входя в союзные объединения (Маслосоюз, Селькредитсоюз и др.), они стойко защищали свою хозяйственную самостоятельность и противились административному нажиму со стороны окружных и районных контор. Последние, как и подобает бюрократическим заведениям, подотчетным центру, бросились за формальными количественными показателями. Однако нет оснований относиться к деятельности управленческого аппарата кооперативных союзов однозначно — негативно. Скорее, наоборот. Структура управления формировалась исходя из производственной необходимости, в практике руководства преобладали экономические формы. Бюрократизация вытекала из растущей политизации хозяйственной жизни.

Крестьянство пыталось обойти бюрократические барьеры. Вспыхнула стихийная самокооперация. Возникали «дикие», то есть несоюзные кооперативы. Их появление вызывало острую подозрительность со стороны партийного и государственного аппарата. Позднее в отношении всякого неформального движения установили верный политический диагноз скрытой антисоветчины. В Курганском округе, например, на 1 октября 1926 года числилось 252 союзных и 194 «диких» кооператива⁷.

Сейчас модно задаваться вопросом — была ли у нашей страны реальная возможность подлинно социалистического развития? Не было, если принимать за социализм упрямое стремление унифицировать все формы хозяйственного и общественного бытия, на чем стояло политическое руководство и послушный отечественно-номенклатурный марксизм. Была! Если понимать под социализмом живое творчество народа на базе национальной культуры и интернационального хозяйственного опыта. Понимать не декларативно, а в смысле реальной политики. Пусть взглянет экономическая наука в учетные карточки экономической деятельности сельхозкооперативов нэпа, чтобы убедиться в реальности социалистических начинаний крестьянства. Даже в небольшом аграрном регионе Зауралья возникли многие десятки форм производственной кооперации. Были коммуны, сельхозартели с различным уровнем обобществления, маслоартели, многочисленные виды товариществ: машинные, по совместной обработке земли, животноводческие, кредитные, мукомольные, мелиоративные, садово-огородные, пчеловодческие и др. Машинные товарищества через кооперацию находили путь к зарубежной сельхозтехнике и тракторам. Животноводческие товарищества по пойме Тобола и Исети планировали и начали практически закупку породистого скота в Европе. Не впадая в ложную феерию, отмечу, что деревня была бедна. Но начало экономического возрождения, по самым цивилизованным меркам, было верное. К сожалению, прогрессивные устремления земляков быстро разошлись с ошеломляющими прожектами партии.

Сельхозартели в классически колхозном варианте полного обобществления были не в чести. Мужики находили их неуклюжими и малоэффективными. В начале 1928 года в Курганском округе из пятисот кооперативов только 26 были колхозами. А через год партия объявила колхозы «столбовой дорогой» к социализму. Но мужики пока об этом не догадывались.

«Жить надо сознательно и ответственно», — говорил в жуткие минуты расправы один из ультрарево-

люционных персонажей А. Платонова. Самостоятельная хозяйственная суета деревни не вписывалась в общую стратегию социалистического строительства, сложившуюся в государственных умах. В ней крестьянину отводилась фундаментально безнадежная роль заложника социализма, модно говоря, принудительного спонсора. Чтобы сделать его таковым, надо было выбить из мужика общественно порочный личный интерес. А заодно и ветреные мысли о добровольной кооперации. Тут нужно было учреждение основательное и надежное, как тюрьма...

Вернемся к началу разговора. К Пашке.

Косить в тот день пришлось недолго. Вскоре пошел по-осеннему серый, неторопливый дождь. Поставив комбайн в предлесье, мы направились пешком домой. Дорогой сокрушались по поводу загубленных лесов и мелеющего озера, разбегающейся деревни и растущего колхозного штата, колхозной бедности и сегодняшних гостей-захребетников. Я нес что-то о формах обобществления, продовольственной программе и совершенствовании хозяйственного механизма, находя свои доводы логичными и убедительными.

— Ну ты, Санек, даешь! — оборвал меня у самого дома Павел и добавил тоном естественно и примитивно понятного: — Так ведь колхоз же.

— Ты прав, Павел, — сказал бы я сейчас. А тогда обиженно промолчал.

ОГРАБЛЕНИЕ ПО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИ

Приобщение крестьянства к идее социалистической индустриализации началось с налогов. Власти материалистически верно связали вольнодумие мужика с ростом его доходов, поэтому ударили по первопрочине. В 1927 году ввели новый сельскохозяйственный налог, в два с лишним раза тяжелее прежнего. Принудительно установили низкие закупочные цены на хлеб. Ужесточили все формы финансового давления на сельское хозяйство. На деревенских улицах вместо суетливых кооператоров появились сердитые блюстители государственного кармана в сопровождении, судя по ситуации, милиционера или судебного исполнителя. Жить стало, как говаривал классик советского деспотизма...: нет, пока не лучше. Но определено «веселей».

Политика форсированного налогового и финансового грабежа зауральского (да только ли зауральского!) крестьянства вызвала с его стороны естественное сопротивление. Крестьянин с послекрепостнических времен привык считать условия и продукты своего труда собственным достоянием. Особенно в наших краях с высокой землеобеспеченностью и слабо выраженной историей помещичьего хозяйства. Правда, русское общинное землепользование строилось на постоянном обращении земли внутри общины. Этот факт был учтен в аграрной программе партии, и сразу же после революции земля была национализирована, т. е. превращена в государственную собственность. Декретом о земле она передавалась в вечное и бесплатное пользование крестьянству.

Община не создавала особой заинтересованности в долговременном облагораживании земли, но и не была столь формальным и невзыскательным хозяином, как государство. Она строго следила за использованием распределенных наделов. И уж, конечно,

была далека от той, утвердившейся впоследствии военно-экономической логики, что общественная собственность на землю полагает и общественное присвоение продукта. В народном сознании индивидуальная собственность, рожденная крестьянским трудом, рассматривалась как естественная и справедливая.

Не было у мужика в начале двадцатых годов ни робости перед новой властью, пока не мешавшей ему жить своим трудом, а потому считавшейся народной, ни благоприобретенной бессловесной покорности, с которой современные колхозы и совхозы расстаются с результатами своего труда в счет выполнения и перевыполнения планов, в счет навязанных социалистических обязательств — простых, повышенных и юбилейных; в зачет долга других хозяйств и районов, а часто и по немотивированному произволу руководства.

Мало изменила ситуацию практика продрозверстки в первые годы Советской власти. Приняв ее как жестокую и необходимую форму изъятия продовольствия, здравый крестьянский рассудок оставался в твердой убежденности, что в обычной, мирной хозяйственной жизни ей нет места. Эмоциональный и хозяйственный всплеск нэпа подчеркнул не только врожденную сметливость единоличника, но и могучую созидательную силу экономической свободы. Бытие определяет сознание. Нужны были долгие десятилетия чрезвычайщины и экономически невежественного абсолютизма, чтобы почти генетически вытравить из крестьянина чувство хозяина и ввергнуть его в состояние глухой покорности крепостного.

Не могу сказать про все крестьянство, но в нашей области это получилось удачно. Знаю не только потому, что изучал ее историю.

— Как работается в новых условиях? — спрашиваю как-то у своего выпускника, ныне ершистого председателя одного из рентабельных колхозов.

— Каких? Они у нас каждый день новые. Дерут только по-старому. Сто тысяч туда, сто тысяч сюда... Вот требуют сто двадцать тысяч на содержание агропрома,

— Это же пара вполне приличных коттеджей,— не отставал я, зная как опытный шабашник, построивший более десятка домов, что к чему.— Хоть пытаешься что-то сделать?

— А как же? — он грустно улыбнулся.— Не дал. Вот и сидим теперь без горячего. Не знаем, с какого бока еще ударят. Лучше уж эту мафию не трогать.

Ежегодные спецпенумы и постановления меняли только административные декорации. Никто не вздрогнул и от нового Закона о земле.

— Что земля? — откровенничал один из ответственных, посмеиваясь над моей суетой с «круглыми столами» по обсуждению Закона.— Пока у нас будет хоть часть фондов, хоть только стройматериалы, вот все они где! — и он показал свой гранитный кулак.

Какие новые конторы возникнут на обломках нынешней агробюрократии, не знаю, но уверен, что в арендные звенья чиновная братия не пойдет. Блаженной памяти агропрома следует отдать должное. В областном центре на невесть откуда взятые средства отгрохали для него новый корпус со светлыми и нагло смотрящими в мир окнами.

Единоличник двадцатых годов мог распоряжаться только тем, что создал сам. В своем естественном скопидомстве он наверняка должен был столкнуться в антагонизме со вставшим на путь откровенного экономического и политического авантюризма государством. Для мужика, печально заметил сто лет назад Салтыков-Щедрин, натуральным результатом любой общественной коллизии является наказание. И в данном случае оно не заставило себя ждать.

Налоговое и финансовое ярмо ускоренной индустриализации, брошенное на крестьянство, быстро превратило большинство моих земляков в государственных должников. Уже в 1927 году, т. е. вскоре после введения нового сельхозналога и первых финансовых кар, недоимки снова стали обычными для крестьянского двора. По душевной простоте или наивному упрямству мужик воспринял недоимки без энтузиазма. Он отказывался понять всю историческую важность момента и свою высокую жертвенную миссию в деле социалистической реконструкции. Крестья-

янский консерватизм стал особенно вызывающим и даже невыносимым в свете ошеломляющих целей первой пятилетки. Стоило ли ждать милостей от классово инертной крестьянской природы?

Совместный циркуляр Уральского областного суда и областной прокуратуры от 28 декабря 1927 года, написанный, разумеется, с указаний Наркомюста, придавал исключительно важное значение своевременному взысканию налога с неплательщиков. Судебным органам и прокуратуре предлагалось провести «ряд решительных мер по оказанию должного содействия финансовым органам как в части выявления контингента неплательщиков, подпадающих под действие ст. 60 УК, так и в части наиболее быстрого прохождения дел, возбужденных против неплательщиков налога»⁸. Разогревая себя и ситуацию, областной суд и прокуратура буквально через полмесяца издают следующий циркуляр, в котором предлагается подобная система мер и в отношении взыскания других денежных обязательств: сбор платежей по окладному государственному страхованию, взыскание задолженности по семенной ссуде, землеустройству, лесоустройству и т. д.

В пулеметной очереди антикрестьянских декретов того времени последний документ примечателен одним кратким фрагментом, который привожу дословно: «Напоминаем, что при проведении означенных жестких директив необходимо соблюдать должный классовый подход»⁹. Политический диктат над правом всегда был исходным пунктом юридического и политического бесправия. Здесь перед нами одна из первых, пока еще малозаметных, уступок правоохранительных органов на скорбном пути превращения наших законов в дышло.

Упреждая возможное недоумение педантичных служителей Фемиды на местах, следующий циркуляр облсуда от 18 января 1928 года разъяснял существо классового подхода с предельной категоричностью «Репрессии по 60, 62 статьям Уголовного Кодекса применять максимальные, особенно по 3-й части ст. 60 и 1-й части ст. 62 УК лишение свободы на более длительное время, в отношении кулаков с конфиска-

цией всего доступного в пределах закона... Приговоры приводить в исполнение самым быстрым темпом»¹⁰. Три дня спустя был нормативно установлен и рекомендуемый темп рассмотрения дел по задолженностям — пять дней.

«Неплатеж в установленный срок налогов и сборов по обязательному окладному страхованию,— гласит статья 60 УК РСФСР, принятая 6 июня 1927 года,— несмотря на наличие к тому возможности, в случае применения мер взыскания в виде описи имущества или продажи описанного имущества... влечет за собой в первый раз штраф в размере тех же платежей; во второй раз — принудительные работы на срок до шести месяцев или штраф в двойном размере тех же платежей». В некоторых случаях эта статья предусматривала и лишение свободы.

Репрессии по взысканию крестьянских платежей с первых же месяцев приняли массовый характер. В Курганском округе только за первый квартал 1928 года по указанным статьям было осуждено 465 человек, в том числе: 34 бедняка, 341 середняк и 71 кулак¹¹. И это в условиях неоднократных упреков из областного центра в излишней либеральности народных судов округа. Вряд ли имеет смысл приводить более развернутые данные, ибо коллизии, связанные с ростом сельхозналога и его взысканием, продолжались до далеких маленковских времен, став почти естественным условием крестьянской жизни. Весной 1928 года в одном из отчетов областного суда с сожалением констатировалось, что «статьи 60—62 для деревни являются статьями уже привычными, отнюдь не чрезвычайными, не поражающими умы ни фактом применения, ни социальным составом осужденных»¹².

В течение 1927—28 хозяйственного года из крестьянства Уральской области было выкачано по различным видам финансовых платежей без товарного эквивалента 56,7 млн. рублей, в том числе с населения в нынешних границах Курганской области более 9 млн. рублей. Впечатляют не масштабы поборов, в будущем они станут много безжалостнее. Важнее другое: в административно-экономическом сознании быстро прогрессирует убеждение, что крестьянские

доходы являются непосредственным и почти природным достоянием социалистического государства, на пути практического использования которого стоит мелкобуржуазный, шкурный интерес единоличника. В политической терминологии и документах того периода стали обычными призывы к выброске денежных ресурсов деревни, их решительной выкачке, изъятию денежных излишков крестьян и т. п. В планируемой по Курганскому округу на февраль 1928 года «выброске» крестьянских денег в 2 млн. рублей предполагалась продажа встречных товаров на 500 тыс. рублей, в изъятии остальных полутора миллионов рекомендовалось опираться на правительственные директивы и волшебную силу революционного слова.

В обзоре «Первые итоги хлебозаготовительной кампании и дальнейшие задачи партии», подписанном Сталиным в феврале 1928 года, признавалось необходимым «выкачать из деревни денежные излишки, используя для этого законы о самообложении, крестьянском займе и борьбе с самогоноварением...» И далее совсем неожиданный пассаж: «...разговоры о том, что мы будто бы отменяем нэп, вводим продразверстку, раскулачивание и т. д., являются контрреволюционной болтовней, против которой необходима решительная борьба. Нэп есть основа нашей экономической политики и останется таковой на длинный исторический период»¹³. Прямо-таки эталон политического лицемерия и подлости. Чисто феодальные поборы прикрыли идеологической стрехой нэпа. Что касается «длинного исторического периода», то он закончился через полтора года, когда «контрреволюционная болтовня», с которой в документе призывали бороться, стала основным направлением аграрной политики. А продразверстка уже бушевала по всей стране.

В эти печально переломные годы двусмысленность и лицемерие становятся все более характерными чертами государственной политики, особенно по отношению к собственному народу. Нарастает противоречие между высокопарно-пустой фразой официальных хозяйственно политических документов и

строго секретными служебными циркулярами — действительной нормативной основой для сталинской бюрократии, отбрасывающими элементарные нравственные и политические принципы партийной работы и обязывающими к откровенному насилию. В истории, писанной кастрированной общественной наукой и выдаваемой долгое время за образец марксистской теории, не нашлось места реальной истории борьбы народа за общечеловеческие, т. е. подлинно социалистические идеалы. А тем более секретной кухне массовой жестокости. Гений Карамзиных, Соловьевых, Ключевских и древо национальной мудрости нам надежно заменил многотомник «КПСС в резолюциях». Следы шестидесятилетнего идеологического карантина видны на нашей физиономии и сейчас. «Все обкомовские в таких ходят!» — хвалился новой шляпой мой недавний шеф, выдавая смело свои жизненные и эстетические критерии. Теперь он на персональной пенсии. Стоит внимательнее присмотреться к перестроечной общественной суете, чтобы увидеть шаржированные рецидивы нашей политической одичалости.

7 января 1928 года ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление о налоге самообложения, полагаясь, видимо, на природную терпеливость русского мужика и его инстинкт общечеловечности, о котором с гордостью писал когда-то Ф. М. Достоевский. По официальной версии, средства нового налога подлежали расходованию на социальные, культурные и бытовые нужды деревни. В идее самообложения лежал большой резон. Русский мужик, задеревеневший от извечного рабства, злой нужды продрозверстки и всероссийского голода начала двадцатых, в короткие годы нэпа почувствовал себя человеком, способным не только к самостоятельному хозяйственному мышлению, но и более высокой культуре общения. В. И. Ленин вполне обоснованно считал первейшим условием превращения крестьянина в цивилизованного предпринимателя ликвидацию его рабского положения в обществе и новые формы экономических отношений, исходным пунктом которых должны быть рынок и кооперация. Даже самые первые, «дикие»,

как бы сказали сейчас, несанкционированные формы крестьянской самокооперации, выросшие на просторах тюменского, к примеру, захолустья, были экономически эффективны. Еще раз вспомним добрым словом рынок нэпа. В течение трех с лишним лет он обеспечивал высокий, до сих пор непревзойденный уровень продовольственного обеспечения уральских городов и закупку продуктов питания для других районов страны. Не в укор сегодняшней анархии государственных цен и убегающей из-под контроля инфляции, а ради справедливости, подчеркну, что тестируемый нами много лет рынок обеспечивал стабильность цен и материальный авторитет молодого советского червонца.

По излишней доверчивости или суровому политическому воспитанию мы, если и верим в высшую справедливость, связываем ее не с богом, а государством. На этой почве развели многомиллионную армию амбициозных служащих казенной справедливости, загоняющую нас в нищету. Наши политически наивные предки предпочитали менее накладную веру в бога, требовали за свой продукт материальный эквивалент, а общественную благотворительность признавали только по отношению к убогим. Так что и с социальной справедливостью у них было как-то проще.

Идея общинных средств, пусть они называются самообложением, не нова. В любом демократическом государстве значительная часть общественных средств, собранных через налоговую систему, находится в пользовании местных органов власти, обычно муниципалитетов. За счет местных бюджетов строятся жилье, учреждения образования, культуры, здравоохранения, содержится общественный транспорт. В одних странах они являются основной формой социальных расходов, в других — дополнением к государственным и частным вложениям. Движение средств контролируется исключительно местными властями.

Общинные финансы наряду с распространенными общинными трудовыми повинностями и традициями могли заметно ускорить хозяйственное и культурное

развитие уральской деревни. Принцип, повторяю, был верен. Для его практического внедрения необходимо было глубокое понимание экономической природы социализма и демократическое уважение к правам и материальным интересам крестьянина. Демократия и материальный интерес — азбука социалистического строительства, с тяжелой руки сталинской диктатуры были заменены искусственно спровоцированной социальной интригой. Мучительно долгой интригой, где главной жертвой стала близкая моему сердцу русская деревня.

Государственная забота о культурном и социальном развитии уральской деревни сразу же приняла чрезвычайный и по-военному секретный характер. В середине января 1928 года вопрос о самообложении был рассмотрен Уралобкомом ВКП(б) и президиумом Уралоблисполкома. Партийным и советским органам рекомендовалось немедленно приступить к кампании самообложения населения. Без нудных экономических обоснований — всякая ложь должна быть краткой и убедительной — определили спасительную для области сумму — 7,5 млн. рублей. Сумма удивительным образом совпала с занаряженной Кремлем.

Зауральским налогоплательщикам в кампании отдавалось явное предпочтение. По разнарядке крестьянство Курганского округа должно было собрать 900 тыс. рублей, Тюменского — 675, Челябинского — 980, Шадринского — 850, Ишимского — 690 тыс. рублей. В директивном порядке были предписаны прямо-таки пожарные сроки проведения кампании. В январе, да-да, в том самом январе, в двадцатых числах которого приняты на всех уровнях власти решения о введении налога, должно быть собрано 30% предусмотренной суммы, в феврале — 60%. в марте — остальные 10%¹⁴.

Первые, далеко не главные, трудности возникли с размещением налога среди населения. Культурные запросы деревни были лишь словесной ширмой, о них сразу же забыли, приступив к делу практически. Нужна была какая-то реальная основа индивидуального обложения. Остановились на сельхозналоге.

Вначале решили, что самообложение будет достаточным, если составит 35% от суммы сельскохозяйственного налога. Положительная черта любого свежего налога в том, что его можно повышать. С самообложением это делалось неоднократно.

Определение суммы налога — легкая, так сказать, теория вопроса. Значительно труднее заставить раскошелиться прижимистого мужика. Крестьянство не оценило культурного государственного почина и отнеслось к идее самообложения подозрительно, уловив иронию в самом названии налога. «Правительство старается поднять культуру, — неосторожно выразился мой лебязьевский земляк Рыбин, — а вместо того, чтобы завести хорошую скотину или скотный двор, обирает меня самообложением... Наверное, не на культурные цели проводится самообложение. Наверное, политика та, что мужик хлеб не везет, вот поэтому-то и проводится самообложение»¹⁵. Прежвременная мудрость прощительна бесшабашным гениям, а тут... Отечественная история, издревле жестокая к природной сообразительности русского простолюдина, неожиданно смилосердствовала. Рыбин сохранился для истории, попав в информационную сводку ОГПУ о политических настроениях крестьянства. То есть на классических условиях великомученика за истину.

Я привел только один случай открытого возмущения. Говорили так многие, еще больше, если не принимать мужика за восторженного политического болвана, так думали. Информационные сводки окружных отделов ОГПУ полны взятых под подозрение примеров. Среди репрессированных и финансово обиженных были, конечно, и враги Советской власти. Я не сторонник скорого и огульного суда над нашей историей. Альтернатива произволу — справедливость. Оставив за собой право на экономическую и нравственную оценку происшедшего, надеюсь, что когда-нибудь все секретные материалы репрессивных органов, попав в руки честных историков и правоведов, дадут подлинную картину деревенской драмы тех лет. Воздав каждому по заслугам,

О плохом отношении всех крестьян к самообложению свидетельствуют многие партийные документы. На апрельском (1928) пленуме Уралобкома ВКП(б) первый секретарь Шверник с допустимой по тем временам откровенностью признал, что самообложение проходило не совсем гладко, традиционно сославшись на бешеное сопротивление кулачества и несознательность серой крестьянской массы. В строго секретной внутривнутрипартийной переписке отношение мужика к самообложению неоднократно характеризуются отвратительным.

Мы подошли к чрезвычайно важному моменту. Самообложение ни политически, ни экономически не было выдающимся историческим событием. Скорее, наоборот. Впредь мужика обирали и похлеще, а о политических спектаклях и говорить нечего. Важно в этой кампании, по-моему мнению, другое. Самообложение и сопутствующие ему меры носили явно дискриминационный по отношению к деревне характер. Той деревне, которая в короткие годы нэпа впервые почувствовала реальность социалистических начинаний. Радикальная смена политических идеалов в высшем руководстве поставила партию, особенно ее рядовых членов, перед глубоким нравственным выбором. Цели политического руководства партии и государства, какими бы громкими словами они ни прикрывались, все больше расходились с интересами народа. Каждый коммунист по мере осознания этого печального факта должен был решить — оставаться ли верным коммунистическим принципам, или подчиниться изменчивой политической конъюнктуре. И решить быстро. В ближайшие же годы этот выбор развел по разные стороны общественного бытия.

Дни сегодняшние доказывают, сколь труден этот выбор. Я не говорю об откровенных защитниках партийных кастовых интересов. С ними все ясно. Можно понять и тех, для кого прямолинейность и жестокость прежней политики стали внутренней убежденностью. Большинство же рядовых коммунистов вновь перед мучительным выбором. Мучительным потому, что партия в тыловом обозе социального движения, что надеются на демократизацию и нравственное оз-

доровление партии, а находят лишь бюрократические игры и политический макияж...

О, времена, о, нравы! Над зданием обкома партии подняли государственный флаг России. Снова народ и партия едины? Или хотят за суверенитетом возрождающихся Советов пережить трудные времена, мечтая о светлом будущем? Партийный съезд стоя аплодировал генералу, замахивающемуся на роль российского Пиночета.

Вернемся, как говаривал Ф. Рабле, к нашим баранам. По демократическому протоколу, как-никак налог-то назывался самообложением, требовалось принятие суммы налога общим собранием деревни. Тонкий демократический нюанс превращал кампанию в практически невыполнимую. В самом деле, наивным было ожидать здесь единодушия от людей, привыкших работать, думать и считать самостоятельно. Кроме того, в крестьянском сознании крепло подозрение. «В прошлом году вы плакали на всю республику,— сказал (цитирую по анонимному доносу в ОГПУ) еще один земляк, на этот раз белозерский,— говорили, платите сельхозналог, больше с вас ничего не возьмут, а теперь...» Святая деревенская наивность! Уж мужику-то должно знать, что российская действительность на подлости неистощима.

Чрезвычайная обстановка требовала соответствующих мер. В январе 1928 года на места были направлены тысячи уполномоченных. Не только для взывания налогов, самообложение было тонкой лирической прелюдией к истории самого жестокого произвола, о котором речь впереди. Партийно-хозяйственный актив областного центра направляется в округа, окружное начальство — в районы, районное, естественно,— в деревню. Практика работы уполномоченных дожила до наших дней и хорошо знакома читателю. Очень молодым все же объясню. Уполномоченный — командированный сверху бездельник, обязанный следить за вашей политической и профессиональной активностью, с неограниченным правом наказывать походя или донести на вас по инстанциям. В описываемом случае новоявленным миссионерам вменялось в обязанность любыми средствами обра-

тить крестьянство в стратегически предусмотренный аскетизм.

Антикрестьянские хозяйственно-политические кампании не могли опираться на демократические органы Советской власти и основную массу сельских коммунистов. Отчаянные, сомневаюсь — искренние ли, ленинские слова «не смей командовать!» призывали не ставить ультрареволюционные и теоретические амбиции выше экономического опыта миллионов крестьян. Сталинская администрация имела на этот счет прямо противоположное мнение. Социальное творчество народа («Голь на выдумки хитра» — говорит русская пословица) подменялось удушающей силой принуждения. Для укрепляющейся личной диктатуры строго централизованная политическая бюрократия была предпочтительнее внутрипартийной демократии, услужливое политическое функционерство Шариковых полезнее творчества низов. Главное завоевание революции — Советы, созданные как органы народовластия, постепенно выталкивались из активной общественной жизни, перерождаясь, в конечном счете, в фиктивное представительство власти. Действительной опорой сталинской диктатуры, по злой иронии называемой Советской властью, был мощный репрессивный аппарат.

Не буду повторять общие места нашей истории. К данному материалу сказанное выше имеет следующее отношение. Вселенская трагедия сталинизма, исковеркавшая до неприязни идеалы социализма и отечественную биографию, начиналась в далеком деревенском захолустье, в стороне от столбовой дороги истории. И не в зловещем тридцать седьмом, а ранней весной двадцать восьмого. Первой жертвой молоха сталинизма стал беззащитный перед стихией природы и истории многострадальный русский мужик. Стон его боли и отчаяния затих во времени. А наш слух более привычен к восприятию героической истории колхозного строя и идиллии «Поднятой целины».

«Положение с самообложением обстоит отвратительно, во всех мощных селениях почти поголовно проваливают, = доносит в Курганский округком

ВКП(б) уполномоченный по Чашинскому району Игнатенко,— вряд ли придется провести этот вопрос вторично». И далее, уже не уповая на силу революционного слова, добавляет: «Нужно разработать особые мероприятия по этому району, видимо, без вмешательства ГПУ для изоляции некоторых кулаков, хотя бы временно, ничего не получится»¹⁶. Имея чрезвычайные полномочия и творческий склад ума, он запретил районным уполномоченным выезжать из деревни до полной разверстки самообложения. Инициативу, о которой наш герой тотчас же сообщил в Курганский окружком, встретили с пониманием. Запретили возвращаться в город и окружным уполномоченным.

Ошибался Игнатенко, полагая, что чашинские мужики уникально скупы и несознательны. Знать бы ему историю и действительное состояние кампаний в других районах. Сибирский губернатор Денис Чичерин весной 1774 года, по свежим следам пугачевского бунта, доносил в Петербург: «Во время замешательства в Утяцкой, Курганской, особливо же в Ыковской слободахъ (те самые игнатенковские места. — Авт.), когда приехали в тое слободу от злодейской толпы казаков 50 человек, от ихъ злодейского атамана Ковалевского с приказанием, штобъ прибытия ево с толпою ожидали и заготовляли хлебъ и фуражъ, тогда все Устьсуерской слободы крестьяне взбунтовали и предалися к самозванцу подъ именем Петра, третьева императора... По усмирении и по утверждении той слободы жителей в верности присягою злодейское пламя в нихъ еще не погасло: некоторые старались опять взбунтовать, уверяли, што самъ злодей Пугачев Башкирью идетъ в здешнюю сторону...»¹⁷.

История фактов свидетельствует, что у уральского мужика всегда хватало ума понять свой хозяйственный резон, отличить героя от душегуба, доставало мужества пожертвовать всем ради общественного блага. В уполномоченных сразу увидели государственных вымогателей. Отчеты с мест, а их стали требовать и сводить с военной оперативностью по пяти-

днемкам, полны упреков в несознательности и даже озлобленности крестьянства.

Применение репрессий, по мысли многих уполномоченных и партийного руководства, было вернейшим средством политически образумить крестьян. А заодно и придать демократии нужное направление. Окружкомы партии в своих директивах прямо указывали на необходимость использования всех рычагов пролетарской диктатуры. Районные партийные инстанции переписывали эти директивы слово в слово, боясь, как бы в собственную редакцию не закрался какой-то намек на послабление. Жалость считалась аморальной. Отвечали персонально, если не головой, до этого пска не дошло, то личной свободой. В моей родной Половинке был снят с работы первый секретарь райкома партии, а председатель райисполкома и заведующий финансовой частью осуждены на три года лишения свободы за установление повышенных льгот по самообложению. По нынешним временам сей факт делает честь району. От себя добавлю, что землякам-половинцам часто везло на мягкосердечное начальство. В голодные послевоенные годы, когда пришлось ходить по миру (кто не знает — нищенствовать), моими любимыми объектами были дома начальника районной милиции, райвоенкома и судьи. Не знаю, за смелость ли — больше туда никто не заходил — или по доброте душевной, но подавали хорошо. Правда, просили, чтобы я не заходил в землянки молдаван-переселенцев, где давали по необычному в наших краях грецкому ореху. Соглашался, поскольку был равнодушен к житейской экзотике.

Общие собрания проваливали идею самообложения сразу. Широко понимаемая демократия работала против государства. Так как концепция социализма была выписана гениально и полностью, менять следовало что-то в демократии. Начали с резкого увеличения числа «лишенцев», т. е. лиц, лишенных права голоса. Отказать человеку в элементарном гражданском праве оказалось совсем не сложно. Сельские Советы составляли черные списки самых отчаянных и недовольных на предмет лишения их права голоса. С утверждением списков не вдавались в сом-

нительные юридические тонкости, посчитав, что авторитета райисполкома тут вполне достаточно. Последние подмахивали списки оперативно и даже охотно. Работа, требующая больше политического энтузиазма, чем ума, покатила гладко. В деревне быстро росла прослойка бесправных, но глубоко обязанных. К 1930 году в Курганском округе насчитывалось 19 тысяч «лишенцев». Было бы, конечно, больше—охладили пыл секретные директивы, разъясняющие, что для государственных интересов важнее не конфискация прав, а конфискация денег и хлеба. Правовое государство, гарантирующее определенные гражданские свободы, — продукт долгой истории. А уничтожить его можно сразу. Эта плодотворная для всякого очень решительного революционера мысль сулила большие перспективы. К чему утомительно качать права каждому отдельному крестьянину, если можно решить проблему сразу и с государственным размахом. Но, придерживаясь твердых материалистических позиций, начали с мужицкого кармана.

В проведении самообложения сельсоветам и низовым партийным организациям настоятельно рекомендовалось опираться на беднячко-средняцкий актив. Что понималось под столь распространенным политическим термином? Наиболее сознательная и трудолюбивая часть крестьянства? Не будем спешить. Никто не дерзал думать, что бедняк и середняк отдадут свои тощие рубли с благоговением. Скорее наоборот. Всякого, имеющего деньги, а тем более зарабатывающего их собственным трудом, естественно считать противником налога. Тем более, что так оно и было.

Кто же мог стать деятельным сторонником налога на местах? Кого из беднячко-средняцкой серости и за какие достоинства причислили к политическому цветку деревни? Уполномоченные и местное начальство — не в счет, они подневольный штат государственной бюрократии. К официальной идее они привязаны содержанием. Для трафаретного политического сознания, озлобленного классовым подходом, привычно считать бедняка объективным результатом эксплуатации, носителем светлой социалистической

нравственности. Мы с детства воспитаны на подозрении ко всякому индивидуальному достатку. Равенство в бедности — вот фундамент нашей морали, освещающей все материальное и интеллектуальное бытие.

Наверное, для того, чтобы заглянуть в историю непреднамеренным взором, надо критически относиться и к моральным принципам. Не замахиваясь на созидательную роль пролетариата, усомнимся лишь в святости нищеты. Пролетарию, человеку труда, во все не обязательно быть нищим. Из этого факта, доказанного, к сожалению, другими, следует исходить и нам. Заслуживает осуждения общество, где рабочий прозябает в бедности, а общественные идеалы эгоистически оторваны от труда. Здесь, опять же к сожалению, мы скорее подсудимые, чем судьи. Независимо от того, возводили ли бедность в общественную добродетель или увлекались пропагандистскими миражами всеобщего изобилия. Горьким опытом даётся нам христиански простая истина — нравственно то, что создано своим трудом. Бедным можно стать и помимо железных законов истории. По причине элементарной лени, например, общественной и личной бестолковости. Да и мало ли есть обстоятельств, позволяющих быть человеку не совсем трудолюбивым. Затянувшаяся феодальная история России с натуральным характером крестьянского двора не способствовала развитию высокой культуры сельскохозяйственного труда и самого работника. Нэп же ставил каждое хозяйство в естественные для товарного производства условия конкуренции, будил от сонной патриархальщины и втягивал в активный общехозяйственный оборот. Одновременно рынок обозначил мертвый грунт аграрной экономики — всю дикость, бесшабашность и лень деревенских люмпенов, чьи интересы вполне удовлетворялись аскетическим прозябанием.

Деревня конца двадцатых была по преимуществу бедной. Но в ней уже вызревал конфликт между мужицким предпринимательством и патриархальной инерцией покоя. Конфликт, который при условии социалистических государственности и землепользова-

ния мог стать мощным фактором экономического прогресса. Мог. Но для отечественной истории он обернулся еще одной мучительной трагедией, гражданской войной теперь уже против деревенского хозяина.

Естественно, что представления о социализме у труженика и люмпена совершенно различные. Для первого это общество, в котором личное и народное благополучие основано исключительно на труде. На необходимости труда покоятся крестьянское мировоззрение, мораль и эстетические взгляды. Для второго — представления о социализме ленивы, просты и радикальны. Отобразить и разделить поровну — к этому сводит люмпен, независимо, городской или сельский, все содержание революционных преобразований. Он за утверждение социальной справедливости путем полного уничтожения частной собственности либо ее постоянной перетряски в сторону уравниловки. Национализацию первых месяцев революции можно понять, многое даже объяснить экономически. Народу возвращалось отчужденное у него эксплуатацией. История социалистической экономики начинается с создания национализированных государственных предприятий в ведущих отраслях народного хозяйства. Конфискация же трудовой собственности мужика, ставшая нормой во времена коллективизации, есть преступление против труда, крестьянства и экономических основ социализма. Страшны и очевидны его социальные последствия. Шестидесять лет деревня находится в летаргии бесхозяйственности, политического равнодушия, деградации нажитых веками национальных культурных и нравственных ценностей.

Участвовать в ограблении крестьянства могли, разумеется, только люди осознанных преступных намерений или глубоко заблуждающиеся, равнодушные или рабски подневольные. «Мир диалектичен,— резонно заметил один из героев Андрея Платонова,— на каждого героя есть своя стерва». Русский мужик собственной шкурой познал горькую силу диалектики. Я не верю в политическую искренность партийного руководства тридцатых годов. Особенно тридцатых.

Не верю потому, что знаком с обратной секретной стороной дела. Секретность всегда была основой антинародной бюрократии. Стыдно читать высшие партийные директивы, отмеченные скотским отношением к крестьянству и что-то зловеще напоминающие своим имперским стилем. Мерзостью несет от донесений местных сатрапиков, конечно же, строго секретных и полных жалоб на мужика вообще и в отдельности. Ползали по нашим опустевшим ныне селам вооруженные и беспощадные до чужого Сопроновы. А по ночам сосредоточенно слюнявили химическим карандашом безграмотные доносы, взывая о помощи к властям и ОГПУ. Жалость с революционным мужеством пресекалась, а наиболее решительные в подлости попадали в номенклатуру. Разумеется, и в бедняцко-средняцкий актив.

Бойкими волонтерами антикрестьянских погромов были комсомольцы. В истории довольно часто слепая сила молодости используется в нечестной политической игре. Особую ставку на молодежь делает обычно политический экстремизм, привлекая юность высокой фразой лозунгов и вседозволенностью. Она, как правило, оказывается и первой жертвой общественных катаклизмов. В драматические годы коллективизации значительная часть деревенской молодежи превратилась в реальную силу общественного бойкота и насилия. Хунвейбинов дала миру не китайская история шестидесятых. За сорок лет до того мощная волна политического произвола и мародерства со стороны красной молодежи прокатилась по сельским улицам России. Сколько слез и бед, унижений и издевательств принесла крестьянству неосознанная юношеская жестокость? В какие тысячи семей годы «великого перелома» вошли трагедией сыновнего предательства?

В лицемерии по отношению к молодежи мы, кажется, превзошли все возможное. В «контрагентуру классовой борьбы» (взято дословно с одного документа) были зачислены даже дети. Природную наивность и любознательность ребенка выдрессировали в систематическое доносительство на родителей и соседей. Стоят по России памятники малолетним ве-

ликочученикам коллективизации. У постаментов, на которых в решительных позах застыли гранитные мальчишки, совершаются пионерские обряды. Снова даются и берутся клятвы в верности. В готовности бороться и жертвовать.

У односельчан, пусть самых отчаянных, есть определенные границы революционного самоуправления. Деревня сильна общественным мнением и кровным родством. Борьба борьбой, а жить-то рядом. Умнеет, взрослея, комсомольско-пионерская контрагентура. Поэтому самыми надежными и бескомпромиссными членами политического актива были люди пришлые, те агрессивные миссионеры мировой революции, которым интересы мужика казались оскорбительно мелкими в сравнении с величием творимого. Доморощенного энтузиазма хватило бы ненадолго. По мере развития событий в деревню направлялось все больше активистов, начиная от «выдвиженцев» и «тысячников» до профессионально вышколенных ганьбу. Соответственным образом менялись аграрные идеалы государства. Одни перекраивали деревню в стерильно чистый от личной собственности Чевенгур. Другие в хронической гигантомании бредили агропромами и старались привить мужику вытравленный ранее вирус частного интереса. Но, разумеется, так, чтобы ни в коем случае не ущемить казенного интереса. Деревня неизменно оставалась страдающей стороной.

Вернемся к архивным материалам. Уполномоченный по Половинскому району доносил из деревни Чулошное следующее. На бедняцкое собрание было приглашено 34 человека из 360 имеющих право голоса. Напомню читателю, что по изощренному демократическому этикету требовалось решение бедняцкого собрания. К назначенному на следующее утро общему собранию был приглашен 71 человек. Голосовало за самообложение 48 человек, то есть «большинство». Такие спектакли усеченной демократии стали повсеместными. С отчетов уполномоченных можно написать многотонную историю политического лицемерия. «Первое собрание не состоялось, — общал уполномоченный по деревне Жилино того же

района, — второе — народу набилось в две комнаты, как сельдей в бочке!» Затем с гордостью излагаются факты собственной политической расторопности. Накануне, по приезде в деревню, он встретил на улице пьяную женщину, которую запер на целую ночь под замок. Наутро, угрожая тюрьмой, выпытал, у кого есть самогонные аппараты. В числе самогонщиков оказалась абсолютная беднота, т. е. классические активисты. Не воспользоваться ситуацией было бы преступно. Амнистировав самогонщиков под твердое обязательство голосовать за самообложение и активно призывать к тому, удалось принять налог в этой поныне маленькой деревне. На собрании были некоторые процессуальные сложности. «Возникали» многие, но особенно какой-то Гомзяков. После ареста он голосовал за самообложение абсолютным большинством. Но не охотно. «Видно было, — отмечается в донесении секретарю райкома партии, — что часть граждан дожидается того же, что и Гомзяков». Тут же испрашивались указания относительно судьбы активистов — оставаться ли человеком слова или, поступив принципиально и партийно, отправить их в районный нарсуд. Посоветовали оштрафовать на месте.

Об арестах. С самого начала кампании самообложения они стали обычными. Репрессии и угрозы были, пожалуй, самыми вескими аргументами в деревенской демократии. Уполномоченные не только слово, они укомплектовывались милиционером или следователем, могли обратиться за помощью к органам ОГПУ. А обстоятельства почти повсеместно требовали применения насилия. «Отдано распоряжение об аресте» — самый распространенный фрагмент отчетов. Когда секретарь Марайского райкома партии Курганского округа предупредил о недопущении перегибов и принуждении силой к самообложению, окружком признал его действия неправильными и политически опасными. Опять рекомендовалось использовать всю силу пролетарской диктатуры.

Не хочется забыть о Гомзякове. Том самом неблагонадежном. В совхозе «Новобайдарский», отделением которого является Жилино, поныне живет

крестьянский куст Гомзяковых. Я хорошо знал Владимира Кирилловича Гомзякова — директора этого совхоза, отдавшего всю жизнь родной деревне. Трудолюбивый и по-крестьянски медлительный в решениях, он плохо вписывался в суетливую кампанейщину брежневских времен. Начальства боялся. Говорил и поступал часто невпопад, за что был постоянным предметом насмешек и хамства районного руководства. Уже пенсионером, незадолго до смерти, жаловался, что перестал по-настоящему жить с тех пор, когда стал директором. «Каждый день в страхе перед кем-то отчитываешься,— сокрушался он,— что-то в спешке и незаконно пробиваешь. С мужиком все только через угрозы и мат. По-собачьи, не по-людски живем!» Сокрушался, но через силу держал совхоз в теле.

Отрусевшие маленькие деревеньки сопротивлялись самообложению недолго. Труднее было с крупными и дружными селами. Шантаж — это хорошо понимали в партийном руководстве — здесь малоэффективен. Где набрать такую прорву милиционеров, следователей и сотрудников «известных» органов? А рука, лежащая на кобуре, была единственным реальным основанием всех полномочий уполномоченных. Сначала, конечно, было слово. Но слово было живо. Требовались, говоря по-нынешнему, новые подходы. К чести тогдашнего партийного аппарата, следует отметить, что свой творческий потенциал он не топил в словопрениях и бумагах, а сразу брал мужика за бока.

Насилие само по себе всегда примитивно. Творчески развитыми могут быть его формы и моральные оправдания. В любой диктатуре нет проблемы морали, последнюю она сама создает. Отсутствие пут «буржуазного» гуманизма и ответственности делало новую государственную мораль весьма понятной и исторически конкретной. Морально оправдано то, что соответствует ближайшим политическим целям. В экономической области зимой 1928 года политически актуальной была выкачка денег у крестьянства. Покушение, явное или скрытое, на чужой кошелек во все века считалось

аморальным и строго каралось. Воровство всегда оставалось социальным пороком. Более того, кодекс воровской чести осуждает кражу трудовых доходов. Не говорю уж о грабеже, он был презираем даже в жуликоватой купеческой среде. Новая мораль была революционной по существу. Она освятила массовый грабеж крестьянства высокими лозунгами социалистического строительства.

Творческий поиск начали с самой демократии. Речь не о «лишенцах», хотя это несомненная политическая находка, а о тонких процессуальных аспектах голосования. В исходных государственных документах указывалось, что собрания действительны в том случае, когда собрано не менее половины жителей, имеющих право голоса. Заметьте, не голосовало, а собрано. Этот терминологический нюанс, если оценивать итоги голосования по классическому большинству, обеспечивал поддержку налога при четверти голосовавших «за» жителей. Один голос в поддержку налога, таким образом, перекрывал три голоса «против», в деревне помимо немых «лишенцев» появилось слабоголосое большинство. Кроме того, решение о принятии налога вначале утверждалось на собраниях бедноты, которая была освобождена от его уплаты. Тут же решалось, кого пригласить на общее собрание.

Чтобы не зевать от привычной дикости нашего прошлого, вспомним свежий пример. На недавних выборах в общесоюзный Совет народных депутатов голос избирателя, выступавшего за московского депутата, был в тысячи раз слабее голоса того, кто выбирал депутатов от общественных организаций. А на съезде голос шести миллионов москвичей был легко подавлен мнением нескольких сотен партийных функционеров. Ветреная наша история! Шепотом заговорили даже москвичи. Политическому лидеру России отказали в представительстве в Верховном Совете. Хорошо, что есть Сибирь, неистощимые силы и благородство которой неоднократно спасали столицу от позора. На российских выборах власть предержавшие действовали творчески изощреннее. Сводили самых бойких претендентов в тесную компанию на «д-

ном избирательном округе и устраивали показуху демократии. Под ее шум в отдаленных медвежьих углах проводили без альтернативы номенклатурно-близких.

В 1928 году не удалось загнать на собрания даже половины деревенских жителей. Все глубоко понимали, к чему клонят власти, и не торопили судьбу. Государство оказалось хитрее. В дополнение к существующим правилам голосования было установлено, что собрания действительны при одной трети жителей. Если же они заупрямятся и на этот раз, назначать директивно новое собрание и голосовать при любом количестве собравшихся. Демократическая мысль, таким образом, была доведена до совершенства и нашла широкое творческое применение. В отчетах уполномоченных количество собравшихся характеризуется все более образно и менее протокольно. Какой смысл гоняться по деревне за лытающими от власти мужиками, если процедура одобрения получила временные границы. При любом раскладе «классовых сил» положительное решение обеспечивалось максимум в три собрания. Правда, при одном существенном условии, заметно осложняющем демократические начинания. Для проведения налога требовалась поддержка большинства. Большинство из меньшинства — это стало основой отечественной политической культуры, удачно сочетающей мерзость диктатуры с тонким ароматом демократии.

Конфликт нарастал. Деревня работала, бедствовала, праздновала и защищала свои интересы общества. Защищала, как могла. Уполномоченные жаловались, что мужики морально издеваются над представителями пролетарской власти, коими считали себя. В самом деле, как расценивать ситуацию, когда на персонально согнанном общем собрании нет голосующих ни «за», ни «против». Только под ехидный смех толпы всплывает несколько рук воздержавшихся. По такому быстро освоенному сюжету разыгрывались многие собрания. Я хочу привести лишь один пример, имеющий анекдотический оттенок. Уполномоченный по Режевскому району Свердловского округа доносил в окружном партин: «...после доклада было

голосование, и получилась такая картина, что «за» никого нет, «против» — никого и воздержавшихся только один. Когда я навел справки, оказалось, что этот воздержавшийся — колчаковский комендант, белогвардеец». Надо же! Все еще не отвык от вредных дворянских привычек. И уж совсем политически обнаглели щучанские мужики (ныне райцентр Курганской области). На общем собрании бедняцкое большинство, которое по всем законам исторического материализма должно быть революционно-прогрессивным, дружно проголосовало «против». Зато робкая кучка зажиточных, льстиво сгрудившаяся впереди, голосовала за самообложение. Ошарашенный председатель собрания успел, однако, заметить в глазах активистов ехидный блеск. Земляки шутили. Никто не предполагал, что в ближайшие годы деревня содрогнется от невиданного разорения и произвола.

Ситуация подвела к альтернативному положению дел. Либо возвращаться к естественному экономическому развитию на основе нэпа, либо становиться на путь дальнейшего диктата и прибегнуть к спасительному колониальному принципу — «разделяй и властвуй». Наиболее ретивые миссионеры дошли до этого своим умом. Один из первых, например, уполномоченный Курганского окружкома ВКП(б) по Белозерскому району, он же член окружного суда, Булыгин. Уникальность нашей истории в том, что самыми лютыми инквизиторами народа всегда выступали люди, призванные по должности защищать правопорядок. Профессионально ухватив голую суть вопроса, наш герой не стал наводить тень на плетень с демократическим утверждением налога. Доведен сверху — значит, обязателен ко взысканию. «Ведьмы существуют потому, что есть суды над ведьмами,— утверждал еще в сумеречные средние века английский король Яков, автор «Демонологии», и заключал свой силлогизм убийственным доводом,— а святая инквизиция ошибаться не может». Наш белозерский мракобес раньше отечественных профессоров уловил, что пролетарская власть тоже действует божественно и объективно. И ошибаться, рискуя головой, могут только подчиненные. Исходя из этого пос-

тулата, он заменил риторический вопрос «быть или не быть» на прагматический — «кому платить?»

При распределении занаряженной суммы налога по дворам были посеяны первые зерна межкрестьянской розни. И посеяны намеренно, с расчетом расколоть деревню на враждующие группировки, искусственно спровоцировать «классовую борьбу». В нашем общественном бытии мы, говоря критически, свихнулись на этой самой классовой борьбе, полагая нормальным, когда соотечественники остервенело рвут друг друга за горло или идут стенка на стенку. В сталинской деспотии классовая борьба стала абсолютным основанием для массовых репрессий. Все политические и хозяйственные кампании проходили под шум судорожного поиска и скорой расправы над классовыми врагами, а еще более хлестко — врагами народа. И в буднях нынешний любой акт инакомыслия будирует в нас благоприобретенное чувство политической подозрительности.

От идеи самообложения пропорционально сельхозналогу тогда отказались быстро. Демонстрируя классовую солидарность с бедняком, своим, доморощенным, партийные органы решили основную часть налога переложить на домовитого мужика, нейтрализуя его собственнические наклонности. Если он взъерепенится, можно обозвать его кулаком, придать ситуации провоцирующе-политический оттенок. Беднякам же начали выдавать векселя на освобождение от налога. Упоминаемый нами Булыгин, например, связал эти акты милосердия с твердым обязательством голосовать впредь за партийные решения. Таким образом, лодырь, обласканный весомым избирательным правом и гарантиями экономической неприкосновенности, а в случае конфискации чужого добра и надеждами на приобретения, вдруг становился классово и политически агрессивным. Правда, радикальное классовое самосознание постигло немногих, да и не лучших. Но в рамках социалистической демократии было традиционно важно не количество активистов, а факт их наличия. Система всегда находила организационные формы превращения их в подавля-

ющее меньшинство. Даже если это противоречило закону.

Обратимся к документам. Уралобком ВКП(б) в директиве от 7 февраля 1928 года разъясняет, что «в практике работы по проведению самообложения на местах обнаруживаются случаи нарушения сходами установленного законом порядка распределения самообложения по отдельным социальным группам, допуская иногда против закона в большей степени увеличение тяжести самообложения на кулацкие и зажиточные слои населения. Обком ВКП(б) считает необходимым указать окружкомам, что в тех очень исключительных случаях, когда допущенные сходами нарушения не носят характера особо грубого нарушения закона и преследуют лишь цель некоторого усиления нажима на кулацкую верхушку деревни, и если эти решения вынесены при полном согласии всей бедняцко-средняцкой массы деревни, и, следовательно, применительно к местным условиям являются безусловно политически выгодными, и отмена таких решений сходов лишь только по формальным соображениям нецелесообразна»¹⁸. Не обращайтесь внимания на форму и стиль изложения. Перед вами мезозой партийно-бюрократического стиля. Существенно то, что материальная и политическая выгода ставятся определенно выше закона. И обком партии легко рекомендует его перешагнуть.

Через неделю ВЦИК и СНК РСФСР принимают постановление, в котором «сельским Советам разрешается отступать от установленного способа раскладки самообложения в сторону усиления самообложения особо мощных крестьянских хозяйств или установления льгот для малоимущих хозяйств»¹⁹. Местному произволу и провоцированию «классовой борьбы» придали статус государственной политики.

Анализируя детали общественной жизни тех лет, труднее всего избежать иллюзий о благородных целях нашей политики. Мы и сейчас-то на каждом шагу благодарим партию и правительство за отеческую заботу. С тезисом о вселенском благородстве и благотворительности нашего государства мы выросли. Нам противопоказана элементарная мысль о том,

что государство, дабы дать, должно предварительно отобрать. Что масштабы его отеческой заботы определяются объемом конфискованного за минусом затрат на прожорливую государственную бюрократию. Мы покорно отдаем рубли, чтобы потом, рассыпаясь в благодарности, принимать медные гроши подаяния. И в те годы за громкими словами заботы о бедняке стоял чисто экономический интерес. Ну в самом деле, какой смысл облагать фискалом бедняка, у которого за душой ни копейки? Пусть уж останется в политическом активе, коль бесполезен экономически. Объектом пристального внимания нашего государства всегда был человек работающий и создающий. Это внимание, независимо от того, было ли оно прикрито идеологическим саваном классовой борьбы или легким флером хозяйственного расчета, всегда оставалось по сути государственным мародерством. Ничего не изменилось и поныне. Масса нерентабельных хозяйств-лодырей и политически деятельных бездельников растет катастрофически. Прогрессирующий социальный паразитизм делает невыносимым существование нормальных предприятий, на которых свалена вся тяжесть общественного содержания. Нерасторопные, как и шестьдесят лет назад, пребывают на льготном режиме. Истерические призывы к реальному хозрасчету, отгородившему бы труд от тунеядства, напоминают последнюю молитву обреченного в слепой надежде на чудотворное спасение. Правда, нынешнего лодыря не берут в политические союзники и даже легко журят. Но если, упаси бог, общественные и природные условия жизни оказываются для него неблагополучными, он вновь восстает в ореоле великомученика. Не потому ли бюрократ и лодырь-энтузиаст так усердны в защите «непреходящих исторических ценностей» уравнительного социализма?

Мобилизованный кнутом и пряником, обманом и шантажом, политический актив бросился на деревню. Бучило разрушения и ультрареволюционного произвола искало удовлетворения, разжигая искры взаимной вражды. Демократический фарс постепенно

перерастал в гражданскую войну с мужиком. С 12 часов ночи до утра по телефону передавались по-военному строго секретные сводки о прохождении кампании. Сотни нарочных скакали в суровой зимней ночи, пряча за пазухой осургученные конверты. Все мило напоминало романтические дни гражданской. В обстановку больше вписывался Клим Ворошилов, нежели, скажем, Александр Чайнов или Василий Леонтьев.

Прочтем одну из страниц архивного тома с документами о самообложении. Уполномоченный по Звериноголовскому району Курганского округа доносил об итогах общих собраний.

«Верхняя Алабуга — «против», собрание будет отменено как незаконное, нет кворума, работа ведется дальше». Заметьте, нет кворума. В случае положительного решения о кворуме не упоминали.

«Мочалово — нет решения, видя, что вопрос не пройдет, наши товарищи, пробившись до пяти часов утра, добились снять вопрос с повестки дня, хотя собрание и было законным, иначе выхода не было.

Плотниково — «за», первое было отменено как незаконное.

Боровлянка — «за», сразу.

Березовое — «за», первое было отменено как незаконное.

Соснова-Отнога — «против», работа ведется дальше»²⁰.

Описанная ситуация была типичной для многих районов Урала. Частности касались только числа общих собраний, времени их продолжительности и, разумеется, числа арестованных. Были национальные тонкости при проведении кампании среди татарского, башкирского и немецкого населения Уральской области.

Оптимизм власть узурпировавших нарастал. «Завтра будет проводиться вторичное собрание,— без тени неуверенности сообщает уполномоченный из тихого Мокроусовского района,— на прошедшем

получили на два голоса меньше. Собрание признано незаконным. Сегодня ведем вторичную подготовку»²¹. Под «вторичной подготовкой», догадываюсь, понимается исторически неразвитый прототип той партийной накачки, которой подвергают народных депутатов теперь перед голосованием по сколько-нибудь важному вопросу.

Деревня была обречена. Как из времен татарского нашествия, всплывают в архивах факты ее яростного сопротивления. В некоторых деревнях собрания проводились по восемь-десять раз! Но государство победило и на этот раз.

К середине февраля сумма налога была «демократически» принята почти повсеместно. Где демократия оказалась бессильной, налог ввели директивно. Взыскание его передавалось в руки финансовых органов и стержневую репрессивного аппарата. Мы еще ознакомимся с деталями этого процесса. Сейчас же специально для свято верующих в энтузиазм тридцатых годов заглянем только в один архивный документ. В телеграмме Молотова на имя секретарей окружкомов ВКП(б) от 8 января 1928 года, т. е. вместе с выходом постановления о самообложении, предписывалось: «при обосновании указанного декрета необходимо отмечать, что с ростом благосостояния деревни и ее культурных потребностей самообложение населения уже получило широкое распространение в последние годы по инициативе самого крестьянства и что декрет лишь вводит инициативу в определенные нормы и уточняет цели самообложения»²². Так-то! Выходит, зря мужики ерепенились. Для официальной истории государства и партии уже была заготовлена светлая версия самообложения. С претензией на великие цели, государственную мудрость и всенародную поддержку. Сладкий яд политической лжи превратил примитивную обираловку в восходящую героинку социалистического строительства. А прижимистого земляка — в политического энтузиаста.

НИЩИЕ КРЕДИТОРЫ, ИЛИ «НИ ДВОРА БЕЗ ЗАЙМА»

Оперативно проведенная кампания по размещению самообложения выявила огромные потенциальные возможности социалистической демократии в деле государственных приобретений. Напрашивалась и была реализована естественная мысль о дополнительном самообложении и даже превращении этого налога в постоянно действующий механизм выкачивания денег из деревни. Амбициозная политика большого скачка, основанная на пренебрежении к экономическим законам и интересам, породила массовое бюрократическое поборотворчество. В широкой гамме государственных поборов, замаскированных под высокими социально-политическими лозунгами, особое место по лицемерию занимают госзаймы.

В практике многих развитых стран государственные займы и финансовые обязательства играют серьезную роль. С их помощью государство активно воздействует на денежное обращение, частное предпринимательство, проводит социально-экономические и военные программы. Непременным условием размещения государственных займов является добровольность и, разумеется, выгодность покупки ценных бумаг, высокий уровень гарантий государства.

Растущий долг капиталистического государства мы по дурной политической привычке безапелляционно относим к факту его кризиса. Между тем рост обязательств государства свидетельствует об интеграции его интересов с интересами кредиторов. Покупая облигации, население тем самым выражает доверие финансовой деятельности государственного аппарата. Покупая вполне цивилизованно, не под дулом револьвера.

Если продолжать экономический анализ дальше, ни до чего хорошего не додумаешься. Действитель-

но, почему, например, астрономический долг федерального правительства США больше скрыто радует нас, нежели пугает американцев? Или они постоянно пребывают в том наркотическом состоянии, которое пережили мы в первые месяцы продажи билетов лотереи «Спринт», когда разносили в щепки киоски в фанатической надежде мгновенно улучшить личное благосостояние. С нами все ясно. Тотальная бедность культивирует в народе упрямую веру в чудотворное и быстрое обогащение. Думаю, поэтому мы первобытно восприимчивы к лотереям, розыгрышам и прочим финансовым аферам, рассчитанным на экономическую невоспитанность. Ко всему тому, что известный английский утопист называл добровольным налогом на дураков. Но почему прагматичные американцы меняют деньги на государственные бумаги? Чешется даже стратегически крамольная мысль — может, они и процветают потому, что государственный аппарат сидит только на долгах?

Сложно все это. Не лучше ли вернуться к нашим святым и понятным канонам и удовлетвориться тезисом, что государственные займы при социализме в корне отличаются от буржуазных по форме и существу. Без ведущего к греху анализа. И только для особенно любопытных откроем пыльные архивные страницы.

За время подготовки и проведения коллективизации среди населения Урала и Зауралья было распространено три выпуска общесоюзного займа индустриализации, заем «Пятилетка в четыре года» и заем укрепления крестьянского хозяйства. Были и другие, продуктивные для государства финансовые инициативы. Через все виды займов с крестьянства Уральской области в 1927/28 хозяйственном году было снято 10,5 млн. рублей, в 1928/29 году — 6 млн. рублей. В постановлении президиума Уралоблисполкома от 7 января 1928 года отмечалось, что реализация займов «является важнейшей политической и хозяйственной задачей всех советских и общественных организаций области». В обращении Уралобкома ВКП(б), Уралоблисполкома и Уралпрофсовета к рабочим и крестья-

янам области эта задача предельно конкретизирована: «ни одного крестьянского двора не должно остаться без займа укрепления крестьянского хозяйства». По-военному лаконичный норматив лег в основу многих директивных документов, оставаясь незыблемым для всей политики государственных займов на долгие десятилетия. Старшие поколения хорошо помнят сталинскую технологию подписки на займы.

Для срочного размещения займов не требовалось особой политической кампании. Принудительное превращение полунищего мужика в государственного кредитора происходило на фоне шумной драмы самообложения и хлебозаготовок. Так было в самом начале. В дальнейшей истории наступления на интересы и права крестьянства принудительным займам суждено было стать хроническим фактом нашей жизни. Использовались те же методы чрезвычайщины, лицевой стороной которой оставались высокие пуританские фразы об интересах революции, о необходимости концентрации народных средств и экономическом возрождении и, конечно же, о добровольности подписки. Кто станет возражать столь благородным начинаниям пролетарского государства? Не вызывает сомнений огромная важность государственных займов. Последние становятся аморальными тогда, когда нарушаются законы экономического развития, политические и нравственные принципы общественной жизни.

Прежде всего в жертву идее скорой индустриализации была принесена основная хозяйственная ячейка российской деревни — единоличное крестьянское хозяйство. Сбалансированное общественное производство — на этом стояли все порядочные русские экономисты — немыслимо, если подрывается финансовая основа крестьянского двора. Централизовать можно только то, что, модно говоря, лежит за пределами самофинансирования. Единоличник живет в условиях абсолютного хозрасчета. В противном случае изъятие средств есть мера чисто политическая, а экономическая деградация неизбежна.

Позднее, с принудительным обобществлением всего сельского хозяйства, займы били уже по наше-

му личному благосостоянию. Активное распространение облигаций развивалось в скрытую форму инфляции: ведь рубли, отданные в долг государству, не требовали эквивалента потребительских товаров и услуг. Народное хозяйство теряло естественные ориентиры и бросалось за собственной тенью, подгоняемое амбициозными призывами «догнать и перегнать». Из года в год росли формальные доходы, которые броско отразившись в официальной статистике миражом общественного благополучия, вновь уплывали в государственный карман в уплату облигаций свежего займа. Когда же ситуация подводила к критической точке, государство с идеологической страстью вырубало буйную поросль пустых дензнаков и чертополох облигаций. Разумеется, находились железные аргументы, утверждающие прямую связь народного блага с новыми денежными и финансовыми аферами. И ничего удивительного тут нет. Вся наша жизнь давно сведена к общему знаменателю — политически декретированному экономическому интересу государства, для которого личные житейские проблемы образуют отдаленный социальный фон.

Отношения между подписчиками и государством никогда, во всяком случае на Урале точно, не носили характера юридически оформленной и равноправной сделки. Займы скорее напоминали финансовую повинность, денежный оброк. Отсутствие реальных экономических обязательств перед кредиторами содействовало бесконтрольности в использовании заемных средств, провоцировало бесхозяйственность в общенациональном масштабе. Уверен, что гигантомания расточительных великих строек коммунизма порождена именно этими обстоятельствами. Уверенность перерастает в убежденность, если принять во внимание тот факт, что наша жестокая история сделала государство абсолютным владельцем колоссальной массы живого принудительного труда. Изъятие по преимуществу тоже из деревни.

Политика есть концентрированное выражение экономики. Не может быть в политике нравственно чис-

тым то, что аморально экономически. Произвол в отношении хозяйственных интересов крестьянства явился и нарушением элементарных принципов политической жизни, провозглашенных Советской властью. Мужика заставляли подписываться на заем и держать облигации самыми изощренными методами, исключая нормальные — силу экономического интереса и политического самосознания.

«После самообложения, — указывается в директиве Курганского окружкома ВКП(б) от 13 февраля 1928 года, — приступить к широкой разъяснительной кампании... Цель — добиться от общих собраний одного — одобрения с их стороны мероприятий правительства, а к этому времени подготовить и зарядить контрагентуру, женщин-делегаток, комсомол, пионеров, учительство и др. и приступить с места в карьер к подписке...»²³ В документе просматривается не долгий, но содержательный военно-экономический опыт гражданской, отождествляющий производителя с жеребцом. К очередной психической атаке на мужика приглашаются, нет, — обязываются, все от мала до велика. Не исключая и членов его семьи. С умиляющей революционную душу кавалерийской лихостью, переходящей часто в лютость, с уральской деревни за два предколхозных года сдернули более 20 млн. рублей. Это, так сказать, общая панорама событий, детальный анализ впереди.

Подлинная драма исковерканного политикой детства будет написана нескоро. Мы сами остаемся ее достойными продуктами, хотя и набрались смелости не доверять триумфально-героической истории пионерии и комсомола. В душевной грусти снимаем с ее иконостаса облики святых иноков. «Не трогайте этих-то, — наступает на меня в письме по поводу публикации в молодежной газете ветеран партии. — Мы со взрослыми еще не разобрались. Пусть Павлик Морозов и Коля Мяготин не были героями. Но они должны остаться для нас как обобщенный образ нашего революционного прошлого. Как Корчагин, Давыдов, Нагульнов». Можно понять этого пожилого человека. Но не оправдать историю подлости и насилия. Когда-нибудь мы научимся отличать собственную

биографию от истории общества. Только тоталитарный режим сводит личную судьбу гражданина к примитивной политической функции. И трагедия в том, что ущербная политизированная жизнь стала для большинства соотечественников личной биографией, святым личным достоянием, часто единственным, вынесенным к старости богатством воспоминаний и гордости. Потерять все это — потерять себя. Защищает прошлое даже тот, кто, угробив всю жизнь в принудительном труде, влачит забытую старость в нищете. Правда, такие в меньшинстве, да и защищают они не политические принципы, а свое достоинство в той истории, которую творили помимо них.

Все неоднозначно и у автора этих, порой злых строк. Моя осознанная судьба началась в послевоенном голодоморе. С лебеды, с ворованных по ночам колосков, с гнилой картошки, собираемой по холодной военной слякоти (осенью собирать мелочь, оставшуюся от уборки, запрещали), с горсти тайно съеденного зерна, распаренного в радиаторе «форд-зона». С голодных обмороков. Рухнул в обморок и тогда, когда на школьной линейке объявили о смерти Сталина. Можно бы тоже встать в позицию и защищать. Припомнить потом тяжелый штурвал колхозной прицепки, с которым справлялся в слезах, подзатыльники комбайнера за то, что укладываю копны не в струнку. А что делать? Стоял пятьдесят шестой — хлеб чуть не в рост человека. Вот и кидался обезьяной на солому, чтобы выпасть с нею из копнителя. И сейчас душа не на месте, когда увижу могучих, спина, как шифоньер, парней, катающихся по асфальту на роликах. Вот бы этих акселератов в мое колхозное детство! Но, поостыв от зависти, соглашаешься, что сермяжная правда трудного нашего детства может обвинять только прошлое.

В директиве от 27 сентября 1928 года Уральский областной отдел народного образования угодливо и со всей категоричностью предлагал провести следующие мероприятия: «Школы первой и второй ступеней семилетки, школы крестьянской молодежи развертывают беседы среди учащихся во время занятий и на ученических собраниях, добиваясь того, чтобы каж-

дый учащийся сделался активным участником-пропагандистом приобретения займа в своей школе, семье и среди окружающего его населения»²⁴.

Были ли моральные границы, которые бы удерживали наивного школьника в чужой политической игре от предательского доноса на родителя? Судя по архивным материалам и печати тех лет, таковых не было. Обвинения против родителей в несознательности и скупости воспринимались властями и печатью за проявления общественной активности.

Указанной выше директивой Уралоблоно, подготовленной совместно с Уралоблисполкомом, учащимся профессионально-технических учебных заведений предписывалась более действенная форма пропаганды — подворный обход. Не знаю, может, у ортодоксальных сторонников раннего политического воспитания есть на этот счет веские аргументы, но чисто человечески стыдно представить детей, нищенствующих в пользу государства.

Мужика брали в оборот все политико-просветительные, культурные учреждения и даже, казалось бы, аполитичные медики. Пришел, к примеру, мужик по болезни или в профилактических целях к фельдшеру. А тот сует ему в нос обращение областного отдела здравоохранения к врачам и медработникам от 18 февраля 1928 года, где предписано всем сельским врачам участвовать в пропаганде займов. И их политическая зрелость напрямую связывается с числом завербованных пациентов. Надо ли объяснять, что у нас политическая характеристика много важнее профессиональной. Не исключая и медиков. А мужику — никаких альтернатив. Чтобы не подозревали в чем-то дети-школьники, не пилила жена, втянутая в активистки, не озлоблялся сельсовет, чтобы не попасть, оборони бог, под зоркое око пролетарской диктатуры, как любовно именовали ОГПУ, мужик вздыхал и платил, если мог, наличными за свою дорожающую час от часу политическую репутацию.

Вернемся к нашим уполномоченным. Если энтузиасты-общественники давили на психику единоличника назойливым словом, создавали микроклимат денежно-заготовительной кампании, уполномоченные

вили из мужика веревки. Они шли в народ с твердой политической установкой — тянуть с крестьянина живым продуктом и мертвой наличностью, для чего и были облечены чрезвычайными полномочиями. В страхе за свою судьбу, замкнутую персональной ответственностью на сроках и объемах отнятого, они не останавливались перед самыми радикальными мерами. Тут не до индивидуальных доверительных бесед с единоличником, упрямо сомневающимся, что живописно изданные облигации надежнее припрятанных рублей. Чаще приходилось по-нагульновски решительно выхватывать из кобуры последний, многозарядный аргумент.

Блюстители государственного интереса были сугубо проинструктированы, что для индустриализации страны хлеб гораздо важнее денег. Это вполне соответствовало объективной реальности. Буржуазная заграница в обмен на оборудование требовала только зерно и категорически не доверяла советскому рублю даже в большей степени, чем крестьянство облигациям. Америка и Англия, к примеру, не Зауралье, так насильно мил не будешь.

Внешние обстоятельства диктовали, умно сказать, методологию экономических отношений в деревне. Все крестьянские платежи, включая принудительную подписку на заем, рассматривались как средство абсолютного обезденежья деревни. Конечным итогом этого процесса, по предположениям партийного руководства, должна стать массовая продажа хлеба государству по установленным заниженным ценам. Мы уже знакомы с централизованными указаниями по данному вопросу. В начале 1928 года Уралобком ВКП(б) совместно с Уралоблисполкомом разработали целую обойму мероприятий по выкачке денег из крестьянства, в которых помимо рассмотренных платежей планировалось усиление притока паевых взносов и вкладов в кооперацию и сбережений в сберкассы, сокращение притока денег в деревню путем сжатия сельскохозяйственного кредита и сокращения авансирования под сырьевые заготовки. Антикрестьянские по своей природе финансовые мероприятия 1928 года полагали в ближайшей перс-

пективе замену свободного рынка хлеба с устойчивыми и сбалансированными ценами на систему государственных заротовок, базирующуюся на неэквивалентном обмене. Надо было принудить мужика сдавать хлеб государству на условиях, выгодных последнему. И сделать это планировалось по-революционному, решительно и быстро.

Подписка на займы индустриализации и укрепления крестьянского хозяйства совпала по времени с самым интенсивным моментом хлебозаготовок — предысторией коллективизации. Поэтому архивные документы отражают принудительное размещение облигаций походя с процессом конфискаций крестьянского хлеба. В секретной депеше из Москвы от 6 января 1928 года за подписью Сталина приказывалось «добиваться досрочных взносов всех платежей, одновременно развернуть кампанию по распространению крестьянского займа; недостижением в недельный срок реальных успехов в смысле решительного перелома в хлебозаготовках можем поставить перед необходимостью замены нынешних руководителей». Мысль, что Сталин слов на ветер не бросает, и пугала, и мобилизовала.

В памятках распространителям займов, разработанных на местах, рекомендовались личные беседы с сельчанами, с особенно прижимистыми — поздно вечером или ночью; повторные вызовы на актив, широкое использование общественного бойкота. Применение угроз не рекомендовалось, но вытекало из самого характера задач. Словом, надо было творчески ориентироваться по ситуации, не забывая о старательском умысле. Как, например, уполномоченный по Егоршинскому району Свердловского округа Кушнерук, чей доклад покоится в стенограмме закрытого заседания президиума окрисполкома от 3 февраля 1928 года. «20-го числа в селе Покровском, — пишет он, — было созвано заседание ячейки. Ячейка — 53 человека. На заседание трезвых могли собрать только 14 человек... На следующий день 21-го числа велел созвать пленум Совета, но собрать его не удалось, так как явилось только пять-шесть человек и пришлось провести президиум, и то с большим тру-

дом. Председателя Совета 22 января привели ко мне под конвоем, но он, видите ли, заболел... Вот что получилось с нашим благим начинанием созвать расширенный пленум со всеми пролетарскими организациями деревни... Пьянствовали пять дней подряд. За это время пропили 7,5 тыс. рублей. Пьянствовали все Крещение — 19, 20, 21 и 22-го числа. 23 ходили все опохмеляться. Результат был такой, что 21 человек оказались изрезанными ножами. Но главное, что режутся, а не жалуются друг на друга, потому что, говорят, еще будет Покров день, там и сквитаемся. На пленуме 22 января я меньше всего стеснялся и так отчитал этот пленум, эту Советскую власть на селе, как только можно было красиво и художественно разделить... Трезвые женщины ревели от умиления и удовольствия, мужики до того дошли, что без всякого принуждения подписались на 600 рублей... Приезжаю в Липино, — продолжает этот орел, — на собрании только один заядлый мужик выступил, который сказал, что это мошенничество. Я сказал, что за это ему три года лишения всех прав за оскорбление Советской власти при исполнении служебных обязанностей. Попросил избача, чтоб нашел статью и ему разъяснил. В результате он подписался на заем»²⁵. Хватит? Суть ясна, а мемуарно-отчетный жанр, как и сюжеты партийной расторопности на фоне деревенской экзотики, всем хорошо знакомы по трудам уральского землемера Брежнева.

«Провозившись с ними (мужиками) до четырех часов утра, — устало сообщает в утреннем донесении уполномоченный Курганского окрисполкома, фамилия которого истории не украсит, — добился подписки на заем». Другой, из Лебяжьевского района, пишет без оптимизма: «В нашем селении... продано приблизительно 12% из пяти тысяч рублей. Надеемся на днях реализовать еще 30%, а то и более. Беднота не имеет денег, хлеба тоже не имеет; середняцкая часть берет очень мало, а зажиточная часть не хочет брать совсем».

В предчувствии срыва кампании некоторые активисты впадают в глухую меланхолию и отчаяние. Другие раскачивают в себе чувство озлобленности,

закономерно перерастающее в классовую ненависть ко всем, имеющим деньги. Да что говорить о послушных исполнителях? Все государственные органы постепенно наливались злобой к политически инфантильному крестьянству. Директивы становились все секретнее и жестче.

В отчетах денежных заготовителей, несмотря на примитивность исходных установок, отразилось все богатство отношений административно проектируемого социализма. Отечественная литература как-то обошла этот исторический момент, сразу увлекшись героическими буднями колхозников. А подойди к нему с четкими ориентирами социалистического реализма, получился бы живописнейший этап в летописи наших свершений. К этому материалу да талантливые руки — мировая культура обогатилась бы светлым и противоречивым образом революционного мародера. Факт!

У нас еще впереди знакомство с эпохальными событиями хлебозаготовок и коллективизации. На их фоне принудительная продажа облигаций является мелким частным определением в безысходной судьбе зауральской деревни. Уклонение от займа квалифицировалось как отягчающее вину обстоятельство. Наличие облигаций, в свою очередь, не освобождало от исторической ответственности за общественный прогресс, поскольку конечной целью эконсмических претензий к мужику был хлеб. Впрочем, ситуация со временем показала, что оставлять облигации на руках мужика рискованно.

На облигации, всученные под пыткой, моральной или физической, мужик смотрел как на пустую бумагу, которую при первом же удобном случае норовил вновь обменять на деньги. В этом стремлении его не останавливали самые святые заверения государства о высокой ликвидности облигаций и навязчиво показательные тиражи розыгрышей. Дело не в природной подозрительности русского мужика к властям. Деньги-то были отнюдь не лишние. В уплату долгов и обязательств по подписке продавалось самое необходимое. Хлеб — основа крестьянского благополучия, его последний ресурс. В 1928 году корова стала той

страховой суммой, которой крестьянин расплачивался за все. В связи с массированным финансовым давлением на деревню начался убой скота. Отечественная статистика отразила этот факт как прогрессивный рост товарности животноводства. Мне в данном случае припоминаются восторженные похвалы родной районки в адрес совхоза, досрочно — в августе — выполнившего годовой план мясозаготовок. Откуда знать молодой литсотруднице, черпающей истину в сельхозсводках, что скот по необходимости сбаврили на мясокомбинат полудохлым от бруцеллеза.

Таясь от соседей и местных властей, крестьяне понесли облигации обратно. Житейская хитрость вылилась в крутом 1929 году в массовое социальное явление. К тому времени у крестьян выгребли и хлеб, желание вернуть часть долга было экономически понятным. Массовая сброска облигаций началась и в городе. Продовольственный кризис — хлеб-то уплывал дальше — и рост цен били по кредитным возможностям рабочей семьи, если таковые существовали. За индустриализацию платил не только крестьянин. В начале 1930 года Уралоблисполком констатировал значительную сброску населением области займов прежних выпусков. К этому моменту было сброшено 57% облигаций первого выпуска займа индустриализации, 44% — второго выпуска и 42% облигаций укрепления крестьянского хозяйства.

Государство брало заем не для того, чтобы его возвращать. Истинные намерения просматривались уже в технологии размещения. Обе стороны хорошо понимали друг друга. Только государство лицемерило до самых шестидесятых, когда Никита Сергеевич Хрущев откровенно отказался от обязательств по займам. Мужик же упрямо пытался сбыть сомнительной ценности бумаги, а разуверившись, оклеивал ими по старинной привычке внутренние стенки комодов. Вся государственная финансовая мудрость была направлена на борьбу за удержание облигаций у населения. Здесь напрашивалось два выхода.

Первый — постоянно размещать новые займы, превратив кампанию в постоянно действующий механизм обращения денег в облигации. Однако задер-

жка в обороте и погашении облигаций прежних выпусков подрывала доверие к новым займам. В документах финансовых органов тех лет полно жалоб на растущее сопротивление населения новым потокам облигаций. Нашли соломоново решение. В 1930 году была открыта подписка на заем «Пятилетка в четыре года», часть облигаций которого обменивалась на облигации ранних займов индустриализации. Таким образом, новый заем одновременно существенно расширял государственные долги и, хотя бы формально, подтверждал дееспособность ранее приобретенных облигаций.

Второй выход — ослабить стремление крестьянства расстаться с облигациями. Для этого требовалась большая работа на местах. При сельских Советах были созданы так называемые комиссии содействия займу. Задрапированные под общественные организации, эти комиссии строго блюли государственный интерес. В полномочия комиссий содействия было поставлено движение облигаций, а точнее — контроль за их сбрасыванием. Отныне сдача облигаций стала возможной только с разрешения «общественности». Разумеется, деятельность комиссий содействия носила выраженный «классовый» характер.

Ограничение ликвидности, т. е. обмениваемости облигаций в такой блестящей политической упаковке, было только началом. В последующем нашли более соответствующее обстановке коллективное хранение облигаций в банке, сберкассе и кредитных товариществах. Очень популярными стали плакаты, изображающие чешущего затылок мужика и плачущую бабу над взломанным семейным сундуком. Стоящий тут же серьезный финработник настоятельно советовал, уберегая от подобной драмы, хранить деньги и облигации в сберкассе. Печать обеспечивала устойчивый моральный климат, принимая за проявление буржуазного индивидуализма любое стремление обеспечить сохранность облигаций самостоятельно. Облигации отделили от их владельца еще одной надежной инстанцией. У каждой из них были

свои финансовые проблемы и вполне самостоятельная оценка политической ситуации.

Мужики, наткнувшись на привередливых членов комиссий и финработников, поползли, как тараканы, в стороны. Но высокий государственный ум тонко предусмотрел эту уловку. В директиве Уралоблфинотдела от 24 марта 1930 года разъясняется, что «выдача разрешений на продажу или залог облигаций предоставляется лишь тем комиссиям, которые хорошо знают займодержателя... Следует иметь в виду, что злостные сбросчики облигаций и спекулянты не остановятся и перед переездом с места на место для сброски облигаций, если в этом отношении будут какие-либо послабления»²⁶. Какие уж тут послабления? Мужик остался сначала без денег, потом без облигаций и, в конечном счете, стал злоумышленником. Он уповал теперь не на милость государства, а на халатность местной бюрократии в надежде по случаю или обманом вернуть хоть часть отданного займа.

В заключение вопроса о финансовом ограблении моих земляков несколько разносюжетных повестей о событиях, оживляющих скучную политическую канву искрами необузданного социального творчества. Мы уже выяснили, что все финансовые мероприятия государства преследовали одну цель — принудить крестьянство к массовой продаже хлеба. Но заставить наголодавшегося досыта мужика расстаться с хлебом можно было только единственным путем — купить на обеспеченные товарами деньги. Необходимо было постепенное развитие и стабилизация рынка — это наглядно доказали годы нэпа, — чтобы крестьянство преодолело психологический барьер страха перед голодом и повезло хлеб на продажу. Наоборот, налогово-репрессивные опыты государства заметно усиливали неуверенность в хозяйственной ситуации. К страху голода добавился страх перед властями. Предчувствия и веселая лютость поборов подсказывали земляку, что грядут смутные времена. Поэтому он не впадал в очарование светлым казенным будущим, а больше надеялся на то, что спрятано в завозне.

Из округов и районов сообщали: налоговые меры воздействия малоэффективны. Они лишь усугубляют озлобленность сельского населения, которая находит классически русское проявление. «Самообложение и другие виды платежей, — говорится в отчете Челябинского окружка ВКП(б), — в настоящее время стимулами для выброски хлеба не являются. Так, в Пивкинском сельском Совете за 18 февраля 1929 года поступило самообложения 1300 рублей, от продажи водки — 1200 рублей, а от продажи продовольственных товаров — 400 рублей. Хлеба за этот день не сдали ни фунта»²⁷. Пусть читателя не смущает страшный перекося в дневном бюджете пивкинских хлеборобов. Подавляющая доля затрат на спиртное вызвана не аномалией их потребностей, а традиционной, сохранившейся до 1985 года структурой товарных запасов в сельских магазинах Зауралья. В нашей истории водка всегда была не только заметной статьёй государственных доходов, но и профилактическим средством, удачно переводящим опасные социальные антагонизмы в политически спокойную форму пьяного куража. А само пьянство — общепризнанным показателем народного благосостояния, исключающим опасные рецидивы буржуазного потребительства.

Налоговую удавку не ослабили ничуть, даже и когда хлебозаготовительная кампания приняла самые крутые и отвратительные формы. Хлеб выгребали начисто, но деревню упорно загоняли в долги. В течение двух лет она обросла пугающими суммами недоимок по многим статьям государственных взысканий. Газета «Красный Курган» 14 февраля 1930 года в статье «Недоимки растут» без драматизма сообщало, что в моем родном Половинском районе «не собрано 7,2 тыс. рублей сельхозналога, 16,2 тыс. рублей страховки, 52 тыс. рублей по третьему займу индустриализации, 80 тыс. рублей по второму, 12,9 тыс. рублей за землеустройство, 9,4 тыс. рублей по первому самообложению» и т. д. На носу были свежий заем «Пятилетка в четыре года», заем тракторизации, повышенный сельхозналог и другие мероприятия, надежно гарантирующие вечную финансовую несо-

стоятельность половинцев. Судя по отчетам окрфинотдела, в Половинском районе дела обстояли не самым худшим образом. Курганский округ с его миллионными долгами был не лучшим в Уральской области, но в числе самых исполнительных. Отметьте еще одну деталь. Упомянутая газета спокойно относит к недоимкам и суммы займа.

Областные и окружные газеты того периода забиты сведениями о движении недоимок и финансовых обязательств деревни перед государством. В слаженном хоре прессы хорошо прослушивался основной политический мотив — темпы социалистического строительства напрямую зависят от средств, поступающих из деревни. Сообщения о недоимках представлялись упреком несознательной деревне.

Политика вседозволенности в отношении крестьян подняла на местах активное штрафотворчество. Уполномоченным окрисполкомов разъяснялось, что «суммы, принятые по самообложению, взыскиваются в бесспорном порядке продажей имущества с торгов в размере принятой с каждого гражданина суммы обложения»²⁸. Чтобы ускорить взыскание — к досрочному погашению долгов призывал товарищ Сталин, — уполномоченные прибегли к наложению штрафов на крестьян, задерживающихся с уплатой налога. Зачастую сумма штрафа значительно превышала оставшуюся часть налога. Крестьянин попадал в долговой круг. Не успев уплатить налог, он попадал под новый штраф. Взыскания по штрафу тоже имели временные границы. Много недоимок — много штрафов. Многообещающая инициатива была, однако, признана незаконной. Но кто мог контролировать соблюдение законности, особенно теми, кто был наделен чрезвычайными полномочиями, т. е. поставлен над законом. Партийное руководство Курганского округа требовало: «Составьте списки недоимщиков, производите принудительное взыскание путем описи, изъятия и продажи имущества... Независимо от описи и продажи имущества злостных плательщиков сельхозналога (мощные хозяйства) привлекайте к судебной ответственности». Штрафы, описи имущества и скорые торги нашли распространение уже в

1928 году. Сумма штрафов по округу составила 13 тыс. рублей, конфискованного имущества — 23 тыс. рублей. В жарком 1929-м о деревенской демократии забыли вовсе, конфискации стали повсеместными. С населения округа было содрано за полгода 92 тыс. рублей штрафа и конфисковано имущество на 130 тыс. рублей²⁹. Надо еще учесть, что конфискованное продавали практически за бесценок сами экспроприаторы. Данные в отчетах суммы ни в коей мере не отражают масштабов награбленного. На нищенство или голодную смерть отправляли решительно и пролетарски безучастно.

Новоявленные низовые активисты щеголяли в обновках, приобретенных по удачному политическому случаю. Тащили домой смехотворно уцененные швейные машины, сепараторы, инструменты, посуду. Кое-кто уже справлял новоселье. Щедрая на чужое власть одаривала деревенскую бедноту, растравливая в ней классовый азарт.

Но нельзя сказать, что курганским партийным и советским властям была свойственна особенная озлобленность. Наши соседи тоже не отличались сердобольностью. К примеру, в Ишимском округе только за полгода (1929) «намолотили» с меньшего, чем у нас, населения 52 тыс. рублей штрафа и на 58,5 тыс. рублей конфискованного имущества. А по числу осужденных у них показатели более впечатляющие³⁰. В Челябинском округе все было как-то цивилизованней и мягче, но без оппортунистических послаблений.

Экономически искушенного читателя, возможно, удивят низкие абсолютные суммы взысканий. В современной социалистической экономике привычнее многомиллиардные обороты почти космической невосомости рублей. Что за деньги, 100 тысяч? По государственным масштабам — копейки. Но именно психология государственного подхода породила отупляющее восприятие трудового рубля, впрочем, как и самого процесса труда. Заработанный, а не отобранный рубль остается и нынче рублем, уступая постепенно нахрапистому рублю-паразиту. Беда в том, что подавляющая часть общественного хозяйственного оборота складывается из таких вот, потерявших хозяина,

рублей. Еще хуже, когда в обращение бросаются колоссальные массы бумажных денег, единственным эквивалентом которых являются затраты на их полиграфию. Рубль конца двадцатых был преимущественно трудовым, а значит, более обеспеченным. Экономическая теория и практика были еще на полпути к гениальной догадке, что обирать население можно без утомительных репрессий, а исключительно с помощью четко налаженной трехсменной работы предприятий Госзнака.

Чтобы финансовые величины тех лет стали чувственно воспринимаемы, сравним покупательные возможности рубля во времени по самой необходимой и болезненной для нас товарной группе — продовольствию. До начала радикальных политических экспериментов государства, т. е. в 1925—1926 годах, на свободных крестьянских рынках Зауралья на один рубль можно было купить по выбору: 20 кг зерна, 3 кг говядины, 16 кг мяса птицы, 2—3 кг животного масла, 50 штук яиц. Это, так сказать, исходный базис, с которого мы рванулись в будущее. Ассортимент и цены нынешнего колхозного рынка читателю печально известны.

Не хочу идеализировать или ерничать. Констатирую лишь недостаток продуктов и официально зарегистрированные цены. Конечно, вывозимые на рынок продукты покупали не все. Оставалось, как говорит моя мама, заработать готовые денежки. Но ведь трудовой эквивалент потребления и составляет твердую экономическую основу общественной справедливости. Это написано на наших знаменах.

Нервный читатель потребует сравнения с уровнем государственных цен. Он технически прав. Хоть, я уверен, призывом к тому будет не стремление к истине, а уязвленное политическое самолюбие. И его надо понять — ведь не в капитализме же живем. Пусть и он меня поймет. Я здесь не скажу про всю Россию, но в нашем регионе из мясного по государственным ценам идут только крайние конечности и костная арматура животных. Говядина в тесном смысле слова в свободной продаже по госценам столь же редкий товар, как цветные телевизоры японского производства

на рынке двадцатых. На юбилейной американской выставке в Сокольниках в 1976 году я был свидетелем интересной ситуации. Ехидный среднерусский мужичок, не выхваченный милицией из очереди по благообразности, с приступью наседа на гида — есть ли в его родном Лос-Анжелесе колбаса. Когда вежливый американец пространно заговорил о супер-маркетах, соотечественник зло махнул рукой и решительно направился к выходу, окончательно убежденный в подлости буржуазной пропаганды.

Посмотреть бы на этого курянина или рязанца после посещения пищеблока Макдональдса, в который выстраиваются тысячные очереди и где коротко представлен предмет нашей особой любознательности — что едят «там». Засветится ли соотечественник завистью, свидетельствующей о явном полевении и демократическом сдвиге ума? Или, озлясь еще больше, впадет в хроническое упрямство нище-советского патриотизма, осложненное верой в исторические преимущества?

Мы снова идем к социализму. Похоже, нас обложили, как волков, его красными флажками. Куда ни кинемся — попадем в социализм. Но, поскольку сейчас мы круто повернули назад, к рынку, все, что было красно-левым, стало правым, а травимый ранее правый уклонизм, естественно, оказался слева. Самые расторопные уже перебежали куда надо. Глухая на политический звон деревня просидела на месте и осталась в неуютном межплечье политических драчунов. Одни ее критикуют за нерешительность, другие обвиняют в предательстве колхозной идеи.

Обратной стороной высокой обеспеченности неповского рубля является низкий уровень розничных цен, исключаящий появление у крестьянства легких денег. Каждый рубль, принесенный с рынка, был оплачен соответствующей массой продуктов собственного труда. Поэтому низкие по современным понятиям суммы штрафов и взысканий на деле оборачивались заметным ущербом для крестьянского двора. Что значило подписаться на сторублевую облигацию? Продать корову или сто пятьдесят пудов хлеба. На пятидесятирублевую облигацию не хватит и годо-

валого теленка. А штрафы? В одном районе Челябинского округа за взаимную драку в семье нарсуд приговорил отца и двух сыновей к штрафу в 1600 рублей. Сумма по нашим временам большая, но не трагическая. Тогда же, чтобы ее погасить, надо было продать 32 тонны хлеба, либо 6,5 тонны мяса. По порочным наклонностям били экономически смертельно. Тот приговор был приведен в исполнение немедленно, проданное имущество дало только 300 рублей.

Секретарь Курганского окружкома ВКП(б) Головин обратился в феврале 1928 года к областному прокурору с просьбой: «ввиду предстоящих религиозных праздников (Масленица), сопровождающихся обычно пьянством и хулиганством, усилить репрессии по отношению к хулиганам путем предоставления райисполкомам налагать штраф до 50 рублей»³¹. Заманчивая идея экономически помирить курганских мужиков не нашла, однако, понимания. Автору объяснили, что «изменение существующего порядка привлечения к ответственности и увеличения штрафа возможно лишь в законодательном порядке центральной властью». Жаль. И ведь просили о немногом. Тем более, что в Ишимском и Тюменском округах это творили и без разрешения сверху.

Чтобы взаимосвязь рыночных цен, налогов и доходов стала яснее, посмотрим на уровень личных доходов различных категорий населения по округам Уральской области. В 1927/28 хозяйственном году сельский врач, к примеру, получал 100 рублей в месяц, агроном — 90, служащий госучреждений — 80, рабочие заводов — 50—60 рублей в месяц³². Годовая валовая продукция единоличного крестьянского двора в годы позднего нэпа приближалась к 400 рублям (сельскохозяйственные округа Зауралья). Чистый денежный доход с учетом приработка на стороне составлял около 100 рублей в год. Причем значительная его часть расходовалась на товары личного пользования. На основе профессионально проведенного областными хозяйственными органами анализа конечных доходов населения был спроектирован необходимый фонд потребительских товаров. Для пол-

ного товарного покрытия доходов планировалось усиление поставок из центра, пропорционально поставкам зерна и другой продукции. Неоднократно испрашивалось разрешение на использование части областных доходов для капитальных вложений в развитие местной легкой промышленности.

Благие намерения областных хозяйственников были признаны голым экономизмом и крайним выражением местничества. Для государственных денег, объяснили газеты впадающим в оппортунизм, есть более высокое и стратегически важное применение.

Не обошли партийно-государственным вниманием начинающую опереться кооперацию. Кооперирование закупок, первичной обработки и сбыта сельхозпродукции, а также кредитное обслуживание крестьян дало в Зауралье замечательные результаты. Создавались условия для подъема единоличного хозяйства и его постепенной интеграции в общенациональный рынок. Потребительская кооперация округов Зауралья охватывала до 70% розничного товарооборота.

Авторитет кооперации, подлинно демократического и добровольного образования, решено было использовать в корыстных политических целях. В распоряжении Уральского облпотребсоюза от 18 января 1928 года преамбулой звучат знакомые слова: «Необходимо принять все меры к выкачке денежных излишков от населения». Думаете, речь идет об улучшении торгового обслуживания населения? Нет. О товарах меньше всего заботы. Распоряжение повторяет дословно часть соответствующей директивы Уралобкома ВКП(б), об обезденежке сельского населения, творчески развивая ее репрессивную сторону. Делается это не по желанию пайщиков, чего требовал Устав, а исключительно по чужой воле и директивно. Партийная прослойка среди рядовых кооператоров была мизерной, но подавляющей в руководстве облпотребсоюза. Прав, прав был Иосиф Виссарионович — кадры решают все.

Зависимость потребкооперации от партийных органов доходила до маразма, называемого застоєм, когда председатель райпотребсоюза — свидетельст-

вую как бывший юрисконсульт Половинского РПС — таскал под мышкой нейлоновые рубахи в кабинет секретаря райкома партии. Ну а тогда, в конце двадцатых? Сначала установили десятирублевый повышенный паевой взнос в кооперацию, лицемерно мотивируя сие заботой о ее материальной базе. Населению Курганского округа это обошлось в каких-то 230 тыс. рублей. Пайщикам Уральской области — в 3 млн. рублей. Секретари окружкомов партии жаловались в Уралобком ВКП(б) Швернику, что наблюдается выход из кооперации. В подтверждение опасений цитировалось следующее обращение крестьян: «Наша кооперация мощная и в денежных средствах не нуждается... Мы думаем, что хозяевами кооперации являемся мы, если же меры проводятся насильно и нас не признают хозяевами, то мы считаем правильнее совсем выйти из такой кооперации...»

Облпотребсоюз развеял демократические иллюзии кооператоров, предписав низовому руководству «принять все зависящие меры к тому, чтобы предназначенная в премию на забор часть прибыли потреббществ оставить в кассе последних... Отменить, где приняты, решения о распределении прибыли». Чувствуете политическую линию? Ни копейки в руки населения. Дивиденды, полученные пайщиками, заставили вернуть в кассу.

Дело не ограничилось распределением прибыли. Отныне вся деятельность кооперации попадала под диктат партийных органов. Внутри кооперативного движения срочно насаждались методы руководства, прижившиеся в партии. Нашли узду и на крестьян, неосторожно замысливших выйти из кооперации. Пролетарская мобилизация, заменившая сомнительную добровольность, положительно сказалась на росте численности пайщиков. Из сугубо торгового объединения наша кооперация надежно превращалась в государственное торгово-политическое предприятие, направляющее товарные потоки в русло партийных кампаний. Дефицит, попав в серьезные руки, стал средством большой политики.

Изучение событий, связанных с хлебозаготовками, начнем с официальных источников. «За последнее время,—отмечается в резолюции объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), состоявшегося в октябре 1927 года,— нужно констатировать значительное усиление плано-регулирующей роли пролетарского государства на сельское хозяйство и рост влияния социалистических элементов в самой деревне... В области сбыта сельскохозяйственной продукции государственные органы и кооперация заняли решающее, а в ряде важнейших отраслей сбыта (хлеб, хлопок, сахарная свекла и т. д.) — господствующее, почти монопольное положение. Это положение выражается: 1) в том, что подавляющая масса продуктов сельского хозяйства заготавливается без посредства частного капитала, вытесненного со своих прежних позиций; 2) в том, что эта продукция реализуется по ценам, устанавливаемым органами государства и определяемым, с точки зрения всего народного хозяйства, в целом, причем за последнее время удалось достигнуть устойчивости хлебных цен весной и осенью; 3) в том, что благодаря определенной политике цен государство имеет возможность влиять на условия самого сельскохозяйственного производства в направлении наиболее целесообразного перераспределения производительных сил...»³³

Мы привыкли считать — государственное обобществление производства и обращения продукта есть мера несомненно социалистическая, облагораживающая всю систему общественных отношений. Летопись строительства социализма в нашей стране предстает в сознании как переход от низших форм экономической жизни к государственной. Этот мотив звучит и в приведенном выше документе. В пылу перестроечных настроений наши убеждения, вроде бы, покачнулись. Но рваческие наклонности возрожденной ко-

операции вернули уважение к остродефицитному, но надежному государственному сектору. Читатель, не торопись обвинять кооперацию вообще. В двадцатых она была экономически необходимым объединением хозяев и работала на рынок с высоким уровнем товарного предложения. Нынешние кооперативы в своем большинстве — ядовитые грибы, дующие в рост на почве глобальной государственной бесхозяйственности и дефицита.

Вернемся к событиям шестидесятилетней давности. Ближайшим следствием «планово-регулирующей роли пролетарского государства» — ее основным и тайным моментом было снижение закупочных цен на хлеб, привычно закамуфлированное под стабилизацию цен, — стал продовольственный кризис, грозивший «вылиться в общий народнохозяйственный кризис». Крестьяне отказались продавать урожай 1927 года по предписанным ценам. Причем сразу и по всей России. Земляки сделали то же самое, но не из политической солидарности, а по чисто экономическим соображениям. Как ветром сдуло вчерашнее благополучие со снабжением промышленных городов хлебом. Возникли очереди и все то, что связано с дефицитом основного продовольственного товара. Резко дернулись вверх цены по большинству товаров свободного рынка. Горели обязательства по импорту зерновых культур. Судороги хлебного кризиса пробежали по всей экономике страны.

Припадем к живительным первоисточникам истины. В директиве Сталина от 6 января 1928 года, обзоре «Первые итоги заготовительной кампании и дальнейшие задачи партии» от 13 февраля и особенно в материалах апрельского Пленума ЦК ВКП(б) того же года вскрыты причины кризисной ситуации. Как у нас, обществоведов, говорится, партия нашла единственно верное решение. Виновата сама деревня! «В основе этих трудностей, — записано в резолюции пленума, — лежало резкое нарушение рыночного равновесия, причем обострение диспропорций в рыночных отношениях (платежеспособный деревенский спрос, с одной стороны, предложение промышленных товаров — с другой) объясняется повышением доход-

ности деревни, в особенности ее зажиточных и кулацких слоев».

«Растет и богатеет деревня...» Эта эпическая фраза, открывающая сталинский анализ причин кризиса, не сулила крестьянству ничего хорошего. Подозрительная доходность деревни объяснялась целым комплексом обстоятельств: высоким уровнем цен на технические культуры и продукцию животноводства, недостаточностью налогообложения сельскохозяйственного производства и отхожих промыслов, низкой обеспеченностью рубля промышленными товарами, слабой постановкой партийной и советской работы на местах, неблагоприятным сочетанием нескольких урожайных лет подряд. Ситуация смахивала на знакомую с детства беседу волка и ягненка у ручья — ты виноват лишь в том, что у тебя есть деньги. Политический вывод Сталина был прост: у крестьянства есть денежные излишки, они вредят хлебозаготовкам и тормозят социалистическое переустройство общества. В Уральской области, например, по данным конъюнктурного обзора, они определены на 1 октября 1927 года в 19 млн. рублей. Сумма, удачно дополняющая уникальные природные богатства Урала.

Многие экономические предпосылки возникновения хлебного кризиса проанализированы Н. И. Бухариным. Констатируя диспропорции в ценах, товарный голод на промтовары, низкую культуру налогообложения, он, однако, не ставил это в вину деревне. Более того, он считал, что зерновое хозяйство страны начинает деградировать. Причина в «плановой» несбалансированности цен, отсутствии прогрессивного налогообложения (над чем и сейчас продолжаем ломать голову), подменяемого повальным финансовым гнетом.

Интересна мысль Н. И. Бухарина относительно товарного голода на промтовары. В то время промышленность развивалась рекордными темпами. А товаров потребительского и крестьянского спроса явно не хватало. Сталин объяснял это чрезвычайной доходностью деревни. Бухарин Н. И., профессиональный экономист видел связь промышленности и сель-

ского хозяйства значительно глубже. Индустриализация переводила промышленность страны с социальных потребностей на политические. Началась гонка, определяющим мотивом которой были темпы. В пафосе Магнитостроев, Турксибов и других героических дел о потребностях населения забывали все больше. Печать, как и в последующие шестьдесят лет, трещала о сроках, темпах и досрочных плавках. Что едят рабочий и крестьянин, во что одеваются, в каких, наконец, условиях живут — все эти вопросы легко нейтрализовались фундаментальной, процветающей и ныне истиной, что у нас нет эксплуатации. Николай Иванович еще в 1928 году сомневался, не станет ли всеобъемлющий дефицит «железным законом» нашего развития. Ведь как в воду глядел! Были, оказывается, и на Руси экономисты-пророки. Только быстро перевелись. Уже в начале тридцатых лучшие из них, не защищенные, как Бухарин, временным политическим иммунитетом, надежно сидели в тюрьмах или Суздальском политическом изоляторе для ученозаклученных.

Товарный дефицит «сверхиндустриализации», неоднократно подчеркивал Бухарин, наряду с принудительным изъятием деревенских средств создает «общий процесс натурализации сельского хозяйства». «Для всякого коммуниста понятно,— писал он в одной из своих работ,— что нужно идти вперед так быстро, как это возможно». Считая экономически обоснованной базой социалистического накопления рост эффективности народного хозяйства, он призывал всеми мерами смягчить напряженность на рынке, «которая бьет и промышленность, и все общественное хозяйство, и рабочих, и крестьян... и нашу денежную систему»³⁴. Сокращение хлебной торговли, по Бухарину, вытекало из политики ускоренной индустриализации, а не из коварного умысла крестьянства, как полагал Сталин.

В исторической перспективе Бухарин предлагал поставить социалистическое аграрное производство вслед за практикой США, дающей в то время пример высокой народнохозяйственной эффективности, «Наивысший длительно темп получится при таком

сочетаний; когда индустрия подымается на быстро растущем сельском хозяйстве»³⁵.

Более полувека официальная историческая (экономическая тоже) наука любит в кривое зеркало истины — сталинскую идеологию. «Система мелкотоварного хозяйства,— пишут авторы академического издания «История социалистической экономики в СССР», инстинктивно лъстя покойному диктатору, — исчерпала свои возможности, она больше не в состоянии была обеспечивать потребности страны. Наиболее остро ощущалось отставание производства товарной продукции сельского хозяйства, которая шла на удовлетворение потребностей населения городов в продовольствии...»³⁶ Вот как? Исчерпала, значит, себя, выдохлась... Будто не колхозы затащили нас в страшный голод начала тридцатых. И история появления продовольственного дефицита совпадает со временем коллективизации совершенно случайно. И миллионы тонн зерна мы покупаем не в странах, где это мелкое товарное хозяйство махрово процветает. В том же 1928 году, могли хоть этот факт учесть, проведя всесоюзно-подворный шмон, насобирали 644 млн. пудов зерна против 619 млн. пудов, заготовленных в 1927 году. Был хлеб-то. Вот товарности не было. А зачем продавать, спросил бы мужик в лоб генералов от науки, чтобы купить облигации? Колхозы привлекательны тем, что там все прогрессивно наоборот: была товарность, но не оставалось хлеба.

На протяжении всей писаной истории, сказал один очень умный англичанин, было чрезвычайно опасно пристально вглядываться в механизм действия собственного общества. По-русски можно сказать проще. Не академическое это дело — копаться в истине. Прикажут—и напишем. Ведь не со своего же ума писал, к примеру, академик Струмилин в 1959 году: «Выполнение величайших заданий семилетки уже в 1965 году позволит добиться самого высокого материального уровня жизни трудящихся при самом коротком в мире рабочем дне...»³⁷ Человечество, смеясь, расстаётся со своим прошлым, сказал когда-то К. Маркс. Пришло ли время и нам посмеяться над идеологической, высокопарно претендующей на нау-

ку пощлостью, в которой безжалостно утопили общественное сознание нескольких поколений? На коллективизации — это признают теперь и номенклатурные историки — сломалась отечественная общественная наука. Годы «великого перелома» стали трагедией для лучших представителей общественной мысли, оставшихся в России после революции. На свежем кладбище науки расцвел неприхотливый бурьян апологии, органически вобравший в себя беззастенчивую продажность с политической надменностью. Вырос новый тип ученого, дающий основания вспомнить слова К. Маркса: «...человека, стремящегося приспособить науку к такой точке зрения, которая почерпнута не из самой науки (как бы последняя не ошибалась), а извне, к такой точке зрения, которая продиктована чуждыми науке, внешними для нее интересами, — такого человека я называю низким».

«Жалко, умный парень, а носишься с подозрительными идеями, — наставлял меня ведущий политэконом МГУ во время вечернего моциона вокруг высотки университета. Он имел в виду крамольную в те годы мысль о единой нейтральной науке политической экономии без идеологической резекции на «измы». — Возьми-ка ты лучше материалы последнего партийного съезда, если не лишен здравого рассудка, напиши полторы сотни страниц наукообразной чепухи и спокойно защищайся. Осложнений не будет, я гарантирую. Тебя у нас держат за порядочного. Да, и без твоего черного юмора, без изжоги!» Так вот и жили. Хорошо для тех, кто безболезненно страдал хронической анемией души и прилип к древу отечественной науки идеологической паутиной.

В родных зауральских палестинах в теорию не лезли. Здесь приступили к делу практически. На полях еще кипела страда, а Курганский окружком ВКП(б) и окрисполком в совместной директиве от 8 октября 1927 года с тревогой констатировали, что «ход хлебозаготовок совершенно не обеспечивает бесперебойное плановое снабжение продовольствием рабочих, основных потребляющих промышленных районов области и выполнения обязательных нарядов

центра». указывалось, что побудительными мотивами продажи хлеба являются усиление снабжения деревни промышленными товарами крестьянского потребления, а также платежи государству со стороны деревни. С тоской сообщалось, что «заметного улучшения снабжения деревни промышленными товарами в ближайшее время ожидать нельзя». Оставались платежи. Вот тут было все ясно. «Изменение сроков платежей, — отмечено в директиве, — недопустимо по политическим соображениям»³⁸. Эти соображения вытекали из общей концепции социалистического строительства, покоящейся на обложении российского крестьянства грабительской контрибуцией. Данью, как исторически образно называл ее Сталин.

Уральской области предстояло заготовить в 1927/28 хозяйственном году 41 млн. пудов всех зерновых культур. На 1 января 1928 года было заготовлено только 30% к плановой величине. В переписке областных партийных и советских органов с центром накануне 1928 года не просматривалось какой-то тревоги. Они заверяли, что планы хлебозаготовок вполне выполнимы и требуют не чрезвычайных мер, а ответных поставок в деревню. Экономически обоснованно предъявлялись заявки на определенную заготовками массу промтоваров, планировалось расширение их производства в области.

При знакомстве с этими материалами, создается устойчивое мнение, что значительная часть партийного и советского руководства на всех уровнях области постепенно привыкла к законам хозяйственного оборота и втягивалась в экономический механизм нэпа. Удивляют своей скрупулезностью хлебно-фуражные балансы, планово-экономические расчеты потребностей и производства промышленных товаров. Очень характерный пример. Руководители Уралобкома ВКП(б) и Уралоблисполкома меньше боялись установления заниженных закупочных цен, чем товарного дефицита, который, по их оправдавшимся предположениям, может развалить всю с трудом создаваемую систему экономических отношений с деревней. Видимо, для большинства партийного и советского аппарата области контрреволюция «переломных лет»

была неожиданной и даже трагичной. Надеюсь, читатель простит мне злую иронию по поводу одиозных решений тех лет. В ней не только личная оценка факта, но и глубокая боль за умных земляков, приговоренных на роль марионеток в политической трагедии сталинизма.

В центре на действительность смотрели более политически осмысленно. Периферии рекомендовали не особенно озира́ться на товарные поставки; а действовать по-большевистски решительно. Уральской области была обещана отгрузка мануфактуры и кое-чего еще в середине января 1928 года. Обещанное покрывало мизерную часть хлебозаготовок. Недостающее компенсировали строгостью секретных директив. Сталинская депеша от 6 января 1928 года с угрозой заменить всех и вся в случае срыва заготовок возымела действие. Веером полетели в низовые инстанции озадачивающие циркуляры. Ознакомимся с одним из них, по моему мнению, наиболее точно отражающему программные установки. Итак, перед нами директива Шадринского окружкома ВКП(б) от 8 января 1928 года, оформленная в виде личного обращения его секретаря:

«Дорогие товарищи! 10 минут назад я получил персональную телеграмму от Сталина, в которой чрезвычайно резко ставится вопрос о необходимости усиления хлебозаготовок...» Из преамбулы мы возьмем только эту интригующую часть и перейдем сразу к практическим задачам.

«Первое. Решительно нажать на сбор сельскохозяйственного налога, недоимок всякого рода... Крепких неплательщиков (средняков тоже) немедленно привлекать к платежам принудительными мерами. Суды и следственные аппараты должны такие дела готовить и рассматривать в течение одних суток. Ни часа больше.

Заставьте работать председателей сельсоветов по-революционному. В этом основа. Не стесняйтесь одного-двух за нерадивость отдать под суд, отстранить от должности.

Второе. Полностью реализуйте декрет правительства о борьбе с самогоноварением... Используйте для

этого «сезон» (рождественские праздники, Крещение и т. д.). Из этого дела путем штрафной политики создавайте стимул для реализации хлебозапасов... Не ударьте по бедноте.

Третье. Обеспечьте получение недостающих товаров в первую очередь сдатчикам хлеба. Если есть случаи брони кооператорами недостающих товаров за пайщиками или отпуск товаров только пайщикам — немедленно таких кооператоров шельмуйте, не останавливайтесь, если они не желают подчиняться, перед снятием и даже арестом...

Шестое. Гоните райактив в деревни, и пусть они там не ревизуют, а обязательно организуют работу до тех пор, пока в ней не будет решительного сдвига. В этих целях мы задерживаем у вас своих работников. (В Шадринском районе обошлось без инициативы с мест. — Авт.). Используйте их на 100%. С частниками не церемоньтесь. Крупных из них не стесняйтесь посадить, только своевременно извещайте ГПУ.

Не забывайте сразу закрывать рот тем работникам, кто намекает на необходимость повышения хлебных цен. Не допускайте никакой паники, но во всей своей работе докажите, что у нас есть власть и есть партия. Помните, что на ближайший период хлебозаготовка есть важнейшая революционная работа партии. По ней будут судить о нас, по ней и оценят.

С коммунистическим приветом! Отв. секретарь ОК ВКП(б) Новиков»³⁹.

Приведенный документ весьма типичен, но он тонко передает нравственную, тоже «переломную» атмосферу тех лет. Менторские замашки, обычные в отношениях к советским, правовым и хозяйственным органам, свидетельствуют о превращении партийного руководства в наднародный административно-управленческий аппарат. Его монопольное всеислие убивало и убивает не только социалистическую государственность и общественные институты, оно убивает партию. Ветр холодом неограниченной личной диктатуры от скорых партийных распоряжений: снять с работы, отдать под суд, посадить. Закладывались основы новой партийно-бюрократической морали, «диа-

лектически» сочетающей лакейскую преданность верхам с беспринципной жестокостью к подчиненным. Первые местные нероны творили зло еще в муках партийной совести. Постепенно их сменили профессионально вышколенные функционеры партийной номенклатуры, вытравившие в себе милосердие еще о комсомольских постов.

Основная задача ускорения хлебозаготовок легла на уполномоченных. Только из областного центра по линии Уралобкома ВКП(б) были посланы на периферию, где и оставались до конца кампании, 60 уполномоченных. К этому следует добавить посланцев от других областных организаций, которым тоже накрутили хвост. Срочно формировалась пирамида чрезвычайной власти. Округами Уральской области в районы было направлено более 600 активистов, призванных всеми силами споспешествовать хлебозаготовкам. Челябинский округком ВКП(б) командировал 114 уполномоченных, Курганский — 65, Шадринский — 90. Каждый из окружных уполномоченных просидел в районах в среднем по четыре месяца. Было с чего озлобиться. «Поставлен на ноги и брошен в села весь райпартактив, — цитирую один из боевых отчетов Курганского округкома, — систематически прорабатывались контрольные цифры и отдельные вопросы хлебозаготовок». Отчет не врал. Только за кампанию 1927/28 года ход хлебозаготовок рассматривался округкомом и окрисполкомом более 70 раз. Организационный ажиотаж мог бы вызвать умиление, не зная мы его действительных истоков. Не далее как год назад хлеб продавали без уполномоченных. Читатель, а теперь сам подсчитай, сколько районных уполномоченных выехало на село, исходя из пропорции между областными и окружными данными. Получились тысячи? Точного числа не знают даже архивы. Одно ясно. В мутной воде реконструктивного периода под крестьянство Уральской области завели широкую ряжевую сеть натуральных повинностей.

Еще один документ специально для земляков-курганцев. Бюро Курганского округкома ВКП(б) 11 января 1928 года предложило райкомам партии «постав-

вить вопрос по хлебозаготовкам в центре внимания для всех партийных и советских органов, для чего всю работу партийного и советского аппарата поставить на военную ногу, установив строжайшую персональную ответственность должностных лиц... немедленно отстранять от должности тех, кто не проявит умение наладить работу по хлебозаготовкам — предавая виновного суду»⁴⁰. Несмотря на погрешности стиля и ошибки — в отчетах Челябинского окружкома грамматических ошибок куда больше, — перспектива схватывается легко. Революционный лозунг дня был един — умри, а план выполни!

Итак, уполномоченный приехал на село. Смешно было бы говорить о его душевном комфорте или революционном энтузиазме. Каждый осознавал, что вернуться домой он может только в единственном случае: выполнив план хлебозаготовок. Любой другой исход грозил судом. Наш всенародный энтузиазм частенько подпирался со спины колючей проволокой лагерей или чем-то пострашнее. Простая эта альтернатива полностью определяла отношение командированного к деревне, которой он был еще более чужд. Жить длительное время в агрессивно настроенной среде и понимать свою зависимость от деревни — это ли не личная драма мобилизованных. Естественно, что в каждом крестьянине, берегущем свой хлеб от постороннего интереса, они видели косвенного виновника ссылки. Чем больше хлеба, тем откровеннее неприязнь. Эту-то взаимную враждебность, спровоцированную исключительно внешним произволом, официальная история партии и пропаганда продавали как «ожесточенную классовую борьбу». В письме Зиновьева Г., Смилги И., Петерсона А. ко всем членам ЦК ВКП(б) от 23 сентября 1927 года прямо указывалось, что Сталин — политически обанкротившийся тип, предавший ленинизм, использует ОГПУ и пытается перекрыть политику уголовщиной. В хлебозаготовках и экономических отношениях к деревне вообще все было наоборот. Прimitивное мардерство усиленно рядилось в святые политические одежды, взятые напрокат из марксизма. В нашей зауральской деревне, еле выползающей из натураль-

ного хозяйства, только политически дебильный энтузиаст мог раскидать дворы по классовому признаку, руководствуясь при сем высотой забора или размерами бани.

Что мог сделать уполномоченный практически? С формальной стороны многое. Созвать пленум сельского Совета, собрание партийной ячейки. Организовать, наконец, комиссию содействия хлебозаготовкам, включив в нее известный нам бедняцко-среднецкий актив. В некоторых районах села разбили на участки, которые закрепили за членами сельсовета. Все эти мероприятия организационной суеты вряд ли бы оказали заметное влияние на заготовки, не будь внешнего принуждения. И оно последовало.

Первой практически включилась в заготовки кооперация. Ей было предписано, что все товары сколько-нибудь повышенного спроса отпускаются только сдатчикам хлеба, независимо от того, являются они пайщиками или нет. Под строгий партийный контроль поставили основные товарные потоки. Ситуация все же не могла перерасти в натуральный продуктообмен хлеба на товары, хотя он был явно выгоден деревне. Товарные запасы торговли не покрывали планового объема хлебозаготовок. Поэтому продажа дефицитных промпродуктов осталась только на уровне товарного стимулирования. Все новое есть хорошо забытое старое. Дефицит у нас меняет только материальное наполнение, оставаясь незыблемым как экономический феномен.

К скудному продовольственному обеспечению мы трудно, но постепенно, как цыганская лошадь, привыкли. Крупная зыбь товарного дефицита захлестывает наше благополучие с первых шагов к рыночной экономике. Некогда богатые московские универмаги музейно пусты. Популярные магазины закрываются на ремонт, который затягивается, как реставрация архитектурных шедевров. Набегают друг на друга кризисы тканей, обуви, моющих средств... Вот и сейчас, в момент написания этих строк, в стране бушует табачный кризис, вызывая у курящего автора повышенную творческую озлобленность. Кризисы не в дурной буржуазной форме перепроизводства, а чис-

то социалистические — как полное отсутствие товаров. Им сопутствует появление талонов. Бесконтрольная эмиссия этих местных «товарных» денег удачно дополняет инфляцию госзнаковской валюты. У местного универсама за талон на спиртное дают по выбору: пять рублей, три мясных или два сахарных талона. Областной советский лидер, чтобы завоевать симпатии избирателей на выборах в парламент России, широким брежневским жестом удвоил норму отпуска мясопродуктов по талонам. За время предвыборной кампании фондируемое мясо быстро сели. Теперь талоны отоварены лишь слабой надеждой. Магазины предусмотрительно вывесили объявления, что принимают только талоны текущего месяца.

На основе этой реальности махрово цветет дефицитное распределение, товарное стимулирование ратного и трудового героизма, товарные подарки, конечно, за наличный расчет, к солидным круглым юбилеям, розыгрыши в трудовых коллективах будущих, на пятилетнюю перспективу, продаж дефицитных товаров под существенное условие — деньги вперед. И, естественно, спекуляция.

В двадцать восьмом история глобального дефицита только начиналась. Действовали поэтому примитивно и прямолинейно. Сдал хлеба на сто рублей, имеешь право купить ходовых товаров на пятьдесят, а мануфактуры на тридцать пять. И только в той лавке, куда сдал хлеб.

Товарное стимулирование сколь бы ни было ограниченным, оказалось много эффективнее чистых призывов. Правда, оно повлекло за собой дальнейшее обесценивание денег, но хлебозаготовки заметно оживились. В циркулярной телеграмме ЦК ВКП(б) от 14 января 1928 года, подписанной Сталиным, с тревогой констатировалось, что в «ряде районов хлебозаготовки принимают характер обмена товаров на хлеб, причем советские и хозяйственные органы берут на себя обязательство оплачивать хлеб полностью или значительной частью промтоварами». ЦК ВКП(б) предлагает «принять к обязательному исполнению... недопустимость установления непосредственного товарообмена хлеба на промтовары, так

как такой порядок влечет за собой расстройство товарооборота между городом и деревней, затруднение заготовок других сельскохозяйственных товаров и расстройство денежного обращения». В последней части телеграммы экономические обстоятельства явно передернуты. Опасения центральных властей вызывает вовсе не расстройство отношений между городом и деревней, а их возвращение через натуральный продуктообмен к эквивалентной основе, исключая эксплуатацию крестьянства. Государству выгоднее платить за хлеб товарно не обеспеченными денежными купюрами, последние, в крайнем случае, можно перегнуть в безопасную форму облигаций.

Упомянутая выше телеграмма санкционирует широкое распространение запродажи товаров под хлеб. «ЦК считает возможным, — цитирую этот документ, — прием кооперацией от крестьян подписки на промтовары с получением от них при этом авансов, каковые могут вноситься в тех районах, где ход хлебозаготовок неудовлетворительный, а количество свободных денег у крестьянства достаточно велико, хлебом. Однако объем такой запродажи промтоваров не должен превышать тех норм завоза., которые предусматриваются и обеспечиваются планом. При приеме подписки на промтовары преимущество должно отдаваться крестьянам, продающим хлеб, независимо от того, состоят они пайщиками каких-либо видов кооперации или нет».

Массовая подписка на промтовары под хлеб мгновенно подорвала скудные товарные ресурсы кооперации. Практически основная их часть шла либо в прямой обмен на хлеб с выдачей разницы в деньгах, либо в оплату обязательств по подписке, так как хлеб был сдан ранее. Часть товаров резервировалась для премирования активных сдатчиков. В округах Уральской области в 1928 году до 80—90% необходимых товаров (мануфактура, керосин, обувь, стройматериалы и т. д.) не попадало в свободную продажу на деньги. Таким образом, товарное стимулирование, дав разовый приток зерна, надолго обострило дефицит. Как бы ни была тонка и остроумна политика кооперативов, железные законы рынка взяли свое.

Получили распространение обмен и даже спекулятивная продажа талонов на промтовары.

Хлебозаготовки грозили снова и окончательно провалиться. «Раз Советская власть, — говорили местные крестьяне, — продает мануфактуру не за деньги, то значит, деньги потеряли ценность». Освоив без науки экономическую истину, что продавать хлеб в кооперацию не стоит, они с надеждой обращали взор к свободному рынку городов. А там ситуация была такова. Хлеба становилось меньше, а цены, естественно, росли. «За последние дни в Кургане, — сообщалось в информационной сводке окружного отдела ОГПУ, — в магазинах рабкоопа создаются громадные очереди, пайщики стараются запастись муку»⁴¹. Ничего политически подозрительного в том не было. Все чувствовали, к чему идет дело. К тому же власти централизованно запретили сортовой размол зерна, справедливо полагая, что в трудные реконструктивные времена не до излишеств. Города надолго посадили на всесоюзно-серый хлеб. Со строго контролируемого размола государство имело устойчивый натуральный оброк в виде гарнцевого сбора, т. е. натуроплаты.

Бросив возможное к продаже в сани, мужики сбоями потянулись в Свердловск, Тюмень, Курган, Челябинск и даже в Киркрай, так тогда называли северные районы Казахстана. Там они надеялись продать хлеб и сразу отоварить доходы. Милицейскими заслонами стала на их пути власть. Многие округа Уральской области приняли решения о запрещении вывоза хлеба из округов. Нужно сказать, что такие запреты не находили прямого одобрения областного руководства. Внутриобластное движение продовольствия было необходимо. Городские рынки оставались важной стороной продовольственного обеспечения горожан. Сокращение рынка потребовало бы соответствующего расширения государственной и кооперативной торговли. Надо учесть и то обстоятельство, что продовольственное снабжение в некоторых промышленных и северных округах Уральской области традиционно покоилось на товарных потоках из других округов. И все же местные власти искали до-

воды, чтобы остановить экспортные намерения мужиков. Шадринский окрисполком, например, нашел убедительный и остроумный ход. «С целью мер против распространения вредителей зерна, — записано в его директиве от 18 января 1928 года, — воспретить вывоз за пределы округа зерна по грунтовым дорогам без сертификатов»⁴². Сертификат — свидетельство о качестве. Каждый пришедший за таковым, разумеется, дешифрует свои намерения и представляет особый интерес для уполномоченного по заготовкам. И грунтовые дороги упоминаются не зря. Отдаленными лесными проселками, контрабандно пробирались хлебные обозы к городам, разжигая охотничий азарт у милиции и дотошных активистов.

Описываемые события зимы двадцать восьмого в Зауралье привели в конечном счете к принудительной натурализации крестьянского хозяйства. Мужика загнали в собственный двор, предоставили ему возможность сдать зерно на государственных условиях, либо, если не одумается, превратится в «злостного зажимщика хлеба». Под популярную в те годы политическую кличку угодливые правоведы торопливо подыскивали статью. В газетах замелькали карикатуры, изображающие отвратительного типа, восседающего на мешках. Кстати, о печати. Сторонник официальной версии колхозного движения, наверняка, спросит об энтузиазме, с которым крестьянство сдавало хлеб родной Советской власти, о «красных обозах» и многом другом, что восторгало при чтении книг и газет. Много было. Были и обозы, только в деревне их называли черными. Архивные материалы сухо свидетельствуют, что и власть уважали. Приведу в пользу этого один пример. Заготовитель из Верх-Течи Шадринского округа Курбатов, вызывая мужиков на допрос, угрожал: «Давай хлеб, а то зубы выбью!» Возмущенные мордобоем крестьяне писали: «Если такие директивы даны заготовителю Советским правительством, то ладно. Но если он действует по своей инициативе, то сообщите немедленно прокурору»⁴³. Не могу понять, национальное это или советское, но любовь к близкому человеку у нас всегда поконится на жалости, а к государству — на тру-

ности. Массового энтузиазма в архивных документах совершенно не просматривается. Я так думаю, что его не было и в жизни, судя по радости, с которой сообщалось о каждом выколоченном из мужика пуде.

Массовый энтузиазм крестьянства вписан в историю позже и с чьей-то влиятельной подсказки. А газетным шумом тех лет дирижировал секретарь ЦК ВКП(б) Молотов. Секретной директивой от 15 января 1928 года, подписанной им, отделам печати и редакторам всех газет предписывалось:

— Организовать в печати длительную кампанию по хлебозаготовкам, сосредоточив внимание на решительной и систематической критике недостатков хлебозаготовительной кампании, особенно на отдельных фактах о недочетах в работе учреждений и лиц, виновных в халатности, торможении и срыве хлебозаготовок.

— Не подчеркивать на страницах газет связь переброски промтоваров в деревню с усилением хлебозаготовок. При существующей невозможности перекрыть необходимыми для деревни промтоварами все количество хлебных запасов крестьянства, комментирование печатью переброски товаров исключительно как средства усиления хлебозаготовок, вызвав временный эффект, могло бы создать затруднение в заготовке хлеба на деньги.

— Немедленно организовать во всех газетах кампанию за новый 100-млн. заем. Широко освещать крестьянству о выгодах займа для каждого его держателя, использовать стенгазеты и селькоры, организуя через них массовые выступления на сходах, соревнование между селами.

— Освещать кампанию по досрочному погашению платежей и широкому распространению самообложения.

— В целях осторожного освещения состояния рынка не допускать в печати обсуждения вопроса о повышении цен.

— Воздержаться от опубликования сведений о ходе заготовок по союзным республикам и областям при наличии отрицательных явлений в ходе заготовок.

— При освещении видов на урожай в 1928 году ни в коем случае нельзя помещать заметок тревожного характера относительно предстоящего урожая во всем Союзе или в отдельных республиках, областях⁴⁴.

Меры товарного стимулирования заготовок исчерпали себя быстро. Да на них особенно-то и не рассчитывали. Уже в январе 1928 года партийными и государственными органами был открыт путь к применению в отношении крестьян, воздерживающихся от продажи хлеба, судебнo-репрессивных мер. 30 января бюро Уралобкома ВКП(б) нашло необходимым применить в судебной практике статью 107 Уголовного кодекса РСФСР к «злостным зажимщикам хлеба». Правда, партийные документы и печать не забывали разъяснять, что под ними понимаются кулаки и спекулянты. Но нам гораздо важнее выяснить, что происходило в реальной действительности. Секретным циркуляром областного суда и прокуратуры от 7 февраля 1928 года судебным органам предписано «задержание (невыпуск) запасов хлеба, имеющегося в отдельных кулацких хозяйствах, предавать виновных суду, квалифицируя преступление по статье 107 Уголовного кодекса РСФСР... Строжайшее требование, предъявляемое в отношении производства, — быстрота. Срочки движения дел должны исчисляться буквально днями. Приговор приводить в исполнение немедленно»⁴⁵.

Переход к судебным репрессиям не требовал новых демократических процедур, промтоваров или, на худой конец, облигаций. Достаточно было инициативы и правильно ориентированного судьи. Крестьянство само напрашивалось в ответчики. И статья, соответствующая политической обстановке, была отредактирована. Она (107-я статья Уголовного кодекса РСФСР) гласила: «Злостное повышение цен на товары путем скупки, сокрытия или невыпуска таковых на рынок — лишение свободы на срок до одного года с конфискацией всего имущества или без таковой (часть 1-я). Те же действия при установлении наличия сговора торговцев — лишение свободы на срок до трех лет с конфискацией всего имущества». В иници

циативе недостатка не было. Даже за пределами компетентности и полномочий. Исключительно с целью верной политической ориентации судебных органов Челябинский окружком ВКП(б) 16 января 1928 года разослал по районам директиву, в которой сквозит озабоченность: «...работа нарсудов продолжает до сих пор оставаться явно неудовлетворительной и неграждающей советские законы». (От крестьянства? — А в т.). Для защиты законов найдено полезным:

- «Дела рассматривать в день поступления...»
- «Выдавать исполнительные листы милиции и судебным исполнителям, не дожидаясь кассационного обжалования...»
- «Репрессии должны быть усилены., как общее правило, до предельных размеров, установленных Уголовным кодексом...»
- «При производстве взысканий и платежей последние преимущественно должны ограничиваться натурой — зерном»⁴⁶.

Так вот где собака зарыта! Политическая и хозяйственная жизнь конца двадцатых была забита парадоксами, граничащими отнюдь не с гениальностью. Безопасность советских законов гарантирована, оказывается, лишь тогда, когда до предельных размеров усилены репрессии против граждан, честь, достоинство и имущество которых они призваны защищать. На такие «диалектические» высоты не замахивался даже Гегель.

Бесцеремонное и юридически безграмотное вмешательство партийных органов в судебную практику подменяло юридические нормы телефонным правом и откровенным произволом. Сугубо гражданским делам, независимо от того, имели они правовые основания или нет, придавался зловещий политический оттенок.

Политизация судебно-правового аппарата есть закономерный продукт сталинской концепции социалистического строительства. В самом деле, земля находилась у крестьянства в вечном и безвозмездном пользовании. Единоличное хозяйство покоилось в подавляющем большинстве на собственном труде, Ис-

пользование временных наемных рабочих допускалось законодательством на основе утвержденных норм труда и оплаты. Эти условия, заключал еще задолго до марксизма английский философ и экономист Джон Локк, делают собственность крестьянина на продукт абсолютной и справедливой. Государство вправе использовать налоговый аппарат для образования общественно необходимых ресурсов. Про деревню — мы это знаем — здесь не забывали. Но социалистическое государство, исходя из экономической основы аграрного производства и собственных политических деклараций, не имело права посягать на свободу единоличника распоряжаться оставшейся частью продукта. Формой связи единоличного хозяина с потребителем мог быть только рынок, где интересы сторон экономически сбалансированы. Сам рынок может развиваться от стихийного до кооперативно- или государственно-организованного. Любая рыночная экономика представляет скорее единство этих форм. Существенна тут увязка экономических интересов производителя, потребителя и, разумеется, необходимых делу посредников. В дореволюционной России был рынок и развитая кооперация. Нэп реанимировал покалеченные гражданской войной товарные связи, придал им более демократический и справедливый характер. Индустриализация и экономически репрессивные меры конца двадцатых вновь смяли рынок.

Для уголовного преследования крестьянства, воздерживающегося от продажи хлеба на невыгодных условиях, нужно было подыскать оригинальное обвинение. Нашли! Признали преступным естественное в каждом цивилизованном обществе намерение хозяина на выгоднее продать собственный продукт. Намерение, признаваемое всеми экономическими законами и рынком. Редакция статьи 107 УК РСФСР вам уже знакома. Товарную сделку, в основе которой, указывал К. Маркс на первых страницах «Капитала», лежит юридическая свобода сторон, творчески заменили сделкой, где продавец в случае уклонения от условий покупателя автоматически становится уголовным преступником. Примерно в то же время под уго-

ловную ответственность подвели весь наш образ мысли; если он хотя бы в мелких деталях не соответствовал идеологическим стандартам.

Органическое единство экономики и политики нашло специфическое отражение в судебной практике. Чтобы перейти от ветреной сто седьмой статьи, карающей нищенством и принудительными работами, к солидной «политической» пятьдесят восьмой, гарантирующей концлагерь (комментарий к ней вы прочитаете у А. Солженицына), достаточно было проявить видимое недовольство происходящим. Толково по этому поводу выразился начальник Шадринского окружного отдела ГПУ Мовшензон: «Если не применять статью 107-ю, то для сопротивления кулачества, ведущего операцию против мероприятий государства (речь о том же нежелании крестьян отдавать хлеб. — Авт.), можно применять статью 58-ю, конечно, не в массовом масштабе, а умеючи»⁴⁷. Вся отечественная легальная литература убеждает, что умение и чувство меры никогда не покидали сотрудников «известных» органов. «Вот где работают черти!» — восхищался гепеусами один из героев А. Платонова. А статья 107-я — то же, что и 58-я, только в растворе слабой концентрации.

В архивных документах обвинения по статье 107-й УК РСФСР обычно адресуются кулакам и хлебным спекулянтам. В тексте самой статьи политической характеристики обвиняемых нет. Явное передергивание объекта преследований имеет свою цель. Уголовное преследование за задержку хлеба в первые месяцы 1928 года, действительно, было направлено против крупных кулацких хозяйств, занимающихся скупкой зерна. В районах выбрали по 2—3 крупных хозяйства и продемонстрировали на них силу судебных репрессий. Конфискованный по суду хлеб не решил проблемы хлебозаготовок. Об этом и не думали. Мысль шла глубже.

Настораживал в новой кампании демонстративный характер судов. Они были показательными, многолюдными и проводились выездными заседаниями по месту жительства обвиняемых. Их ход и приговоры, тоже демонстративно жесткие, широко коммен-

тировались печатью. Первые зуды по статье 107-й стали мощным средством политического устрашения крестьянства. Народу дали понять, что упорство в защите своих хозяйственных интересов чревато уголовными, а то и политическими обвинениями. «Злостный зажимщик хлеба», пусть даже немногих жалких пудов, мог легко стать кулаком, со всеми вытекающими из этого превращения последствиями. Кулаков в деревне отныне плодили не экономические, а политические обстоятельства.

В начале февраля 1928 года всем уполномоченным Челябинского окрисполкома рассылается строго секретное указание, подписанное в силу чрезвычайности содержания секретарем окружкома ВКП(б), председателем окрисполкома, начальником окружного отдела ГПУ, облпрокурором и председателем облсуда. «В дополнение к ранее данным директивам о деятельности судебных и административных органов в вопросах, связанных с ходом хлебозаготовок, окружком ВКП(б) по заданиям областного комитета партии выдвигает как очередное срочное мероприятие — усиление борьбы с кулачеством, злостно, в интересах спекуляции задерживающим хлеб... (ст. 107-я УК). Если до сих пор судебные репрессии применялись как общее правило к неплательщику сельхозналога... то сейчас надо ударить прямо по кулаку, не желающему продавать государству хлеба»⁴⁸. Основной репрессией по статье 107-й УК, отмечается в документе, должна стать конфискация имущества, и прежде всего хлебных запасов. Это не было ортодоксальной местной инициативой. Государство переходило от косвенных мер воздействия на крестьянство к прямому насилию, завуалированному на первых порах под классовую борьбу с кулачеством. «Сверхиндустриализации» нужен был дармовой хлеб, значительная часть которого находилась в собственности середняцких слоев крестьянства. Демонстративные расправы с кулаками в начале 1928 года были всего лишь авангардными стычками в приближающейся гражданской войне с деревней. На определенной ступени репрессии должны были обрушиться на основную часть сельского населения. Сталинская аграр-

ная политика, с тревогой предупреждал А. Чаянов, направлена на рассереднячивание деревни, подрыв экономической основы единоличного хозяйства.

Архивные материалы по нашему региону прямо свидетельствуют, что статья 107-я УК адресована не кулакам, это предусмотрительно заложено в ее редакции, а всем, удерживающим хлеб от продажи. На протяжении двух лет, до массовой принудительной коллективизации, она стала основной мерой судебного преследования мужика и насильственного изъятия хлеба. Расширение масштабов ее применения, а следовательно, устрашающего эффекта, происходило под оглушающую идеологическую какофонию. Плагиатные звонари сталинизма несли наукообразную чушь о «кулацкой хлебной стачке», за которой стояло нормальное желание крестьянства продать свой продукт на рынке за что-нибудь путное. Искусственно генерировался тезис о нарастании «беспощадной классовой борьбы», вспыхнувшей тотчас же по приезду в деревню уполномоченных по хлебозаготовкам. В социальной структуре деревни обнаружили классово-подозрительные «лишенцы», «зажимщики хлеба», из коих некоторые даже злостные, многообразные типы подкулачников.

Бутафорский политический шум нужен был для оправдания массовых репрессий. Из идеологической пены тех лет вышла только наша официальная история. В секретных рабочих директивах политической болтовни избегали, и, если даже дело пахло политикой, вверяли себя не теоретикам. «Подбор кулацкого элемента, — указывается в приведенной выше челябинской директиве, — подлежащего преданию суду по согласованию с вами осуществляется уполномоченными ГПУ в районах, но самое производство дознания, его оформление и предание суду производится через нарследователей, где они имеются, и через начальников милиции в отсталых районах, которые производят дознание и направляют их в нарсуд... Роль органов ГПУ в этом деле, по существу, основная, не должна, таким образом, выпирать наружу...»⁴⁹ Вот так-то! Даже в репрессиях еще «ломались» в демократию. Но через пару лет отпадет на-

добность и в этом. Определяющая роль органов ГПУ в деле социалистического переустройства деревни станет нескрываяемо ясна миллионам.

С первых же дней судебно-репрессивной кампании хлебозаготовки пошли круто вверх. Сей правовой акт властей был для крестьян неожиданным. Рассуждали так. Можно привлечь за недоимки, за самогон, за спекуляцию, но за невыпуск хлеба... Было загадочно и жутко. Смутные подозрения навевали и другой факт. Уполномоченным категорически запретили доводить до единоличных хозяйств контрольные цифры хлебозаготовок. Власти думали строже и определеннее. Пусть мужик сдает до тех пор, пока есть хлеб и сдают нервишки. С одной стороны, налицо все атрибуты демократии, с другой — каждый крестьянин, утаивший лишний пуд хлеба, оказывался потенциальной жертвой 107-й статьи.

Уполномоченный Курганского окружкома ВКП(б) по Звериноголовскому району радостно доносил в феврале месяце, что «суд над кулаками за невыброс излишков хлеба на рынок, т. е. по статье 107-й УК, явился хорошим агитатором в деле хлебозаготовок. Так, например, если до суда шла заготовка хлеба от 200 до 300 центнеров в день, то после суда мы имеем от 400 до 1200 центнеров в день...»⁵⁰ Показательные суды принесли и другой результат. Все сколько-нибудь заметные хлебные запасы были мгновенно спрятаны. Пока еще не так капитально, как в 1929-м. Но отныне каждый крестьянский двор бережно хранил ото всех тайну спрятанного хлеба.

Вслед за показательными судами пошли обычные. Этот переход был закономерен, так как к лету 1928 года суд и его угроза оставались единственными надежными стимулами заготовок. Репрессии заметно интенсифицировались. За первое полугодие двадцать восьмого в Уральской области было осуждено около тысячи человек, из них половина в мае—июне. За этот период в Курганском округе осуждено за задержку хлеба более ста человек. Тут же, справедливости ради, отметим, что небольшое количество осужденных не отражает действительных масштабов репрессий. Причиной тому два обстоятель-

ства. Громоздкая и инертная судебная машина не могла справиться с моментально возросшим числом «правонарушителей». Политические зигзаги партийного руководства для нее оказались столь же неожиданными, как и для деревни. Судей, еще не отвыкших от соблюдения элементарных юридически-процессуальных тонкостей в оформлении и заслушивании уголовных дел, еле доставало в организации показательных процессов. Итоги этих процессов и нашли преимущественное отражение в официальной статистике. Я обработал первичные, до недавнего времени засекреченные архивные документы сельских Советов одного района Курганского округа. Число арестованных с конфискацией имущества или его части в первое полугодие двадцать восьмого перекрыло общеокружной официальный показатель. Это при неполной сохранности архивных документов. А в округе два десятка районов. Можно подсчитать частный коэффициент доверия к нашей статистике, когда она говорит о репрессиях.

Были досадные для властей казусы, когда суды оправдывали крестьян и отменяли проведенную де-факто конфискацию. Юстиция не без добрых людей! Таких судей газеты обычно «пропечатывали», профессионально упрямых заменяли политически зрелыми. И в этой сфере партия решительно и за полвека до откровений вьедливого англичанина проводила в жизнь принцип Питера, согласно которому каждый бюрократ стремится к уровню своей некомпетентности, а высший управленческий персонал бюрократической системы есть законченный продукт этой эволюции.

Данное свыше предупреждение, что применение статьи 107-й УК имеет ограниченный характер и распространяется только на кулаков, отбросили прочь. Под уголовное преследование попали и «зажиточные». Еще одна сомнительная социальная прослойка. Назвать их кулаками не поворачивался язык у самых отпетых активистов. Против честного трудового образа их жизни чрезвычайные власти не возражали, но их весьма беспокоил устойчивый достаток «зажиточных». Конфискация хлеба, имущества и ли-

шение свободы стали обычным и по отношению к этой категории крестьянства. Корректирующий циркуляр облсуда от 25 марта 1928 года напоминал, что «общая установка при применении статьи 107-й УК должна быть взята на имущественные меры социальной защиты, главным образом, на конфискацию хлебных излишков... По отношению к некулакам 107-я статья УК должна ориентировать на конфискацию хлеба и короткий срок лишения свободы»⁵¹. Позднее областной суд установил норму хлебных излишков — 400 пудов.

Особою озлобленность властей вызывало массовое укрывательство хлеба. Уполномоченные и члены комиссий содействия заготовкам перешли на индивидуальную работу с населением. Ежедневно вызывали на комиссии мужиков и часами пытывали, где спрятан хлеб. Постепенно привыкали к жестокости. Днем же, прихватив милиционера или следователя, делали подворные обыски. В классовые тонкости не лезли. Брли у всех подряд, не гнушаясь бедняцким пудом. Не было в наличии хлеба — брали с хозяина хотя бы обязательство на сдачу. Забирая последнее у бедняков, наобум обещали, что Советская власть не даст умереть с голоду, особенно классово-близкой бедноте. Мужик мог не доест, но семенные запасы берег свято. Местные революционеры выгребали и их, обещая к весне сортовые семена. Чтобы выполнить задание очередной пятитдневки, шли на все. Обманутые не раз крестьяне не верили и поступали в меру собственной хитрости. Читая протоколы конфискаций, поражаешься природной сообразительности и хозяйственной изворотливости мужика в вынужденной игре в прятки. Скрывали хлеб на выселках, в лесу, закапывали в землю, топили на дне колодцев...

Властям оставалось одно, — взяв в руки вилы, металлические щупы и другой поисковый инструмент, пойти с обыском по домам. Под остервенелый лай собак и взоры любопытствующих деловито осматривали чужие амбары и бани, тщательно прощупывали зароды сена и ветхие соломенные стены надворных построек. Походя переписывали все, что пред-

ставляло интерес для возможной конфискации. С весны двадцать восьмого подворные обыски стали обычными и почти регулярными. Сходить на «раскулачивание» соседа стало зрелищем, равносильным нынешнему семейному выходу на «переживательный» фильм. Наведывающиеся раз от разу активисты с подозрением замечали, что в обобранных ранее дворах невесть откуда появляется вновь хлеб. Чувствуя себя обманутыми в революционных начинаниях, они поставили обыски на уровень ежедневной профилактики и стали выметать сусеки подчистую.

У многих описываемые события ассоциируются с живописной, искрящейся от веселых проделок Щукаря, сценой раскулачивания Титка в «Поднятой целине». С классиками не спорят. В наших краях веселого было мало. Явных кулаков пустили по ветру быстро. Их капитальные амбары хорошо вымели в январе двадцать восьмого. Эти кирпичные изваяния эпохи нэпа сохранились назло ветрам разрушения во многих старинных уральских селах. Кажется, что в каменной вязи карнизов и окон застыла насмешка над бестолковой суетой и бесхозяйственностью нынешней деревни. Но главное зло вытекало не из конфликта государства с явным кулаком. Деревня взвыла от боли, когда уполномоченный и активисты вломилась во двор рядового мужика, когда красное колесо произвола захрустело по деревенской нищете.

«А санкция прокурора?» — спросит читатель. Отвечу. Шестьдесят лет назад прокуратура, это не означает, что сейчас иначе, так вот, шестьдесят лет назад она руководствовалась не советскими законами, а текущими партийными директивами. «Можно ли делать обыски в семьях красноармейцев?» — спрашивал у начальства уполномоченный окружка ВКП(б). «Можно, — отвечал партийный секретарь, — если есть полная уверенность, что в семье имеются излишки хлеба». Право, таким образом, переводилось в область субъективных подозрений уполномоченного. А теперь документ Курганского окружка («строго секретно»): «...имеются сведения, что отдельные крестьяне начинают прятать хлеб, развезя его по вновь организованным выселкам, зарывая

в ямы или солому на полях и т. д... ОК предлагает принять все меры к тому, чтобы не допустить прятания хлеба и, в частности, произвести проверку на выселках, хуторах и т. п., выявить точное наличие хлеба и, если у них окажутся излишки, предложить им немедленно сдать таковые основным заготовителям»⁵². Местным властям от этой директивы стало невмоготу. Ну, уследишь ли за каждым мужиком? Да и весь район не перетычешь шупами. Вот если бы... Мысль казалась гениальной, но не фантастической. Вот если бы кто-то из членов крестьянской семьи мог доносить властям. Например, подростки-комсомольцы или мальцы-пионеры. Неплохо бы завести анонимных сельских филеров. Идея просилась в практику и скоро получила реальное воплощение. В историю она вписана возвышенно-фальшивым минором по жертвам пионерского, комсомольского и селькоровского движения.

Злость зрела. Буквально вслед приведенной выше директиве Курганский окружком ВКП(б), убоившись, видимо, собственной слабости, предписывает «в будущем при обнаружении спрятанного хлеба ниже 250 пудов (свыше 250 пудов конфисковать по статье 107-й) поступать следующим образом. На обнаруженный хлеб составлять акт... Акт передается в окружной суд для привлечения к ответственности... Никаких расчетов за хлеб с теми, у кого он изъят, не производить до получения директивы из округа»⁵³. Репрессивный характер документа очевиден. Какой тут кулак? Виновен всякий, кто прячет хлеб. Заметьте — свой хлеб! Понимая это, директиву разослали с необычным грифом — «абсолютно секретно», «по ознакомлении возвратить в ОК». Документ, естественно, вернули. А практика внесудебной конфискации надолго осталась. Как и практика прятать концы в воду, когда самые одиозные и грязные документы выдавались исполнителям напрокат и по ознакомлении немедленно изымались.

Под неослабным и повседневным контролем — начнем высоким стилем партийных отчетов — находились местные правоохранительные органы. Курганский окружком ВКП(б) неоднократно упрекал их

в излишней либеральности, явно вредящей делу заготовок. Директивой от 13 июня 1928 года судам настоятельно рекомендовалось со следствием по делам хлебозаготовок укладываться в 48 часов, после чего немедленно проводить судебный процесс. Изъятие хлеба у осужденных по 107-й статье должно быть немедленным. В отношении конфискации другого имущества рекомендовался общий порядок, т. е. изъятие по истечении 14 дней. Тут же установили предел хлебных излишков для населения округа — 250 пудов⁵⁴. В расчет, видимо, приняли исторически сложившиеся неразвитые потребности курганских мужиков.

Политическая ориентация судов определяла их стратегию, не ущемляя инициативы и правотворчества. Было бы ошибкой думать, что местные служители Фемиды только беспристрастно, с аптекарской точностью отвешивали приговоры социально больным. Чего стоит, например, документ, подписанный 18 июня 1928 года окружным прокурором и председателем окрсуда: «...при рассмотрении по 107-й статье УК по каждому району округа применять по одному выселению из пределов Уральской области из слоя злостных укрывателей зажиточного и кулацкого элемента деревни...» Своеобразная судебно-репрессивная лотерея. Ждешь от государства возвращения благоразумия, а тебе — Крайний Север. Нарследователи при проведении этих дел «обязаны окрсуду прислать автобиографию на лицо, подлежащее выселению, с полной ясностью его политического и экономического положения и лояльности к Соввласти, с расчетом, чтобы окрсуду предоставилась возможность телеграфно известить суд ко дню слушания дела о возможности применения или неприменения меры выселения»⁵⁵. На Север загремели первые крестьянские семьи. Поскольку ссылка воспринималась пока чрезвычайным наказанием, документы на высылаемых оформляли скрупулезно и индивидуально. Ссылные не предполагали, что через полтора года они встретят многих земляков на лесозаготовках и в копиях мест столь отдаленных,

Надо честно сказать, что курганские судебные органы, равно как и уполномоченные ГПУ, к лету двадцать восьмого стремительно изживали из практики гнилостное буржуазное милосердие. Первые завалили окружной центр краткосрочно осужденными по известной статье. Были тут и осужденные за недоимки, самогоноварение, просто воровской люд. Переломные годы неожиданно обострили преступные наклонности земляков. В некоторых районах суды уже впадали в экстремизм. А растущую преступную орду надо было кормить. «Местный исправдом, — сокрушался секретарь окружкома, — переполнен до невозможности...» В этой ситуации окружком предлагал «немедленно дать твердую директиву нарсудам о максимальном ограничении вынесения подобных (2—3 месяца лишения свободы. — А в т.) приговоров»⁵⁶. Служители права послушно взяли под козырек.

Секретарь хорошо знал, что делал. Постановлением объединенного заседания ВЦИК и СНК РСФСР от 26 марта 1928 года было предложено принять срочные меры к тому, чтобы впредь не применять в качестве меры социальной защиты краткосрочное лишение свободы. Специальным циркуляром от 30 июля этого же года, который наверняка не печатался в центральной прессе, Наркомюст распорядился о переводе всех заключенных, осужденных до одного года включительно, на принудительные работы.

Я около двадцати лет работаю в вузе, а потому не могу квалифицированно судить о сравнительном воспитательном эффекте тюрьмы и принудиловки. Доверюсь истории. Какими-то месяцами подневольного труда из упрямого русского мужика не сделаешь стандартного революционера. До понимания этого дошли быстро. Много позже убедились, что не хватит и пятнадцати лет. Вся история революционного движения подтверждает, что политические убеждения укрепляются прямо пропорционально сроку наказания за них. Сталин, видимо, тайно понимал это и с самыми активными политическими противниками расправлялся нещадно. А остальных передавал в надежное попечительство Лаврентию Скуратову. Чита-

телю, знакомому с историей России, не нужно объяснять, что прогрессом общественной мысли мы обязаны махровым каторжанам, ссыльным и преследуемым. А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, Ф. М. Достоевский... Андрей Дмитриевич Сахаров, наконец. В разваливающемся ныне «социалистическом лагере» (название-то чисто наше, родное, отдающее чем-то беломоро-магаданским) явно те же тенденции. Под давлением народных движений к политическому руководству приходят поседевшие и посидевшие диссиденты застоя. На тюремных нарах их место занимают вчерашние партийные лидеры. Нет, не за политические убеждения, бог им в этом судья, а за порочную страсть к государственному карману и произвол.

Переход к принудилровке, выдаваемой пропагандой за важнейшее методическое средство перевоспитания, интересен в другом. Он заложил основы общегосударственной системы эксплуатации труда заключенных, чьими руками созданы лучшие памятники материальной культуры сталинизма.

Драма коллективизации только разворачивалась. Вопреки строгим инструкциям и директивам крестьян перли в суд по всей России вдоль и поперек. К обычным прежним обвинениям добавились новые. Лишь угрозой судебной расправы можно было удержать мужика от сокращения посева. Холодный душ поборов надолго остудил хозяйственную предприимчивость. Хлебозаготовительная кампания 1928—1929 годов обещала быть еще яростнее и ожесточеннее. Уже с первых месяцев резко обострились отношения между крестьянством и властью. Наркомюст вынужден был пойти на чрезвычайные меры. «Строжайшим образом проследить за тем, — указывается в его циркуляре от 27 декабря 1928 года, — чтобы с момента получения на местах судами данного циркуляра впредь не было вынесено ни одного приговора народного суда, осуждающего к краткосрочному лишению свободы до одного года. Указать судам, что в случае установления такого нарушения сам вынесший приговор судья будет предан суду по обвинению в невыполнении распоряжений центрального прави-

тельства и узнает на собственном опыте, что такое принудительные работы... Предложить судам во всех случаях, когда по УК предусмотрено лишение свободы до одного года, прибегать исключительно к принудительным работам, штрафам, высылке»⁵⁷.

Трудности создавал поток арестованных органами ГПУ. Уполномоченные, воспользовавшись санкцией окружкома ВКП(б) о временной изоляции некоторых кулаков из районов в окружной отдел ГПУ, гнали в Курган каждого подозрительного. Аресты принимали массовый и «бесшабашный» характер. Почти в каждого сельского собрания по самообложению, займам, хлебозаготовкам самых недовольных отправляли в район под конвоем. Районы пересылали их в округ. Местные власти подстегивала директива облсуда и облпрокуратуры от 28 января 1928 года, согласно которой, за срыв собраний под влиянием контрреволюционной агитации кулачества виновные преследовались по статье 58-й пункта 10-го УК⁵⁸. Эту статью боязливо уважали. При упоминании ее холодок пробегал по спине не у одних осужденных. Чтобы сократить поток репрессированных во внесудебном порядке, было рекомендовано аресты на местах впредь согласовывать с уполномоченными ГПУ.

Не думаю, что меры по ограничению таких репрессий свидетельствовали о либерализации государственной власти. Дело в другом. Произвол местных властей в период хлебозаготовок стал совершенно неуправляем сверху. Массовые аресты и суды отнимали у сельскохозяйственного производства значительную часть трудовых ресурсов. С другой стороны, соответствующие государственные органы не могли справиться с растущей армией краткосрочно заключенных. Система ГУЛАГа еще только формировалась и была рассчитана на более солидный по срокам заключения контингент. Содержать же краткосрочно осужденных во всех отношениях было экономически невыгодно. Принудительные работы и ужесточение сроков наказания полагалось естественным выходом из чрезвычайного положения.

В хозяйственной жизни этого года трудной оказалась и посевная. Началось повальное сокращение по-

севов. Опыт подсказывал крестьянину, что сеять надо только с расчетом на собственные потребности. (Эту тенденцию к натурализации хозяйства, вы помните, предсказал Н. Бухарин). Ощущался недостаток семян. Весной окрисполком в обращении к крестьянам и крестьянкам призывал не сокращать размеров производства. Обещал не облагать налогами ту часть урожая, которая будет получена за счет расширения посевов. Прибегали и к контрактации посевов. Но в слова и обязательства властей верили уже плохо. В некоторых районах начали судебное преследование крестьян, сокращающих посевы. Использовались многообразные формы внесудебного давления. Практика репрессий получила всероссийский размах. Наркомюст вынужден был принять специальное решение по этому вопросу. «Неверна практика уголовного преследования за сокращение посевов, — отмечается в циркуляре от 26 апреля 1928 года, — нужно только лишать земли лиц, сокращающих посев. Уголовное преследование надлежит возбуждать лишь против лиц, ведущих агитацию контрреволюционного характера против расширения посева., применяя в таких случаях статьи 16—58-ю пункта 10-го УК и только против кулаков»⁵⁹. Читателю, наверное, понятно, что преследование адресуется кулаку в чисто политически-декоративных целях. Все окружкомы советовали низовым партийным организациям обратить особое внимание на борьбу с сокращением площади посева, используя при этом статью 60-ю Земельного кодекса, т. е. лишение земли.

По окончании 1927/28 хозяйственного года и кампании хлебозаготовок надобность в массовых репрессиях отпадала. Да и приближающейся уборке нужны были рабочие руки. Поэтому Наркомюст циркуляром от 7 августа 1928 года потребовал «немедленно освободить из-под стражи осужденных как в судебном, так и во внесудебном порядке (ОГПУ) за несдачу хлебных излишков по статье 107-й УК крестьян-середняков и бедняков... Немедленно прекратить все незаконченные дела по статье 107-й УК в отношении крестьян-середняков и бедняков, привле-

ченых за неспасение хлебных излишков». Этот документ ждали многие тысячи репрессированных. Для истории он важен тем, что прямо констатируется массовое применение статьи 107-й УК к бедняцко-средняцким слоям деревни. Если вы помните, в партийных документах она всегда адресовалась только кулакам и спекулянтам. В том же августе Наркомюст неосмотрительно пообещал, что «чрезвычайные меры, которые допускались за последний период хлебозаготовок, в дальнейшем недопустимы и ни в коем случае не должны иметь места»⁶⁰. Недопустимость незаконных мер отмечена на Пленуме ЦК ВКП(б) в июле 1928 года. Вслед за решениями Пленума местные партийные руководители прилюдно и газетно признавались в ошибках и перегибах. В демонстративном порыве раскаяния клялись не обижать впредь родное советское крестьянство. Словом, поступали так, как и нынешние партийные функционеры, которым приказано каяться во спасение свое и всех вышестоящих.

Вряд ли кто верил в эту самую недопустимость. Молились из соображений тактических. Истоки насилия покоились в экономической политике государства, незыблемой и бескомпромиссной. Репрессии ждали своего часа.

«ВЛАДЕТЬ ЗЕМЛЕЙ ИМЕЕШЬ ПРАВО, А УРОЖАЕМ — НИКОГДА!»

В хозяйственный 1928/29 год государство и крестьянство вступили с разными мыслями. Руководство надеялось, что крестьянство наконец-то одумается и, убоявшись новых репрессий, смиренно примет диктат государства. Второе ожидало благоразумия и верило, что насилие прошедшего года есть лишь временный отголосок продразверстки. Не забывало, однако, и о том, чтобы надежно уберечь хлеб.

Начало хлебозаготовительной кампании обнадеживало. «Удовлетворительный ход хлебозаготовок в первом квартале, — отмечалось в резолюции Пленума ЦК ВКП(б) в ноябре 1928 года, — позволяет предполагать, что намеченный годовой план централизованных заготовок будет полностью выполнен. ЦК обязывает все местные организации не только не ослаблять, но и усилить внимание к хлебозаготовкам, чтобы улучшить хлебоснабжение страны и по возможности обеспечить накопление семенных фондов, необходимых для помощи бедноте и маломужским середнякам весной... Пленум ЦК в то же время отмечает огромное принципиально-политическое значение того факта, что партии и Советской власти удалось с достаточной быстротой перевести заготовки с методов чрезвычайных мер на нормальные методы заготовок».

Действительно, осенью урожайного двадцать восьмого года хлебная конъюнктура складывалась весьма удачно. Высокое предложение товарного хлеба в первые после уборки месяцы делало приемлемыми установленные государством цены. Положительно сказалось на товарности проведенное накануне повышение закупочных цен. Усилился привоз хлеба на свободный рынок. Ситуация, таким образом, показывала, что экономическая политика, согласованная с законами рынка, не вызывает больших со-

циальных коллизий, может быть взаимозаменяемой для государства и деревни. При таком подходе выглядели реальными планы расширения в будущем году посевных площадей и повышения урожайности. Тем более, что эти планы подкреплялись усилением сельскохозяйственного машиноснабжения, проведением различных агромероприятий, введением системы контрактации с крестьянским хозяйством.

Принципиально неверным в оценке экономической действительности было то, что возникновение удачной хозяйственной конъюнктуры относилось исключительно в заслугу политике партии. Отсюда делался вывод, что не политика должна исходить из экономической реальности в стране, а, наоборот, — политика создает таковую. В политическом диктате увидели, или хотели увидеть созидательную экономическую силу. Даже в современных развитых странах с высокой технологической режиссурой производства, загнанного в поминутные графики ритмического потока, государство избегает директивных форм давления на экономику. Мы же с конца двадцатых годов пребываем в иллюзии, что обеспечим свой экономический взлет с помощью тотального политического контроля. Что общественная собственность и партбилет руководителей надежно гарантируют от экономического грехопадения. Почти трагично сознавать, что шестьдесят лет мы тащим себя в социализм за волосы. А пройденное меряем жертвами.

Повышение закупочных цен и товарных запасов в торговле, как меры экономические, оказали положительное влияние на состояние рынка в конце 1928 года. Но главным его условием был все-таки хороший урожай. Продолжительность нормальных заготовок определялась не политическими решениями, а возросшим объемом хлебных излишков. К ускоренной хлебосдаче подталкивала боязливая мысль, что лучше продать осенью, чем весной попасть под конфискацию. «Партия в целом, как и т. Сталин, исходит из того, что крестьянство все еще переплачивает на ценах на промтовары и недополучает на ценах на сельскохозяйственные продукты, — записано в резолюции объединенного апрельского Пленума (1929

год) ЦК и ЦКК ВКП(б), — что этот сверхналог («дань») не может быть уничтожен теперь же, если мы не хотим отказаться от индустриализации...» Отправляясь от этого факта, любой сколько-нибудь экономически грамотный человек поймет, что государство потянет с крестьянина не только излишки. Диспропорция цен и товарный дефицит обещали мужику не только изъятие его необходимых запасов (излишки само собой), но изъятие их без товарного эквивалента. «Красные сваты», так называли уполномоченных по займу, уже присматривали клиентуру.

Кстати, на Пленуме, о котором шла речь выше, «развенчали» Николая Бухарина, упрямо стоявшего на том, что сталинская политика индустриализации ведет к деградации российской деревни. А всю систему аграрных отношений он называл «военно-феодальной эксплуатацией крестьянства». Была весна. В деревне снова полыхала война хлебозаготовок, несравненно более жестокая, чем год назад. Действительность подтверждала правоту Бухарина. У Сталина была сила и политическое упрямство диктатора.

Первые трудности с хлебозаготовками начались в январе—феврале 1929 года. Персональную ответственность привычно взвалили на кулачество. Не изменилась и стратегия. А вот в тактике борьбы появилось много нового и неожиданного. Уполномоченные вновь вернулись в деревню. Не буду раскладывать их количественно по округам и районам. Их стало значительно больше. В соответствии с новой тактической установкой они ходили теперь по дворам группами. Что-то вроде летучих отрядов пролетарского гнева. Эффективность такой формы подворного обыска отмечалась неоднократно. В материалах Шадринского окружного совещания по хлебозаготовкам, 9—10 марта 1929 года, указывалось: «Уполномоченные не всегда отвечают порученной им работе ...они не могут организовать работу применительно к условиям того или другого села, надо сейчас посылать заготавливать товарищей группами»⁶¹.

С самого начала кампании были включены все формы финансового и налогового давления на крестьянство. Увеличили в два раза и ввели дополни-

тельное самообложение (25% от основной суммы). Практиковалось дифференцированное самообложение. Налог увеличивался тем хозяйствам, в которых по подозрению уполномоченных имелись хлебные и денежные излишки. Налоговая политика совершенствовалась с головокружительной быстротой. Под государственный контроль попали тончайшие капилляры мужицких доходов. Еще в 1928 году к налоговому обложению были привлечены неземледельческие доходы деревни. Затем в круг налогооблагаемости были включены специальные виды сельхоздеятельности и мелкий скот. Мужику дали понять, что он не единственный хозяин в собственном подворье. Скоро каждая курица, рассеянно бродившая по двору, была привязана налогом к государственному финансовому интересу. Для сколь-нибудь крепких хозяйств, радикально обзываемых кулацкими, применялись дифференцированные надбавки до 20% к нормативно-установленной сумме налога. В 1929 году в среднем с каждого двора Курганского округа взыскивалось 33 рубля 30 копеек сельхозналога. Сумма налога стремительно росла, но этот рост искусно маскировался политикой классовой разбивки налогов. Снижение налогов и предоставление льгот бедным слоям населения носило больше демонстративный характер и мало беспокоило государственную казну. Финансовые потери от этих мероприятий с лихвой перекрывались повышением налогов у противоположной части населения. От классовой перетряски налогообложения выиграло в основном государство. К 1930 году крепкое крестьянское хозяйство платило сельхозналога более 300 рублей в год. Практика явно тянула в сторону индивидуального налогообложения, что и было введено в 1929 году. В нашей истории этот шаг характеризуется как решительное наступление на кулака. В действительности это было наступление на экономическую основу сельскохозяйственного производства. Под жесткую финансовую стрижку попала та категория хозяйств, которая давала основную часть товарного хлеба.

Финансовые отчеты того времени, менее восторженные, чем партийные, констатируют, что рост нор-

мативной величины сельхозналога и расширение географии облагаемых объектов (сенокосы, травы и корнеплоды, все виды скота и т. д.) отрицательно сказываются на экономике единоличного хозяйства. С 1928 года начинается сокращение коровности в крестьянских хозяйствах Уральской области и ее округах. С 1929 года началось сокращение поголовья скота по всем категориям. Если весной двадцать восьмого принудительной контракцией и угрозами удалось обеспечить посев, то с введением индивидуального обложения значительная часть хозяйств не могла сохранять масштабы производства экономически. Невыгодно стало держать скот. Круто пошли вниз маслозаготовки и производство других видов животноводческой продукции, кроме мяса. Начался массовый убой скота. Отметим, что скот пошел под нож еще до принудительной коллективизации. Нежелание запускать скот в зиму по причине невыгодности рассматривалось властями как контрреволюционное действие.

Тихая финансовая свирепость подвела единоличное хозяйство, а значит, и всю экономику деревни к последней черте, за которой действовали уже не экономические законы, а исключительно политический произвол и насилие. Экономический интерес был убит.

В хлебозаготовительной кампании 1928—1929 годов применили тактику самообложения. Этот метод называли урало-сибирским, отдавая дань нашему приоритету в его применении. Суть его демократически проста. На общих собраниях деревни утверждался план хлебозаготовок и разверстывался по дворам в зависимости от наличия хлебных излишков. Простите, я вновь сбился на официальную версию. Каждый уполномоченный привозил в портфеле занаряженную цифру плановых заготовок, изменить которую в сторону занижения не мог ни на пуд. Ему следовало лишь формально утвердить ее общим собранием (за минусом социально убогих), что он и делал в меру отпущенной богом хитрости и проходимости. Действуй хоть гипнозом, шутил один партийный остро слов, а хлеб возьми. Все точь-в-точь, как с самообложением деньгами. И главные лица те же, упол-

номоченные и бедняцкий «актив». Их преданность государственному интересу понятна. Они-то хлеба не много сдают.

На общем собрании под разверстанную подворно сумму заготовок выдавались путевки на сдачу хлеба. Особенно торжественно их вручали зажиточным и кулакам. «...Вручать их на собрании, — напутствовал своих подчиненных уполномоченный по Белозерскому району Курганского округа Булыгин (да, тот самый), — если не голосуют «за» (а голосовать принудить всех), объяснить, что план хлебозаготовок утвержден свыше и поэтому хлеб будут сдавать те, кто голосует «против». При такой постановке вопроса вы добьетесь единогласного голосования...» Вот что значит правильная постановка вопроса! «За» — сдать хлеб. «Против» — тем более. Но продолжим. Самое интересное впереди. «Общее собрание должно длиться до тех пор (хотя бы это ограничилось сутками и более), пока не выдадут обязательства на вывозку хлеба. Примите сверхчеловеческие усилия в деле выполнения плана хлебозаготовок. Невыполнение будем рассматривать как нежелание, как неумение выполнять директивы партии»⁶². Последний исторический пассаж уполномоченный дословно списал с окружного документа. В одном из последующих отчетов он пишет: «Вокруг кампании хорошее настроение бедноты, выковываются новые кадры бедняков...» Вот такие ковалы сгондобили нашу скрипучую аграрную экономику. А сами попали в сан революционно святых, либо на свалку истории. За хлебозаготовительную кампанию весны 1928 года в Уральской области было отстранено от работы 1157 работников окружного и районного звена. Далеко не все из них отделались выговорами и исключением из партии. Сроки тюремного заключения легко раздавались и «своим». Диктатура личной власти всегда опиралась на безудержную перетряску экономически и политически безответственных временщиков.

Демократический фарс с утверждением объемов хлебозаготовок никого не обманул. Напрашивались репрессии. «Положение с рынком, — констатировал Курганский окрисполком зимой 1929 года, — резко

изменилось, и в дальнейшем подвоз хлеба совершенно прекратился. Создавшееся положение вызвало панику среди населения — бросились запасать хлеб, опасаясь, что весной его не будет, в силу чего цены быстро повысились. Отсутствие рынка, паника среди населения и повышение цен быстро передаются в деревню и вредят хлебозаготовкам. Рынок сейчас перешел к крестьянину во двор». Рыночные цены на муку подскочили в Кургане до 5—6 рублей за пуд (простой размол) и до 7—9 рублей за пуд (сеянка)⁶³. Сравните с ценами 1926/27 года. В других городах Уральской области ситуация была еще более критической.

Рынок сопротивлялся. Раз гора не идет к Магомету.. Напуганный горожанин сам ехал за хлебом в деревню. На сельских улицах появился еще один враг хлебозаготовителей. Враг серьезный, поскольку платил за хлеб по взаимной договоренности. Чтобы пресечь скрытую рыночную активность горожан, закупленный хлеб у них отбирали, вылавливая на дорогах тайные обозы. Судили пойманных за хлебную спекуляцию, которая хоть и имела место, но не определяла наличие контрабанды. Мужиков, тайно продающих хлеб частникам, подвергали бойкоту. Сам факт продажи частному лицу рассматривался уполномоченными как законное право на репрессии. В общественное сознание настойчиво вбивалась мысль, что морально оправдана только продажа хлеба государству, все остальные товарные операции есть спекуляция.

Ситуация обострялась. Заработали все рычаги пролетарской диктатуры. Ввели ежедневную отчетность по хлебозаготовкам. Разумеется, строго секретную и под личную ответственность. И ночью. Сталинским временем вообще свойствен активный ночной образ общественной жизни. «Дело идет плохо,— сообщает один из уполномоченных Шадринского окружка ВКП(б) в марте 1929 года, — всю неделю пьянство ужасное. Пытались собрать бедняцкое собрание, не смогли, собрали пленум кое-как и то неполный, да вдобавок полупьяный. Сегодня шпарим с утра и выжали только 397 пудов... Вызвали в сель-

скую комиссию пятнадцать человек, четырнадцать отказались категорически... Работа осложняется еще и тем, что население (двоеданы) — мужики крепкие...»⁶⁴.

«Шпарить» приходилось по всем направлениям. Вовлекли в дело «контрагентуру», начав с детей. Школьники проходили на занятиях азбуку хлебозаготовок, много дискутировали по данному предмету на ученических собраниях и определяли свою политическую позицию в семье. По газетным карикатурам учились визуально определять классовую принадлежность знакомых. Искали и находили классовых врагов в школе. Началось интенсивное классовое размежевание в крестьянской семье. Мальчиков, склонных во всем присматриваться к отцу, учили присматривать за отцом. Пионерия творила политических акселератов, недетски зло и подозрительно смотрящих в мир. Были в системе детского политобразования и позитивные моменты, о чем говорит рапорт учащихся Курганской школы № 1 птицеводческого уклона 8-й окружной партийной конференции: «...мы, учащиеся птицеводческого уклона, призываем общественные организации организовать большие детские птицеводческие колхозы. Еще раз заявляем, что выполним наказ пионерского слета — догнать и обогнать американскую курицу. Всегда готовы!»⁶⁵ Что ж, у общества, полвека догоняющего американскую корову, и детские идеалы свои. Рано смеетесь. Это-то писали дети. В материалах 10-й областной партконференции, опубликованных в газете «Красный Курган» 18 июня 1930 года под шапкой «Догнать и перегнать капиталистические страны не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве», то же самое говорят партийные и советские руководители.

Честно говоря, я не верю в то, что обращение написали дети. Знаю я цену таких починов. Как-то в начале восьмидесятых в колхоз «Маяк» Половинского района летом понаехало партийное начальство. Собирались раскрутить очередной почин, так сказать, «инициативу с мест». Председатель, мой друг и одноклассник, быстро согласился, выторговав новенький КСК-100. Комбайн даже подогнали к МТМ,

где проводилось собрание. Колхозникам толково объяснили, к чему они должны призвать. Мужики деловито посоветовались и потребовали в обмен на политическую услугу, не даром — в порядке материального стимулирования, «Дружбы», «Уралы» и еще что-то. Многие были обещано.

План того года колхоз выполнил не лучше других. Мужикам что-то дали, в чем-то привычно обманули. Не в этом дело. Инициатива-то была! Следующее наше поколение поверит в ее благородное происхождение и, устав от суконной действительности, мечтательно вздохнет: «Были же люди!»

Снова о детях и заготовках. В Ирбитском округе, например, нашли интересную форму привлечения школьников к хлебозаготовкам. Их впрягли в детские саяки с красными флажками и отправили по дворам кулаков и зажиточных. Только злобный враг Советской власти, рассуждали педагоги-новаторы, устоит перед умоляющим детским взором. Мы до пятнадцати лет ходили в Рождество славить. «Рождество твое Христе божие.., — рвали хором, едва переступив порог очередной избы, — не дадите пирога — я корову за рога, не дадите булку — хозяина на улку!» Аполитично, конечно. Ирбитских славильщиков научили более определенному: «Если хлеба не продашь — не дадут нам карандаш!» Многие хозяева жертвовали им по несколько фунтов зерна на карандаши.

По общечеловеческим моральным нормам это, конечно, преступление перед детством. Но ведь мы и привыкли жить наособицу. Даже гордимся этим. Мы и сейчас смотрим на памятники детским великомученикам коллективизации с нескрываемой гордостью, как на уникальное политическое достояние национальной истории. Без тени общечеловеческого стыда и раскаяния.

Активно проявили себя в хлебозаготовительной кампании 1929 года комсомольцы. Легкие на ногу и ум, они настырно лезли во все щели общественной жизни. Власти поощряли их самые дерзкие начинания. И направляли. Несмотря на юношеский максимализм, комсомольцы практически повторяли в сво-

их решениях и поступках дела партийных организаций. В помощь деревенским низовым организациям направлялись комсомольские бригады из городов и районов. Они должны были содействовать активизации молодежи в борьбе за хлеб. Нет, не производить, а отбирать. На местах с этой целью создавались комсомольские посты, отряды «легкой кавалерии». Они по-детски весело, а политически серьезно устраивали налеты на кулацкие и зажиточные хозяйства, заготовительные пункты, проверяли ход кампании. Вносили, по их мнению, необходимые коррективы. Не останавливались, если обстоятельства позволяли, перед жестокостью. Романтические отряды «легкой кавалерии» были по сути русским вариантом, предтечей хунвэйбинов. Сопротивление им квалифицировалось как контрреволюционное действие. Особое рвение они проявляли в поиске спрятанного хлеба.

Молодежи вообще свойственно увлечение внешней стороной дела. Поэтому комсомол был незаменим в проведении агитационно-массовых мероприятий, театрализации хлебозаготовительной кампании. Но еще раз подчеркну, что если призывали к жестокости, комсомол становился по-юношески беспощадным.

Я намеренно не говорю о всей сельской молодежи. Хотя мы привычно связываем героику колхозного движения с комсомолом. Кстати, для деревенского парня вступить тогда в комсомол было значительно труднее, чем сейчас избежать членства в нем. Из этого не следует, что в те годы комсомол был более прогрессивен. Вернее всего, он был драчливее. А сельская молодежь серьезнее. Комсомол составлял лишь незначительную ее часть. Большинство деревенской молодежи постепенно вращалось в крестьянский труд, кормило, как могло, страну и не помышляло о политической карьере. Словом, творило реальную историю. В писаную же историю вошел только комсомол. «Прокати нас, Петруша, на тракторе...» Заботливые политические хирурги вырезали из истории коллективизации все, оставив потомкам только романтические грезы о молодом тюменском трактористе. Мне очень нравится эта песня. И все

же... «Возьмите мой комсомольский билет, — сказал комсомолец из села Теменевского Шадринского округа, отказываясь участвовать в хлебозаготовках, — я выйду из комсомола, пока мужики не отвернули голову. Начни проводить политику партии, так скоро ухлопают». Это не поэтический туман, а горькая правда. Как и то, что таких было немало. Одни решались сами, других вытаскивали из политических активистов заботливые руки родителей. Может, об этом когда-нибудь споем. Или хотя бы не будем забывать. За то, что у них хватило ума и смелости остаться человеком смолоду. Не забыть бы и тех комсомольцев, что мордовали крестьян обысками, бойкотами, забивая окна и двери, открыто глумясь над человеческим достоинством, что пытали мужиков по ночам и мародерствовали во времена раскулачивания. Абстрактному защитнику героической истории комсомола тех лет советую лишь представить себе, как его сын чистит чужие квартиры в интересах пассивного госбюджета. Если такая возможность вызовет революционную родительскую гордость — он правоверный сторонник сталинизма.

Псевдореволюционный экстремизм молодежи удручающе однообразен, особенно в репрессиях. Не обошлось в зауральской деревне без традиционных политически шутовских спектаклей изощренного издевательства над мужиком. В селах Курганского округа, например, на дворах зажиточных и кулаков укреплялись объявления, что здесь живет враг Советской власти. Во время общих собраний к лицам, задерживающимся с выполнением обязательств по хлебозаготовкам, применялись различные меры унижения. Зачитывались сочиненные комсомольцами оскорбительные частушки, навешивались на грудь политические плакаты и прозвища. В Тюмени революционный поиск молодых дошел до изобретения черных скамеек с царским гербом и надписью «друзья Немберлена». Мило, да? Повсеместно проводились шумные молодежные демонстрации под лозунгом «Даешь хлеб!». Все так напоминает события времен «культурной революции» в Китае. Правда, у наших

соседей хватило мужества забыть и не вспоминать об этом.

Была, однако, и местная зауральская экзотика. Комсомольцы села Деминского Батурина района организовали хлебозаготовительный карнавал, который вызвал всеобщее умиление на окружной партийной конференции, и пропагандировался как творческая находка местных активистов. Впереди ехала красная повозка, а затем несколько возов с мешками (набитыми соломой), на которых сидели ребята, загримированные под кулаков. На «кулаках» были надписи с фамилиями местных злостных держателей хлебных излишков. Карнавал объехал четыре деревни. Хлебозаготовок карнавал не ускорил. «Вербовка хлеба, — с досадой отмечал один из уполномоченных Шадринского окружкома ВКП(б) в феврале 1929 года, — проводится комсомольцами лет четырнадцати-пятнадцати; по-моему, это не верно, ибо крепкие мужики и нас-то уже слушаются плохо».

В борьбе за горький хлеб двадцать девятого не обошли вниманием и прекрасную половину зауральской деревни. Женщины с их естественным стремлением к семейному благополучию и уюту были, пожалуй, самым консервативным элементом «контрагентуры». Они чаще срывали демократические начинания властей. Уполномоченные жаловались в отчетах, что собрания превращаются порой в неконтролируемый бабий бунт. Но все же находились и активистки. В практику общественной жизни тех лет внедрили окружные и районные бедняцко-средняцкие женские съезды. Делегаткам доверительно говорили о растущей роли женщины в социалистическом строительстве, ориентировали в сложной обстановке хлебозаготовок, льстили дефицитными подарками. Некоторые возвращались домой просветленными и решительными. С их помощью и рассчитывали привлечь стихийную силу женской натуры к идее хлебозаготовок.

Особенно податливыми оказались далматовские хозяйки. В основе планового выполнения заготовок — «ведение массовой работы вплоть до женщин, — с удовлетворением констатирует уполномоченный ок-

ружкома ВКП(б) по Далматовскому району. И мы имеем здесь успех, так, например, это мероприятие дало более 400 пудов в день»⁶⁶. Это уникальный случай. Обычно женщины, существа с более развитым чувством самосохранения, упорнее защищали семейный интерес, удерживая порой и хозяина от необдуманных поступков. В сельсовете он изустно клялся в лояльности властям, проявлял готовность услужить, но когда доходило до дела, сокрушенно разводил руками — «баба не велит».

На товарное стимулирование хлебозаготовок особенно полагаться тоже не рекомендовалось. Промышленность страны ударилась в металлургию. Дефицит потребительских товаров стремительно нарастал. В строго секретной (туда же!) информации Курганского облпотребсоюза от 6 июня 1929 года, адресованной лично секретарям райкомов партии, давалась общая панорама дефицита:

«— Кожевенно-обувные товары — перспектив на устранение недостатка нет.

— Рабочие сапоги — на полное удовлетворение спроса рассчитывать нельзя.

— Скобяные товары — перспективы на улучшение отсутствуют.

— Посуда — улучшения положения с этими товарами не ожидается. Перспектив на полное удовлетворение заявок госпромышленность не дает.

— Бакалейные товары — недостаток сахара обусловлен недородом свекловицы.

— Рис и крупа — заявки удовлетворяются на 30—40%. Перспектив нет.

— Мыло хозяйственное — на получение больших перспектив нет.

— Сельдь и прочая рыба — вследствие осеннего недолова до сих пор является недостаточным товаром.

— Бумага — перспектив на улучшение бумажного рынка нет»⁶⁷.

Оставляю на этом цитирование «секретного» документа, рисующего до боли знакомую нам картину. Уловить различия между прошлым и настоящим под силу только теоретически изощренному уму. Рань-

ше мы революционно убежали от рынка, теперь прогрессивно к нему стремимся.

Стабильно ходовой и бездефицитный товар «переломных лет» — спиртное. Оно было, пожалуй, и единственным свободно продаваемым товаром. Зауральский, скажу смелее — российский, мужик был осужден на пьянство политически и бюджетно. Порочная склонность развилась в устойчивую общественную потребность. Умение пить регулярно и лошадиными дозами стало почти уникальным достоянием русской природы. Пили по-черному, спасая пропитыми миллиардами страну от смертельной инфляции. Кто оценит спасительную роль Шадринского ликеро-водочного завода для областной экономики запойных лет? Управляющие районными банками встречали вагоны с его продукцией у самой кромки горизонта. А через пару дней бойко выдавали предприятиям зарплату свежепропитыми деньгами.

Антиалкогольная революция восемьдесят пятого привела нашу пьяную экономику в коматозное состояние. В этот год весь потенциал идеологической ненависти мы вложили в вырубку виноградников, разрушение ликеро-водочных и пивзаводов, в экстазе плясали на битом стекле миллионов бутылок. Путь назад был отрезан, будущее виделось трезвым и ясным. С экранов телевизоров не сходили партийные миссионеры, благосклонно принимающие восторги женщин за возвращение блудных мужей.

Последствия гениальных решений всегда неожиданны. К концу года на финансовом небосводе страны появилась «озоновая дыра» бюджетного дефицита. Фиктивность всех доходов, очищенных от скрытого алкогольного налога, стала удручающе явной. Оказалось, что нам по средствам только пить, но не сносно жить. И внутренний враг был хитрее. Пить стали реже, как говорил А. Райкин, но больше. И что попадет под руку.

«Ты зря прешь против Советской власти лоб в лоб», — отчитывал штатного алкаша начальник районного стройуправления, мой приятель. «Пил и пить буду!» — «Да она тебя, упрямого, в порошок сотрет. Историю не знаешь? Или ума не хватает дураком

прикинуться? Вон Иван...» Сидевший в каптерке столляр, о котором зашла речь, самодовольно усмехнулся. На административной комиссии, обсуждавшей пьяниц, он сморозил, что пострадал от неопытности, выпив банку питьевого стеклоочистителя, что не в пример водке много крепче. Неожиданный пассаж увел разговор в сторону обвинений промышленности, производящей непотребную гадость. А Иван мягко ушел от опасного рецидива. Так вот и процветаем. Каждый рывок в будущее делает нашу жизнь если не беднее, то определенно изощреннее и светлее. И суету эту мы принимаем за жизнь.

Местные власти — вернемся в двадцать девятый — не удержались от соблазна использовать порочные наклонности в интересах хлебозаготовок. «Правлением Уксянского потреббщества, — сообщалось в Шадринский окружком ВКП(б), — дано распоряжение — продажу хлебного вина производить только сдатчикам хлеба... В январе месяце потреббщество заготовляло от 23 до 28 центнеров в пятидневки, а в феврале месяце за две пятидневки было заготовлено: за первую — 73 центнера, за вторую — 96 центнеров. Заготовка увеличилась исключительно за счет продажи вина. В связи с этим население говорит: «До чего дожили, что вино даже продают за хлеб». По этому вопросу потреббщество имеет договоренность с РК ВКП(б) и райисполкомом»⁶⁸.

Практика сдачи хлеба под спиртное началась еще в 1928 году. В кампании 1929 года она стала обычной и распространенной. Однако удачная местная инициатива была пресечена. И вот почему. Действительно, прямой обмен хлеба на водку ускорил хлебосдачу. Но он значительно сократил реализацию спиртного и, следовательно, прямые доходы государства. Покушаться на государственный бюджет не позволено никому. Спиртное хорошо брали и на деньги. Если же связать продажу водки со сдачей хлеба, мужик, чего доброго, по необходимости отвыкнет от пьянства и поставит страну на грань финансовой катастрофы. Наши шумные антиалкогольные кампании всегда оставались декоративными, в лучшем

случае, утопическим начинанием. Спиртное вошло необходимым компонентом в наш товарно-потребительский и финансовый оборот.

«Постановлением Мишкинского райисполкома, — жалуется властям директор Шадринского спиртоводочного завода осенью 1928 года, — ограничен сбыт вина в сельской местности, что противоречит декларированным правительством мерам по ограничению продажи вина в сельской местности (опять заумная политическая «диалектика». — Авт.), что в значительной мере отражается на выполнении государственного бюджета, желаемого же уменьшения хулиганства нет»⁶⁹.

Антиалкогольные поползновения мишкинцев и многих других пресекли. Уральский облизполком и его окружные инстанции зорко следили за тем, чтобы земляки пили по потребности. Для остротки привлекли даже авторитет и силу областной прокуратуры. «Президиум Уральского облизполкома, — отмечается в ее (опять же!) секретном циркуляре от 7 июня 1931 года, — в своем заседании от 29 мая указал, что реализация хлебного вина идет совершенно неудовлетворительно. За две декады мая месяца сего года план выполнен только на 43,6%... Немедленно опротестовать решения райисполкомов, относящиеся к ограничению и задержке реализации спиртоводочных изделий... Лиц, допускающих эти ограничения, привлекать к дисциплинарной или уголовной ответственности...»⁷⁰

Угроза возымела действие. А постичь умом, что пьянство есть больше общественный, чем индивидуальный порок, нам еще предстоит.

Зима прошла, сообщил один из уполномоченных, в пьяном кошмаре. Действительно, в Курганском округе только зимой 1928 года (помимо легально пропитых денег) было оштрафовано за самогоноварение 2200 человек на сумму 87 тыс. рублей. Не скупались от трезвости и соседи. Начальник административного отдела информировал секретаря Челябинского окружкома ВКП(б), что за первую половину заготовительной кампании 1927/28 года милицией округа составлено 1025 протоколов за самогоноваре-

ние, отобрано 286 самогонных аппаратов и вылито 265 ведер готового к употреблению продукта. В последующие годы крестьянская жизнь стала еще круче и ожесточеннее. Эти обстоятельства, как известно, развивают в земляках способность пить чаще и больше. В докладной записке Курганского окружного отдела ОГПУ о празднествах 1 Мая и Пасхи 1930 года приводятся многочисленные факты неудовлетворительного проведения Первомайских праздников и невиданного пьянства в Пасху. Деревня только что пережила трагедию массового выселения и пила от отчаяния. «Празднование дней Пасхи, — констатирует документ, — сопровождалось массовым пьянством, хулиганством, групповым гулянием, драками с убийством и т. д... В селе Лебяжьем в дни Пасхи распродано около трех вагонов вина... В селе Петровском Юргамышского района продано вина на 4 тыс. рублей, в то время как госплатежи не выполняются... В селе Белозерском продано вина на 3 тыс. рублей... Примерно аналогичные суммы денег пропиты в дни Пасхи и в других селах округа». Излагаются факты с понятным каждому нормальному человеку сожалением. Лишь политическим авантюристам, помешанным на выкачке крестьянских денег, они грели душу. Как и то, что обычные пьяные драки «край на край» сменились драками между единоличниками и колхозниками. Все-таки, какая ни есть, а классовая борьба!

История зауральского пьянства еще ждет своих исследователей, а борьбу государства с самогоноварением и подпольной продажей спиртного можно вносить в предмет изучения исторического материализма. Она много старше русского социализма. Мы закончим разговор по этому вопросу, ограничившись исключительно положительной ролью спиртного в деле колхозного строительства.

На окольные формы воздействия у мужика к 1929 году сложился устойчивый иммунитет. В обещания он категорически не верил, на комсомольские игрища смотрел с иронией и боялся только откровенного произвола. Тут нам опыта не занимать. В Курганском округе путь к неограниченному произволу в де-

ревне открыла секретная директива окружкома ВКП(б) от 16 февраля 1929 года. «Местные организации считают, — наставляет документ, — что хлеб сейчас должны сдавать только зажиточные слои деревни и кулачество. Бюро ОК считает такую установку неверной и предлагает РК и ячейкам призвать к сдаче хлеба все крестьянство... Бюро подчеркивает, что самым действенным мероприятием, помимо воздействия государственных органов, является общественный бойкот зажиточного и кулака, зажимщика хлеба всем крестьянством». Психическая атака на хлебороба готовилась тщательно, ей лицемерно придавали вид общественной инициативы. «Подготавливая бедноту и середнячество к организованному выступлению против кулака с бойкотом на общем собрании, помещая его на черную доску, устраивая специальные демонстрации и карнавалы (вот где таится комсомольская «инициатива», а не в знании бразильских традиций. — Авт.) с лозунгами и плакатами к домам кулаков, используя стенную и живую газету, демонстрацию на ленте кино., широкая общественность должна окружить кулака всеобщим презрением и заставить его продать хлеб государству»⁷¹.

Поразительное лицемерие и подлость. Население деревни призывается к бойкоту в совершенно секретном документе, адресованном лично секретарю райкома партии. Да он-то мог рассчитывать лишь на редкий деревенский сухостой, числящийся в активистах. Фактически провоцируется фашизм со всеми его внешними атрибутами. Широкая общественность еще на опыте судов по статье 107-й УК убедилась, что истерические выпады в адрес кулака есть идеологическая крыша для массовых репрессий. «Кроме общественного бойкота, — цитирую дальше этот документ, — следует применять бойкот экономический, придавая ему также широкий общественный характер. Кулака, зажимщика хлеба нужно лишать промтоваров, размла муки на мельницах, исключения из кооперации и т. п. Общественный и экономический бойкот следует применять с расчетом получения общественного и экономического (сдача хлеба) эффекта...»

В зауральской деревне начался настоящий шаш. Созданные с целью содействия хлебозаготовкам сельские комиссии буквально терроризировали население. Несколько слов о комиссиях и причинах их жестокости. Если в 1928 году за итоги хлебозаготовок отвечал персонально уполномоченный и местное руководство, то теперь ответственность с ними разделили члены сельских комиссий. Членство в комиссии стало опасной общественной повинностью с непредсказуемыми последствиями. В случае невыполнения плана заготовок члены комиссии шли под суд за халатное отношение к должностным обязанностям. Была на этот счет и соответствующая 111-я статья УК РСФСР. Механизм репрессий сотворили в духе сталинской морали: часть деревенских жителей сделали подневольными палачами своих земляков.

Членства в комиссии избегали под любыми предлогами. Выборы тянулись иной раз сутками. В конечном счете выбирали безответных — деревенских коммунистов и комсомольцев. В официальной истории это названо сплочением пролетарских слоев деревни вокруг партии. Информационные сводки окружного отдела ОГПУ полны примеров массового отказа бедноты от участия в работе комиссий. «Нас опять в петлю тянут, — заявил бедняк Гладков из села Меньшиково Половинского района, — чтобы мы кричали и отбирали хлеб». Его земляк Салобоев на этом же собрании отказался наотрез: «Мы с осени чуть не за горло брали — вези излишки и все, а сейчас пусть кто хочет заставляет везти или выгребать хлеб, а мы не будем». Тонко понял ситуацию один из выступающих на собрании села Нижне-Никольская Звериноголовского района: «Комиссию выбирать совершенно не нужно, пусть хлебозаготовки выполняет уполномоченный РИКа, он за это деньги получает. Если мы выберем комиссию, то она не выполнит плана и ее посадят, сейчас это возможно, потому что у мужиков хлеба нет, нет совершенно, и нас с этими хлебозаготовками затрепали»⁷². Комиссию все же избрали, оставив оппозиционно-умную голову под подозрением ОГПУ.

Кстати, о заработках уполномоченных. За зимнюю кампанию 1928 года командировочное содержание уполномоченных по линии Советской власти, т. е. окрисполкома, составило по Курганскому округу более 20 тыс. рублей. Именно эту сумму просил изыскать секретарь окружка партии у Шверника, тогдашнего секретаря Уралобкома ВКП(б). По Уральской области выходит где-то около четверти миллиона. Во что обошлась инициатива уполномоченных по партийной линии, не считали, полагая, такие расчеты аморальными. Калькулировать расходы ГПУ или других «известных» органов никто не рискнул. Я вот прикидываю... Наверное, и в деревне бы согласились... Нет. У нас была бы тусклая и невыразительная, как у Голландии, к примеру, аграрная история. Без ожесточенной борьбы, решительных наступлений, коренных переломов и всего того, что недоступно просвещенным Европам.

Тут уместно сказать о делах нынешних. Осмелев, мы начали считать накладные расходы партийного руководства. Персональная машина и персональный шофер (обычно замаскированные под производственные нужды), секретарша секретаря, гараж и кабинет, бензин и запчасти, свет и тепло, расходы на идеологический антураж торжественных дат и юбилеев. Все это в обузу только одному предприятию, имеющему честь держать освобожденного партийного функционера. Подсчитанное умножьте на сорок тысяч промышленных предприятий, двадцать тысяч строительных организаций, сорок тысяч колхозов и совхозов... Бешеные деньги получают. Что говорить о чистой партийной бюрократии, давно запустившей обе руки в народный карман. О привилегиях. О персональном пенсионерстве, этом зароговевшем слос партийной номенклатуры. Есть у нас еще комсомол... Дорого, чрезвычайно дорого обходятся стране мумифицированные партийные идеалы и полные некомпетентности и авантюризма дела. Здесь объяснение популярности в народе начатых мер по дезинфекции родного дома, выживанию разного рода штатных прикормышей и социальных клопов.

Первой обязанностью сельских комиссий было подворное хлебообложение на основе принятого, а точнее навязанного, общего плана. Обложение было сугубо индивидуальным и «классовым». Но облагались уже все. После выдачи путевок на вывозку хлеба, а иногда и денежного аванса, комиссия строго следила за ходом хлебозаготовок, вела ежедневную отчетность. В случае задержки с вывозкой зерна на заготовительные пункты комиссия могла принять меры общественного воздействия. Первой репрессивной мерой, назначаемой комиссией, был общественный бойкот. Но драмы разыгрывались еще при определении индивидуального задания.

«Хлеба нет у нас. С нашей деревни приходится 120 центнеров. Если собрать по деревне все сухари — не набрать этого». (Белозерский район).

«Нет хлеба. По два урожая в год не собираем, две хлебозаготовительные кампании проводить не будем». (Лебяжьевский район).

«Пусть хоть сколько угрожают бойкотом и высылкой, нам это не страшно. Все равно крестьянин работает на казну, что дома, что в колонии исправдома». (Глядянский район).

«Советская власть с мужиков дерет все лишь только путем разных застрашиваний да запугиваний. Зачем мучают мужика? Хлебозаготовки срывают полевые работы, крестьянство идет к разорению» (Куртамышский район)⁷³.

Приведены выдержки из выступлений крестьян на общедеревенских собраниях по хлебообложению. Они взяты из информационных сводок окружного отдела ОГПУ, в которых авторы этих слов взяты под подозрение и отнесены в графу «АСЭ» — антисоветские элементы. Сводки ОГПУ, отчеты с мест и партийные документы всех округов Уральской области констатируют взрыв массового возмущения очередной грабительской кампанией. Архивный том информационных сводок ОГПУ о политических настроениях населения по одному только округу, будь он опубликован, превзошел бы объемом все фолианты восторженной лжи о событиях тех лет. Официальная история — бог ей судья — назвала это усиления

ем классовой борьбы под влиянием сопротивления кулачеству. Зло высмеял сталинскую концепцию обострения классовой борьбы Н. Бухарин: «...у самых ворот социализма мы, очевидно, должны или открыть гражданскую войну, или подохнуть с голоду и лечь костью». Сталин реализовал оба следствия. Но сначала была гражданская война с деревней.

Разберемся с мифическим и свирепым, как Минотавр, кулаком. Финансовая основа кулацкого хозяйства была подорвана системой индивидуального налогообложения. К 1930 году на особом налоговом режиме находилось по Курганскому округу около двух с половиной тысяч крестьянских хозяйств. С них взималось 530 тыс. рублей, т. е. четверть общей суммы сельскохозяйственного налога по округу. Кроме того, около четырех тысяч хозяйств облагались с процентной надбавкой к основной сумме налога. Таким образом, на усиленном налогообложении сидело более 6% хозяйств. Куда больше? По официальной статистике доля кулацких хозяйств в экономике округа составляла 3%.

Обратим внимание и на другое обстоятельство. В посевную кампанию государство призывало всячески расширять посевные площади. Использовались принудительные меры — отбирались подписки на обязательный посев, заключались договоры о контрактации, применялось судебное преследование сокращающих производство. Увеличение производства зерна квалифицировали в центре и на местах как важное государственное мероприятие, отвечающее политическим установкам партии. Но как только дело доходило до хлебозаготовок, крепкие хозяйства сразу же попадали в ранг классово чуждых. Даже тогда, когда эти хозяйства, сокращая производство, увольняли батраков, нанятых в соответствии с трудовым законодательством, власти обрушивались на хозяев с обвинениями в жестокости и бессердечии. Безысходность была полной. Плохо, что ты кулак, но еще хуже, если пытаешься выйти из этого состояния. На рогатину директив весной двадцать девятого посадили большинство нашего крестьянства. Не повезешь хлеб сдавать — пойдешь под суд как зажим-

щик. Повез сдавать — будут судить за сокращение посева. В плену намеренно противоречивых инструкций пребывает социалистическая экономика и ныне.

И еще один факт, характеризующий политическую принципиальность властей. Когда фанаты общественного бойкота отказали кулацким хозяйствам и зажимщикам хлеба в приеме молока на переработку, последовал злой окрик партийного руководства. В специальной директиве Курганского окружкома ВКП(б) говорилось, что «отказ в приеме молока и масла от кулацких хозяйств считать политически вредным». В других округах Уральской области тоже считали, что для Советской власти не являются политически опасными закупки у кулаков технических культур, кожи и других видов животноводческой продукции. Активистов общественного бойкота на этот счет стали инструктировать. Одним словом, строго экономического статуса у кулака не было. Да он и не был нужен. Надо было политического ваньку, которого можно было бы долбить во исполнение очередной секретной директивы.

21 мая 1929 года СНК СССР принял специальное постановление «О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться Кодекс законов о труде». В этом документе указано, что к кулацким относятся все крестьянские хозяйства, обладающие одним из следующих признаков:

а) Если хозяйство систематически применяет наемный труд для сельхоробот или в кустарных промыслах и предприятиях — за исключением случаев применения наемного труда в пределах, в которых оно, согласно законодательству о выборах в Советы, не влечет за собой избирательных прав;

б) если в хозяйстве имеется мельница, маслобойня, крупорушка, просорушка, волночесалка, терочное заведение, картофельная, плодовая или овощная сушилка или другое промышленное предприятие — при условии применения в этих предприятиях механического двигателя, а также, если в хозяйстве имеется водяная или ветряная мельница с двумя и более поставами;

в) если хозяйство систематически сдает внаем сложные сельхозмашины с механическими двигателями;

г) если хозяйство сдает внаем постоянно или на сезон отдельные оборудованные помещения под жилье или предприятие;

д) если члены хозяйства занимаются торговлей, ростовщичеством, коммерческим посредничеством или имеют другие нетрудовые доходы (в том числе служители культа).

Советам Народных Комиссаров союзных республик и краевым (областным) исполнительным комитетам предоставляется право видоизменять указанные признаки применительно к местным условиям».

Видоизменяли! И не только применительно к местным условиям, но и конкретным обстоятельствам. В ответ на требования усилить классовый нажим некоторые сельские Советы, начиная с 1929 года, отвечали, что кулаков в деревне нет. Действительно, уже весной двадцать девятого кое-где голодали целыми деревнями. Как нет? — возмущались в районах и городах, обвиняя местные власти в политической близорукости. Должны быть! Без омерзительного образа кулака события переломных лет теряли стратегическую направленность и выглядели уголовно-прозаически. Обладающий более тонким классовым чутьем уполномоченный быстро выявлял таковых. Если подозреваемые не вписывались в государственно утвержденные признаки, находились изъяны в родословной. Над растерявшейся на миг деревней вновь вспыхивал спасительный свет классовой борьбы.

«Обстановка работы комиссий, — умилялся один из докладчиков на шадринском окружном совещании по хлебозаготовкам, — настолько серьезна и авторитетна, что идут по деревне пьяные, не доходя до здания, где заседает комиссия, затихают и говорят: «Здесь работает комиссия». Такой метод надо продолжать и дальше»⁷⁴. Какой же метод обеспечил такой отрезвляющий авторитет сельских комиссий? Мои земляки вроде и по трезвому уму не очень расчувствуются в адрес начальства,

«29 марта вызвали на допрос (так в народе называли индивидуальные беседы о хлебозаготовках.— Авт.) в сельский Совет, — жаловался крестьянин из села Мало-Николаевка Шумихинского района Зирюкин Иван, — ждал двое суток. Ночью 2 апреля меня вызвали, допрашивали пять человек: избач, уполномоченный, председатель сельсовета и др. Сказали: «Вези хлеб и бери облигации». Отказался. Тогда вызвали в 11 часов вечера. Шуховцов вытащил револьвер и сказал, что истратим на тебя только одну пулю. Рвал бороду. В два часа ночи пришел избач Стариков и сказал, чтобы шел в избу-читальню, что там будет — сам знаешь. Когда вошли в читальню, я сам сказал: «Что вам нужно, то и берите, оставьте только меня в живых». Тогда Стариков говорит: «Вывези весь хлеб и бери облигаций на 80 рублей». Но я заявил: «Оставьте хоть пудов пятнадцать». Он мне говорит: «Мы оперативная тройка. Если я оставлю, то меня расстреляют вместе с тобой». Я согласился. Написал расписку, чтобы я не говорил, как меня допрашивали». В этой же деревне избач Стариков, угрожая оружием крестьянину Денисову Степану, кричал: «Вот твоя и смерть — не пожалею одной пули!»⁷⁵

Понятно, что такую комиссию комиссия собака — не человек — обезит стороной. Но не будем особенно негодовать на жестокость малониколаевских активистов. Угроза оружием была обычной в практике хлебозаготовительной кампании двадцать девятого. Тут только угрожали. Осенью стали кое-кого и отстреливать. В отчете об уголовно-судебной деятельности нарсудов Курганского округа за 1929 год указывается, что каждый третий осужденный по делам хлебозаготовок шел по 111-й статье УК РСФСР, карающей за халатное отношение к выполнению должностных обязанностей. Большинство из них были членами сельских комиссий. Аналогичная ситуация отмечена и в отчете Челябинского окружного суда. Спаситься от уголовной ответственности можно было только безусловным выполнением плана хлебозаготовок, не оглядываясь на моральные и нравственные принципы.

Шадринская окружная контрольная комиссия ВКП(б) на специальной выездной сессии рассмотрела вопрос о перегибах в работе по хлебозаготовкам в Мартыновском сельском Совете Четкарского района. «При вызове отдельных держателей хлеба, — осторожно констатируется в ее документах, — преимущественно из зажиточных, недостаточно сдавших излишки хлеба, виновные допустили грубейшие меры физического воздействия, как-то: связывание за ноги, таскание связанных по полу, подвешивание за ноги к железной перекладине, сажали в подвал, провоцировали расстрел и т. д., что установлено следственными органами и личными показаниями обвиняемых»⁷⁶. По решению окружной контрольной комиссии ВКП(б) пятеро деревенских активистов исключены из партии.

Откровенная жестокость и цинизм стали нормой в отношениях комиссий с крестьянством. Большинство членов сельских комиссий были профессиональными энтузиастами и хозяйственными заботами себя не утруждали. Еженочные многочасовые проработки зажимщиков хлеба с привлечением «активистов» из молодежи превратились в подлинные пытки для мужиков. «Я день работаю в поле, — возмущался один из крестьян Макушинского района (в сводке ОГПУ, откуда я беру эту информацию, на него есть все данные), — а ночью еще с вами сидеть. Ходите, отбираете хлеб, а мужиков оставляете на голодную смерть...» «Хлебозаготовки проводятся с грубым нажимом на мужика, — говорил житель Куртамышы Медведев, — а потом опять начнут писать извинительные письма, как в прошлом году писал Рыков, который своими письмами оправдывал власть и партию и обвинял отдельные личности...» Про Рыкова то он зря. Тот еще был в авторитете. В порядке реагирования РУПУ (райуправление ОГПУ) дано задание «проработать» Медведева. Что под «проработкой» понималось, никто не знает. Архивы ОГПУ остаются закрытыми. По сигналам этих сотрудников в окружном в зауральской деревне запели крестьянский интернационал: «Владеть землей имеешь право, а урожаям — никогда!»

Письма с жалобами и возмущением на произвол властей при хлебозаготовках двадцать девятого шли потоком во все инстанции. С болью читаешь эти безграмотные и полные отчаяния послания. Холодные и расчетливые души погасили крестьянский стон. Писали Сталину и Калинин, что, естественно, перехватывалось и направлялось в надежные органы; писали в центральные газеты, где руководствовались только указаниями Молотова. Да и то сказать, не Твардовские же сидели в редакторах. Писали в партийные органы, откуда строго секретными каналами и исходила инициатива жестокости. В последних с колючей вежливостью, характерной для закоренелых аппаратчиков, манерно возмущались, но по сути оставались на стороне заготовителей.

«Все говорят в открытую, — писал Калинин крестьянин Черноборского сельсовета Челябинского округа Харин Степан, — что нас хотят заморить, и поэтому в скором времени в каждом селении будет восстание, грабежи... Теперь я прошу, товарищ Калинин, дать ответ — почему это такое происходит... Оказывается, так по-нашему, что все наши вожди, все наши руководители далеко отклонились от того, к чему стремились и хотели в жизнь провести»⁷⁷. В архивных документах по хлебозаготовкам я нашел возмущенное письмо строителей железной дороги Урал—Курган в газету «Красный Курган». Привожу его текст полностью с небольшими стилистическими доработками.

«Товарищ редактор! Почему у нас изменилось понятие о кулаке, почему наш бедняк стал считаться кулаком? Почему в селах творятся безобразия, неслыханные в истории человечества, ведь не было еще такой эпохи, где бы так издевались над крестьянством... Мужики кончают самоубийством, сходят с ума, их разбивает паралич. Собрания собираются к ночи, и вот тут-то и происходят издевательства над мужиками, их заставляют держать лампы, тычут под бок, теребят за бороды, тычут железными прутьями, плюют в глаза, толкают из стороны в сторону, не дают пить и есть, заставляют стоять на ногах. Что еще придумает уполномоченный Исаков и введен-

ские партийцы Крюков и Панченко? Каждый вечер они науськивают комсомольцев и каждый вечер истязают крестьян, вероятно, скоро будут применять те пытки, которые были при Иване Грозном и Бироне. Удивительно, как это не дерут мужиков розгами, как это было при Колчаке. Деревня стонет, дети и женщины плачут. А прокуратура глуха ко всем стонам и воплям.., она, видимо, потворствует этим палачам Панченко и Крюковым, подрывающим Советскую власть. Мы, рабочие, не потерпим издевательства над мужиками; мы сами такие же мужики, только вынуждены были бросить свои избы и пойти на работы, чтобы не подохли с голоду наши дети.

Нас в центральных губерниях разорили, теперь добрались до сибирских крестьян, отобрали все. Мы теперь лишены возможности послать лишний фунт сухарей нашим детям. Вот тебе и строим социализму, должно быть, построим — сдохнем все. Говорят, надо повышать урожайность, а пары не паханы. Мужиков загонют в сельсовет и держат здесь всю ночь, а хлеб горит и ест его червяк. Панченко и Крюков машут кулаками перед мордами мужиков и научают комсомол щипать мужиков и тыкать их под бока. Вот так насаждают культуру среди масс. Увидели бы иностранные державы, как наши комсомольцы таскают за бороды крестьян, не считаясь, кулак он или бедняк; как же теперь крестьяне смотрят на партию и комсомол — это палачи, которые, не стыдясь, тычут проволочными прутьями мужиков, вызывают их ночью на собрание вместе с детьми и заставляют детей терзать за бороды своих отцов. И это творится при Советской власти. Ведь кто поверит этому? А между тем вопиющие факты требуют немедленного расследования. Мы, рабочие, не ручаемся за себя, мы пошлем в Центр, мы добьемся, чтобы крестьян — наших братьев — считали за людей, а не за скотину.

Ведь теперь ни один крестьянин не постоит за Советскую власть, каждый ее проклинает. Да кто же будет стоять за нее, когда мужика заставили дать обязательство, наложив на него 30 и более центнеров. И ведет мужик последнюю лошадь на рынок, отдает ее за полцены, бегаёт, ищет хлеба, а его на

рынке нет. Приедет домой, в сельсовет показываться нельзя — в бока натычут. И что же делать? С потолка хлеб не сыплется. Бежит бедный мужик и толкает голову в петлю... Вот так дожили. Это страшно. Это стыдно за Россию! Рабочие Шалаев Иван и Копкин Яков. Новостроящаяся дорога»⁷⁸.

Мне кажется, что в этом письме боли, ответственности за российскую историю и гражданской совести больше, чем во всех партийных и политических декларациях эпохи сталинизма.

Не выполняющим индивидуальные обязательства по хлебозаготовкам сельские комиссии объявляли бойкот. Общественный и экономический бойкот — достойное детище тех лет. В официальной трапезниковской редакции нашей аграрной истории бойкот выдается как стихийный взрыв негодования и всеобщего классового презрения к кулаку. В этой истории правды меньше, чем социализма в развитом социализме. В действительности бойкот был целенаправленной и принудительно организованной травлей крестьянства. Травлей, в которой отбрасывались элементарные правовые, моральные и нравственные нормы. Действовал один, роднящий нас с фашизмом принцип — цель оправдывает средства. В мужике добивали последние порывы думать и работать самостоятельно. Добивали в нем личность, готовя к бессловесной покорности государственного раба.

«Опубликовать его фамилию в окружной газете, запретить отпускать ему товары, запретить с ним всякие разговоры с населением, гнать его изо всех публичных и общественных мест», — так наставлял своих подчиненных уполномоченный Курганского окружкома ВКП(б) Булыгин поступать с зажимщиком хлеба. В его маленькой сатрапии — Белозерском районе — с мужиками не церемонились. Сан председателя окружного суда позволял делать все, не боясь ответственности. В деле глумления над крестьянством власти повсеместно проявляли недюжинную изобретательность и сноровку. Начинали, как правило, с запрета общения с бойкотируемыми. Буквально всем жителям села запрещалось под страхом наказания разговаривать с отверженными. Сразу отметим,

что многие формы бойкота распространялись на всех членов семьи. В случае обнаружения нарушений наказывались обе стороны. Деревня униженно замолчала. Соседи перешли на конспиративный шепот.

Это был, так сказать, общий фон, на котором выписывались пикантные частности. Комсомолия, доводя обструкцию до совершенства, забивала окна и ворота в домах бойкотируемых, затыкала дымоходы, портила колодцы. Травили односельчан, как крыс. Ежегодно устраивались шумные демонстрации. Подростковая дурь стала политической модой. Бойкотируемые были беззащитны перед поощряемым властями подростковым хулиганством. Любой ответ на репрессии и произвол тенденциозно квалифицировался как кулацкий террор и заносился в большую историю. Благодаря классике соцреализма в широких ее проявлениях — в кино, литературе, живописи, — комсомолец тридцатых годов предстает в нашем воображении восторженным иноком революции, по-детски чистым и до слез жалости беззащитным перед слепой кулацкой жестокостью. В театре политических теней, выдаваемом за нашу историю, фальшивы не только декорации, фальшивы его герои и сюжеты.

Сейчас кое у кого вспыхнула аллергия на «чернуху» исторической правды. Зарябило в глазах от миллионов замордованных душ. Замордованных физически и морально, в зависимости от исторических этапов отечественного социализма. В партийно-интеллигентской среде за хороший тон приняты исторические этюды в розовых тонах полуправды. С канонизированным акцентом на решающую роль партии в перестройке. Время рассудит. Я же стою на том, что из пережитого непреходящей останется только печальная память о колоссальной народной жертве. Обвиняющей отнюдь не цивилизованную идею социализма.

Закончу мысль о молодежи. Не идея руководила поступками молодых в тридцатых. Политические бандиты толкали в спину малолетнего хулигана, как это давно принято в уголовном мире, «нарываться» на жертву. Чтобы потом, при малейшей ответной ре-

акции, расправиться с нею в лицемерно-благородном заступничестве.

Детей бойкотируемых исключали из школы. Если запрещали это делать открыто, в школе создавали невыносимую для них психологическую обстановку. «Классовый враг в школе!» — шумела печать от стеной до центральной. Затравленные дети порой публично отказывались от классово ущербных родителей.

Бойкотируемым, как политически чумным, запрещалось появляться в общественных местах. Воспрещались всяческие деловые контакты с односельчанами. В ряде мест запрещался выезд из села и даже прием родственников. В отчетах с мест попытки бойкотируемых отметить престольный праздник или справить религиозный обряд квалифицировались как политическая провокация. Короче, объем гражданских прав варьировался, судя по обстоятельствам и злобности местных властей. Хозяйствам бойкотируемых было отказано повсеместно в медицинской и ветеринарной помощи. Окружные газеты печатали по представлению сельских комиссий и уполномоченных фамилии злостных зажимщиков хлеба, иллюстрируя сообщения карикатурами. Маразм крепчал. В сводке хлебозаготовительной кампании по Уральской области (февраль—март 1929 года) отмечено, что методы общественного бойкота «признаются как лучшие, дающие наиболее существенные результаты... Имеется ряд примеров, когда при правильном применении бойкот действует на выброску хлеба не хуже статьи 107-й... Бойкотируемые, — дается образец правильного применения, — в отдельных случаях лишаются рассудка, например, в Варгашах (Курганский округ) при объявлении бойкота одному кулаку он онемел и через сутки пришел в себя, взялся за сортировку и вывоз хлеба»⁷⁹. «Мы тебя так будем бойкотировать, — любили говорить наши сельские активисты, — что скоро могилой запахнет».

Еще более «существенные» результаты принес экономический бойкот. Отбирали покосы, отказывали в приеме скота в общественное стадо. Начали переселять бойкотируемых на худшие земли. Эта прак-

тика нашла широкое применение по всей Уральской области. Челябинский, Тюменский да и другие окружкомы ВКП(б) в «нарушение» Декрета о земле рекомендовали даже отбирать землю у бойкотируемых. Их погнали из кооперации и земельного общества, лишили кредита. Еще в ноябре 1928 года Курганское отделение Селькредитсоюза приняло решение не допускать кредитования кулацких и зажиточных хозяйств. В феврале 1929 года введена уголовная ответственность за кредитование указанных хозяйств. А в мае того же года было решено досрочно взыскать все ссуды. По данным проверки кредитного дела, в округе были отданы под суд правления Половинского, Звериноголовского, Макушинского — всего двадцать правлений окружной системы Селькредитсоюза. Мало кто избежал суда. Обвинение, обычное для того времени, — халатное отношение к делу и примиренчество к классовому врагу. Кампания судебных расправ над системой кредитсоюза прокатилась по Уралу. Политики судили экономистов за то, что те давали кредит хозяйствам, способным его вернуть. Потом, много десятилетий спустя, мы научимся давать кредит насовсем.

Летом 1929 года бойкотируемые хозяйства были лишены государственного страхования и всяких форм технического и агрономического обслуживания. В это же время было отказано в праве пользования лесами. В целях ограничения воспроизводства в указанных хозяйствах запрещалось индивидуальное строительство и приобретение сельхозмашин. Более того, начался массовый принудительный выкуп у кулацких и зажиточных хозяйств сельхозмашин и оборудования по переработке сельскохозяйственного сырья.

Репрессированным хозяйствам, — сожалели партийные документы, — иногда удается обойти меры экономического и общественного бойкота. Система родственных и личных отношений деревни часто обращена на тайную помощь бойкотируемым. В некоторых селах подозревалась круговая порука населения, которое явно спланивалось против всех мероприятий властей и их местных представителей. Есте-

ственно, что происходящее было поставлено в вину кулачеству. Для пресечения организованного сопротивления наиболее дружные населенные пункты переводились в режим общего бойкота. В Курганском округе, например, облпотребсоюзом бойкотировались Давыдовское, Памятинское, Сорновское и другие потребобщества. Сажали на голодный товарный паек целые села и в других округах области.

Общественно принудительные меры воздействия создавали благоприятный психологический климат для прямого произвола, который оставался самым действенным средством хлебозаготовок. Комиссии вновь пошли по дворам, теперь уже никого не пропуская. Это называлось самопроверкой. И чувствовали себя более решительно. На руках были индивидуальные, вымолоченные из мужиков обязательства, за спиной мощная поддержка партийного руководства и судебно-репрессивных органов. «...Добиться от середняцкой части населения, — настаивал Уралобком ВКП(б) в обращении к сельским партийкам, — выполнения своих обязательств по мобилизации заданий комиссии по хлебозаготовкам. Привлечь к содействию и активному участию в хлебозаготовках коллективные хозяйства... Усилить нажим на злостных недатчиков хлеба — кулаков»⁸⁰. Обострение классово-борьбы, поддавал в хвост Наркомюст, вызывает необходимость усиления репрессий. «Войти в соглашение с местными органами ОГПУ на предмет максимально быстрого проведения следствия по этим (хлебозаготовительным. — А в т.) делам, разделив по возможности труд расследования в зависимости от состояния следственного аппарата... Необходимо усилить судебные репрессии со стороны органов пролетарской власти»⁸¹.

К чему призывали сотрудников ОГПУ, можно только догадываться. На гранитных фронтах учреждений, наследующих ОГПУ, и во времена гласности можно высечь по-хрущевски решительный девиз: «Нынешнее поколение советских людей не узнает, что творилось в этих органах».

«...Осуждено 29 человек, конфисковано 13 909 пудов хлеба, — цитирую один из подробных реестров

награбленного, — конфисковано 125 кг шерсти, 2 амбара, 1 баня, 1 лошадь, 2 коровы, 4 овцы, 3 теленка, 1 дом, 4 амбара, 3 лошади, 3 быка, кирпичи, 2 ходка, кладовая, кошева, 467 метров мануфактуры». Пожаром пронеслась по селам эпидемия конфискации. Мужика обирали под корень. Брали все, что хоть в какой-то мере удовлетворяло ненасытный государственный интерес. На завтра эти амбары, бани и кирпичи продавали за бесценок, чтобы записать в отчет несколько жалких рублей. Для выполнения обязательств по хлебозаготовкам крестьян принуждали продавать последнюю корову, чтобы купить на рынке хлеб для сдачи государству. Принудительно продавались даже посевы, крестьянские семьи обрекались на голодную смерть. А голод был уже не за горами. В некоторых районах возникла проблема обратного ввоза зерна для продовольственного снабжения обчищенной с осени бедноты и обеспечения посевной. Партийные органы настаивали, что в первую очередь нужно выполнить план, а потом уж заняться снабжением бедноты.

В каждом дворе заготовителей встречали не хлебом-солью. Никто не протоколировал драмы, разыгрывающиеся на мужицком подворье. Но что они были — свидетельствует резко возросшая масса судебных разбирательств. Озлобленные хозяева оскорбляли активистов иной раз словом, а иногда и оказывали прямое сопротивление. Революционная законность квалифицировала первое по статье 58-й УК, пункт 10-й, второе — по статье 61-й УК РСФСР. Политическая пятьдесят восьмая, пункт десятый, карающая за контрреволюционную агитацию, гарантировала срок заключения не ниже шести месяцев. Не умиляйтесь! Еще раз напомним, эта статья уникальна в мировой юридической практике. Она не имеет верхнего предела наказания. «Зло не имеет предела», — говорили древние. По этой статье проходили самые надежные клиенты ГУЛАГа. Прозаическая шестьдесят первая сулила за сопротивление властям лишение свободы до двух лет с конфискацией имущества.

Проведем небольшой практикум. В одном крестьянском дворе активиста-комсомольца встретили

такими словами: «Ты еще молод забирать у нас хлеб. Тебе нужно учиться у нас, как вести хозяйство. Вы научились только разрушать. Тебе нужно присматриваться к другим. Ведь умные люди отходят от коммунистов. Смотри — Бухарин, ученый человек, сам ушел от коммунистов, особенно от вашей пятилетки»⁸².

Что полагается не в меру образованному хозяину? Правильно! Пятьдесят восьмая. Другой пример. «Обрабатывали» двор крестьянки Марковой Ф. Лопатинский район Курганского округа). Хозяйка-одиночка, имеющая одну лошадь, девять десятин посева и четырех детей, высказала властям решительное возмущение. Не без мата. Члены комиссии в превентивном порядке изолировали ее в сарай. Вырвавшись оттуда, она ударила палкой по рукам уполномоченного, выгребающего из сусека зерно. Успокоить ее удалось только угрозой оружия. Как бы вы квалифицировали действия гражданки Марковой? Совершенно верно! Два года лишения свободы. Предельный срок по статье 61-й УК. Правда, активистам объявили административные взыскания за угрозу оружием. И поделом! Не могли справиться с бабой без нагана⁸³.

А теперь для разрядки «веселый» факт. В деревне Тюменевой Белозерского района уполномоченный по заготовкам Бухаров (далее изложение по тексту документа) «посадил кулака Бояркина в чужой дом, а сам с пятью человеками пошел к его жене спрашивать, где хлеб. Один из них незаметно залез на полати..., а остальные, поговорив, ушли. Бояркин, пришедши домой, сходил за соседом и оставил его у окна, а сам вошел в дом. Через некоторое время сосед постучал в окно и закричал: «Загорели!» Сидевший на полатах бросился бежать. Бояркин с криком «караул» бросился за ним. Коммунист Ильин догнал Бояркина, повернул за шиворот лицом к себе, наставил револьвер в лоб со словами: «Чего орешь?» Бояркин остолбенел и закричал: «Не буду!» У Бояркина в его отсутствие был найден тайник двадцатого года, но хлеба в нем не было обнаружено». Тут заготовители безнадежно опростоволосились. От

позора спасла решительность коммуниста Ильина. В других местах «подсадных» использовали куда умней. В Батурином районе, например, прибегали к услугам особых «агентов» из бедноты, которые торговались на покупку хлеба по договорной цене, а затем на пунктах развеса принудительно рассчитывались по стабильным закупочным ценам.

С особым азартом трясли духовенство. Оно, если вы помните, по социальному положению было нормативно приравнено к кулачеству. В селе Сычево Варгашинского района имущество попа Иващенко конфисковали, а в его дом въехал председатель сельского Совета. Поп умер. Лопатинского попа Семенова обложили налогом в 500 рублей, а за «клевету» на марксизм добавили еще столь же. В сообщении РУПа констатируется неожиданно печальный факт — гонения на попа укрепляют в народе веру.

Когда брат было нечего, оказывали чисто идеологическое воздействие. В Давыдовке (Курганский округ), где и сейчас стоит занятая под склад одна из красивейших церквей Зауралья, председатель сельсовета предложил попу проповедовать, что бога нет. В противном случае попу угрожало выселение. Тот остался верен богу. Председатель сельсовета в деревне Озерны Звериноголовского района сказал местному попу: «Ходить с крестом по деревне мы тебе не дадим, потому что вы только распространяете сифилис». Присутствовавший при этом избач заявил: «Мы тебя упекем, ты контрреволюционер и разводишь здесь контрреволюцию... Нам диктуют из Москвы, что церковь контрреволюционная организация и с ней надо бороться». Председатель сельсовета, оборвав возражения, наложил на церковь разовый налог в 40 рублей и потребовал его погасить в два часа. Затем под угрозой оружия обя-зали попа принести ризу, подрясник и крест для антирелигиозного спектакля.

Огненные сполохи антирелигиозного шабаша метались над всей страной. Самые воинствующие атеисты срывали колокола и взрывали церкви, планируя на этих развалинах воздвигнуть ошеломляющие символы новой веры. Боязливые сельские атеисты, в

чьих душах еще не выветрился религиозный дурман, пытались привлечь к делу хлебозаготовок силы небесные. В селе Травянном Челябинского округа уполномоченный райисполкома и председатель сельсовета вызвали к себе попа и приказали ему в церкви с амвона призывать крестьян к сдаче имеющегося у них хлеба государству. При этом выработали ему особый конспект для руководства.

Массовые конфискации, аресты, судебные преследования крестьян летом 1929 года свидетельствовали, что заготовки вернулись к практике продрозверстки. Экономические отношения нэпа были уничтожены окончательно. Крестьянин только формально считался самостоятельным товаропроизводителем. Фактически на всех стадиях производства и обращения продукта господствовал государственный произвол. Но теперь принудительные меры не были обусловлены чрезвычайной военной обстановкой. Они вытекали из долговременной экономической концепции социалистического строительства. Концепции, отвергающей объективность самих экономических законов. На деревню возложили финансовое обеспечение большого скачка. Она нищала в обратной пропорции к высоким темпам промышленной гонки. И отчаянно сопротивлялась.

Весь 1929 год зауральская деревня находилась практически в состоянии скрытой войны с государством. На каждый акт сопротивления власти находили более хитрый и жесткий ход. Из некоторых районов и округов замордованное население стало потихоньку сниматься и уезжать поглубже в Сибирь, Киркрай, в тайгу. Реальнее становилась угроза организованного сопротивления деревни. В письме Челябинского окружкома ВКП(б) всем райкомам партии от 7 августа 1929 года констатируются повсеместно массовые перегибы в ходе хлебозаготовок. Документ, конечно, полон лицемерия, ибо первопричиной перегибов явилась политическая стратегия, а не голая инициатива мест. В письме осуждается массовое применение статьи 61-й УК за сопротивление хлебозаготовкам, распродажа конфискованного имущества по бросовым ценам, большое количество

штрафов, которые налагались одновременно и в судебном, и в административном порядке, продажа посевов в уплату долгов, многочисленные аресты и факты откровенной жестокости. Характерный пример: при проверке деятельности народного суда Мишкинского района, входившего тогда в Челябинский округ, установлено, что за период с 1 января по 1 октября 1929 года среднемесячно проходило 119 дел по статье 107-й УК. Более тысячи осужденных лишь по одной статье! «Нарсудья и секретарь, — излагается комиссией по проверке, — как правило, последние два месяца работали непрерывно без дней отдыха с 8—9 часов утра до 2—3 часов ночи. Во время заседаний нарсуда чувствовалась усталость нарсудьи до того, что при ведении следствия у него, так сказать, язык заплетался, а граждане в ожидании разбора дела в зале суда спали... И все же остаток дел на 1 января 1930 года в Мишкинском нарсуде — 215, т. е. полуторамесячная норма»⁸⁴.

Бедные инквизиторы сталинизма! Сотрудники ОГПУ валились с ног в бесконечной погоне за классовой нечистью, уполномоченные рисковали получить по загривку, шарясь по незнакомым амбарам, судьи теряли ощущение времени, разменивая столетия на сроки заключения. Последним еще надо было соблюдать резолюцию второго совещания областных и краевых председателей судов, прокуроров и наркомюстов автономных республик (июнь 1929 года), которая сформулировала основополагающий принцип советского правосудия — «минимум формы, максимум классового существа». С классовым существом мы уже раньше разобрались.

Минимум формы. В товарищеском письме председателя Верховного суда председателям окружных судов отмечалось, что в Шадринском и Курганском округах дела по статье 58-й УК проводятся без вызова свидетелей, без сверки показаний, следствие стало пустой формальностью. В материалах областного суда указаны факты приведения в исполнение приговоров к высшей мере наказания без утверждения ВЦИК, а только на основе приказа председателя окружного суда. Пренебрежение процессуаль-

ной формой открывало дорогу произволу судов и сельских комиссий, направляющих дела на судебное расследование. Когда шадринский прокурор Архиповский на одном из окружных совещаний призвал к соблюдению законности на хлебозаготовках, он натолкнулся на стену открытой ненависти со стороны уполномоченных. «Прокуратура считает наши групповые собрания арестами, — говорил один из заготовителей. — Нет ничего удивительного, что мы над кулаком обсуждаем по 5—6 часов этот вопрос... Превращать революционную законность в защиту кулака это есть преступление». Другие считали политически неверным превращение прокуратуры в пугало для активистов. Надо отметить еще одну тенденцию в судебно-репрессивных методах двадцать девятого. Произошла заметная политизация репрессий. Значительно больше дел проходило по 58-й статье УК. В Курганском округе только за два месяца по этой статье было осуждено более сорока человек. В последующем этот процесс усилился.

К осени 1929 года обстановка еще более обострилась. Государство пошло на крайние меры финансового и репрессивного характера. 10 июня Курганский окрисполком продублировал для всех райисполкомов и участковых прокуроров секретную директиву Наркомторга и прокурора республики о мероприятиях по выполнению плана хлебозаготовок. «Сельские сходы, — разъясняется в документе, — распределяют на общем собрании количество хлеба по отдельным мощным (кулацким) хозяйствам. Сходы же выделяют из своей среды особые комиссии, на обязанности которых лежит выполнение плана заготовок. Эти комиссии обладают правом наложения административных взысканий на лиц, не сдающих хлеб в указанный сходом срок, в размере до 10 рублей штрафа, а также и предавать упорствующих суду... При наличии отказа комиссия передает дело в суд для привлечения виновного по статье 61-й УК. Отказом считать как прямой отказ, так и факт повторной несдачи хлеба в назначенный срок... Суды должны практиковать в качестве меры репрессии наложение двойного размера количества хлеба с по-

следующей продажей имущества в случае износа... Приговор приводится в исполнение без всякого промедления... Члены комиссии в случае халатного отношения и бездействия подлежат ответственности по статье 111-й УК как должностные лица... Местные органы власти и уполномоченные должны всем мероприятиям по выполнению плана хлебозаготовок придать широко обостренный характер»⁸⁵.

28 июня ВЦИР и СНК РСФСР приняли постановление «О расширении прав местных Советов в отношении содействия выполнению общегосударственных заданий и планов», в соответствии с которым «в целях обуздания кулацко-спекулятивных элементов» сельсоветам предоставлялось право налагать штраф «в пределах до пятикратного размера стоимости подлежащего сдаче хлеба, с применением в случае необходимости продажи с торгов имущества соответствующих лиц». Вслед за указанным документом поступает телефонограмма Уралобкома ВКП(б) и облисполкома: «Помимо общественного воздействия и привлечения к судебной ответственности на основе данных директив по судебной линии, допустить в административном порядке штраф в пятикратном размере от стоимости подлежащего сдаче хлеба с немедленным его взысканием»⁸⁶.

«Пятикратка» сразу же получила широкое применение. По существу, она была ультимативным средством. Наложение пятикратного штрафа означало смертный приговор единоличному хозяйству. Под него в основном попали середняцкие хозяйства. Потом, правда, многие партийные документы называли его перегибом. Но в нашей истории запоздавшие раскаяния всегда оставались только моральными сентенциями и не претендовали на восстановление материальной справедливости. Чаше последнее было невозможно — судьба миллионов пострадавших была решена трагически однозначно. В других случаях, например, рассереднячивание, справедливость была невыгодна государству. А государственный интерес (отвыкнем ли!) в Стране Советов всегда выше морали.

В качестве иллюстрации к описываемым событиям приведу пару актов конфискации имущества крестьянских хозяйств, попавших в мельницу «пятикратки». Итак:

«Торговый лист

на продажу имущества гражданина деревни
Худяково Савельева Кузьмы для уплаты
наложенного по пятикратному размеру штрафа
за несдачу хлебных излишков

Проданные с торгов предметы	Цена (руб.)	Покупатель
Дом крестовый с сенами и кладовой	200	Коммуна им. Ленина
Ветряная мельница	120	Худяковский ККОВ
Амбар под тесом	110	Емельянова Устинья
Амбар для муки	16	Маслоартель
Сноповязка в 2 части	20	Коммуна им. Ленина
Сенокосилка старая	20	Худяковский ККОВ
Конные грабли	13	Худяковский ККОВ
Фургон	110 Ефим
Деревянный хлев	10	Афанасьев Семен
Каменная кладовая	70	Коммуна им. Ленина
Буккер 4 лет	30	Демидов Емельян
Кошева	15—25	Васильев Петр
Тулуп красный	15	Степанов Федор
Полушубок красный	8	Прокопьев Григорий
Телка черная, 1 год	17—25	Астафьев Алексей
Телка рябо-белая	36	Хамченко Александр
Корова красная	61	Коммуна «Новый быт»
Бык красный	18—50	Васильев Петр
Бык малый	17	Астафьев Алексей
Пороз бурый	20	Васильев Федор
Проездной хомут	12	Прохоров Федор
Овец 2 шт.	12	Киргиз Махомича
Овец 2 шт.	12	Башкир Десенев
Баран и овца	15	Башкир Десенев
Комоды	9	С.-х. артель «Рассвет»
Часы стеновые	21—25	Савельев Иван
Круглый стол	9	Евдокимов Михаил» ^{87.}

Торги состоялись 4 июля 1929 года. Хозяйство Савельева Кузьмы перестало существовать. Оно разделило судьбу тысяч других крестьянских дворов. В недавно рассекреченных документах райисполкомов и сельсоветов от актов конфискаций рябит в глазах. Одни с педантичностью Варфоломеича фиксируют и покупателя, другие ограничиваются реестром отнятого и подсчетом легко добытой наличности.

«Постановление Марковского общего собрания граждан и постановление президиума Марковского сельсовета от 6 июля 1929 года.

Произвести взыскание штрафа в сумме 630 рублей с отражением на имущество через отчуждение и продажу с торгов нижеследующего имущества, принадлежащего Носкову Петру Ивановичу (за несдачу излишков хлеба в количестве 18 центнеров).

Амбар один	75 руб.
Машина-жатка	130 руб.
Молотилка	70 руб.
Веялка	40 руб.
Ходок	30 руб.
Комод	7 руб.
Подушки 4 шт.	8 руб.
Пальто сук. на меху	50 руб.
Тулуп овчинный	10 руб.
Гармошка двухрядка	25 руб.
Лошадь рабочая	65 руб.
Лошадь нерабочая	65 руб.
Корова дойная	40 руб.
Корова молодая	15 руб.

Продажу вышеуказанного имущества с торгов поручить председателю Марковского сельсовета с исчислением из вырученной суммы 25% в фонд кооперирования бедноты и 75% для перевода Госбанку наличными деньгами»⁸⁸.

Крестьянская недвижимость надежно осела в коммунах им. Ленина, им. Сталина, им. Калинина... Расторопная деревенская общественность примени-

вала свежеконтфискованные полушубки и суконные пальто на меху. Настенные часы били время новых хозяев. А пострадавшие, упрямо веря в чудеса, заваливали все инстанции слезными жалобами на местный произвол.

Прочтем одну из них, написанную жителем села Вехти Костылевского сельсовета Скутиным Иваном Николаевичем и направленную в адрес председателя Уральского облизполкома. «Согласно протоколам общего собрания граждан деревни Вехти и заседанию Костылевского сельсовета, состоявшегося 7 июля 1929 года,—пишет автор,—на меня была наложена контрольная цифра по выполнению плана хлебозаготовок в размере 150 пудов, а так как я хлеба в наличности не имел, то было постановлено оштрафовать меня в пятикратном размере как злостного держателя хлеба, после чего была произведена опись, а затем и продажа всего моего движимого и недвижимого имущества на сумму 1054 руб. 03 коп.

Таким образом, при девяти едоках я остался в одной избе, так как были проданы с торгов все надворные постройки, скот, инвентарь, кузнечный инструмент, домашняя утварь и прочее.

Означенные постановления о продаже я нахожу в корне несправедливыми и неправильными и подлежащими отмене по следующим основаниям.

1. Я хлебороб, трудовик-средняк, в сем году веду посев 13 десятин, зажимщиком хлеба меня называть нельзя, ибо хлеба у меня в действительности не было, что прекрасно знает комиссия содействия по хлебозаготовкам. Государству я сдал в текущем году 310 пудов хлеба, спекуляцией хлеба никогда не занимался, наемной рабочей силы никогда не имел и обрабатывал сельское хозяйство исключительно только своим личным трудом, что могут подтвердить все односельчане и соседи.

2. Имею кустарную кузницу, в которой обслуживал бедняцкое и середняцкое население, хотя в очень малых размерах, за очень низкую плату.

3. При мне находится сын, окончивший действительную воинскую службу в Красной Армии.

Справедливо ли поступлено со мною со стороны уполномоченного по хлебозаготовкам, под натиском и давлением которого было абсолютно разорено все мое хозяйство, а также продано все имущество? Оставить в одной избе с девятью едоками и не имея хлеба. Могу ли я развивать в будущем свое хозяйство? Ясно, нет. А директивы рабоче-крестьянского правительства и центральных органов диктуют только за сдачу излишнего хлеба. Однако здесь — в деревне, в глуши — эти директивы нарушаются и извращается политическая линия, делаются перегибы.

Я всегда шел и всегда иду навстречу всем мероприятиям, проводимым партией и Советской властью, выполняя все налоги в срок и полностью, а потому нахожу, что со мной поступили незаконно...»⁸⁹

Далее земляк приводит в оправдание собственные расчеты и взывает к революционной справедливости. И она «восторжествовала». Из облисполкома жалобу направили в округ, где она пролежала два месяца. Оттуда ее переслали в Куртамышский райисполком, тот — в Костылевский сельсовет, по решению которого Скутина Ивана и обобрали. Оставаясь верным себе, сельсовет дал лаконичный и содержательный ответ в виде справки, которую привожу дословно.

«Справка сия дана на гражданина села Вехти Куртамышского района Скутина Ивана Николаевича в том, что его хозяйство является кулацким и был обложен индивидуально «пятикраткой». Семейное положение — 9 человек. Имущество: дом, рабочих лошадей — 1, коров — 1. Остальное имущество продано. До революции занимался торговлей, после революции тоже. В настоящее время сослан в Сибирь, что и удостоверяется»⁹⁰.

Я не мог найти сводных отчетов о масштабах применения «пятикратки». В документах встречаются лишь эпизодические картины поборов. Подозреваю, что их не было вовсе. Уже в 1929 году в самые отчаянные революционные головы приходило понимание катастрофических последствий хлебозаготовок и личной ответственности перед народом. Это

понимание связывало руководство строгой секретностью отношений. Любые сведения общего характера, дающие подлинную картину творимого, были нежелательны к разглашению. Сколь-нибудь достоверной информацией располагало теперь только партийное руководство. Отчеты о состоянии народного хозяйства, округа, например, и особенно аграрного сектора, шли с грифом «только для членов окружкома и членов президиума окрисполкома». На областном уровне секретность, естественно, был на порядок выше. А общественность поили статистическим опиумом, навевающим радужные иллюзии о наших преимуществах перед всеми и во всем.

В Шадринском округе за второе полугодие 1929 года крестьянство было оштрафовано по делам хлебозаготовок на 130 тыс. рублей. В Ишимском округе за июль—сентябрь 1929 года подвергнуто штрафу 385 хозяйств на сумму 164 тыс. рублей. В Курганском округе ситуация выглядела не лучше. В одном из отчетов окрисполкома констатируется, что кулачество не выдержало напора «советской общественности», распределяет имущество и бежит из деревни.

Читатель, если он уже уловил сущность сталинской аграрной политики, догадывается, что за чрезвычайной мерой финансового ограбления, коей была «пятикратка», последовало усиление прямого государственного террора. Так оно и было. Апофеозом предколхозной жестокости было широкое применение внесудебных репрессий, проводимых по линии ОГПУ. «Правительством поручено НКЮ и ОГПУ, — цитирую строго секретный циркуляр Наркомюста, № 22/сс от 5 октября 1929 года, — усилить меры репрессии вплоть до расстрелов в отношении кулаков и других контрреволюционных элементов, ведущих борьбу против мероприятий Советской власти... В отдельных случаях, когда, действительно, требуется немедленная реакция, репрессию необходимо проводить через органы ОГПУ». По известным читателю причинам я не располагаю трагической статистикой скорых расправ над теми, кто защищал свой двор до конца,

И еще один документ, циркуляр Наркомюста от 12 ноября 1929 года: «...СНК РСФСР вынес постановление, в силу которого осужденные следственными органами РСФСР к лишению свободы на сроки три года и выше подлежат передаче, как в настоящее время, так и впредь, для отбывания сроков лишения свободы в исправительно-трудовые лагеря ОГПУ... В соответствии с этим, ОГПУ обязано произвести расширение существующих уже ИТЛ и организовать новые ИТЛ»⁹¹. Дело ставилось по-сталински основательно и секретно. А вслух запели о социалистическом крестьянском рае ≡ колхозе,

ХРАМ НА КРЕСТЬЯНСКОМ ГОРЕ

С детских лет мы до автоматизма заучили, что коллективизация сельского хозяйства — золотая страница нашей революционной истории. И что эту страницу открыл Пятнадцатый съезд партии. Мы гордились коллективизацией и высокомерно смотрели на остальной мир, безнадежно отставший в деле социального переустройства деревни. Полвека мы были «первыми». Только последние годы хронического продовольственного дефицита заставили нас оглянуться. За нами никто не гнался... Коллективизацию, которую мы предписали истории как железную закономерность аграрного прогресса, многие удачно обошли. А заочно и нас. Современные государственные умы в альтернативной панике. Доживать ли в политическом упрямстве или снова искать единственно правильное решение.

Я не сторонник цитатной игры в подкидного. Но, изучив материалы Пятнадцатого съезда ВКП(б), не нашел в них и намека на ускоренную коллективизацию. Преодоление народнохозяйственных диспропорций, указывается там, не может быть достигнуто путем чрезмерного повышения цен на промышленные товары, искусственного их понижения на сельхозпродукцию, путем усиленного налогообложения крестьянства. Мысль, достойная партийного съезда. О социалистическом преобразовании сельского хозяйства говорилось очень осторожно. «В настоящий период, — цитирую резолюцию съезда, — задача объединения и преобразования мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы должна быть поставлена в качестве задачи партии в деревне. Категорически указывая на то, что этот переход может происходить только при согласии на это со стороны трудящихся крестьян, партия признает неотложным широко развернуть пропаган-

ду необходимости и выгоды для крестьянства постепенного перехода к крупному общественному сельскому хозяйству». Вслед за этим отмечается, что «кооперация является наилучшей формой экономического массового объединения крестьянства, развития его самостоятельности и инициативы, формой его хозяйственного и культурно-политического перевоспитания, вовлечения в русло общесоциалистического строительства». Почти по Чаяннову! Далее указывается на громадный фактор технической революции, который «должен быстрее всего толкать вперед дело подъема сельского хозяйства и постепенного его обобществления путем кооперирования». Обратите внимание — постепенного!

Последующие два года (1928 и 1929) ничего не изменили ни в техническом базисе сельскохозяйственного производства, ни в организационных формах. Они прошли в ожесточенной борьбе с крестьянством, результатом которой стала явная хозяйственная деградация деревни. Хлебный кризис быстро перерос в общепродовольственный. Население городов посадили на карточную систему распределения основных видов продовольствия. Цены рынка за два года подскочили в 6—12 раз. Относительно деревни государство впредь считало себя оправданным, если та не помирала с голоду.

В год «великого перелома», как с легкой фразы Сталина называют двадцать девятый, Уральская область не выполнила планы производства и заготовок сельскохозяйственной продукции по многим показателям. Не спасло и принудительное изъятие у крестьянства хлеба и скота по договорам контрактации. Еще весной зауральские крестьяне говорили, что крепкие хозяйства боятся сеять, середняки сеют только для себя, и бедняки надеются на государство. Принудительная натурализация сельского хозяйства, о которой предупреждал Бухарин, становилась печальным фактом. Городское население Уральской области было переведено на карточную систему снабжения. Цены на муку на Курганском рынке, например, поднялись с октября 1928 года по август 1929 года с 2 до 11—12 рублей за пуд, цены на картош-

ну — с 35 копеек до 2 рублей за пуд. В два с половиной раза подорожали масло и молочные продукты.

Даже в материалах Шестнадцатой партийной конференции, состоявшейся в апреле 1929 года, создание коллективного сельскохозяйственного производства рассматривалось как стратегическая цель и не выносилась в чрезвычайную задачу ближайшего будущего. «Основной прирост сельскохозяйственной продукции в ближайшие годы, — указывается в резолюции конференции, — падет на индивидуальное бедняцкое и середняцкое хозяйство... мелкое хозяйство далеко еще не исчерпало и не скоро исчерпает имеющиеся у него возможности; партия должна во все расширяющемся размере содействовать преодолению технической, культурной и организационной отсталости бедняцкого и середняцкого индивидуального хозяйства, повышению урожайности и расширению посевных площадей этих хозяйств». Уже через полгода партия заговорит по-другому, найдутся другие аргументы и лозунги.

Факт существования колхозов не доказывает их исторической необходимости. Подобно тому, что сталинизм не является неизбежным этапом социалистического строительства. Второй тезис не вызывает возражений. Но вот колхозы... Их наличие настолько органично слилось в нашем сознании с социализмом, что даже решительно отвергая политический диктат над экономикой, мы не ставим под сомнение действительное происхождение колхозов. Хотя в перестроечной какофонии плюрализма слышатся здравые альтернативы — гордиться ли, вопреки удручающей действительности, шестидесятилетним опытом колхозного строительства, или, списав его в музей политических абсурдов, начать с фермерства. «Что же мы тогда будем учить по истории партии? — обоснованно сокрушается мой коллега-обществовед. Как-то на занятиях со слушателями повышения квалификации я, стараясь создать проблемную ситуацию, а заодно и блеснуть знанием входящего в моду Бухарина, спросил: «А если бы мы победили в Америке?». «Где бы мы теперь покупали хлеб?» — озабоченно среаги-

ровал один из слушателей. «У Романовых!» — почти хором выдала аудитория. На семинаре были исключительно руководители хозяйств.

Если условно принять коллективизацию принципиально верным направлением социалистического переустройства села, то в 1929 году не было ни технических, ни экономических условий для создания колхозов. Укрупнение хозяйств не могло дать экономического эффекта, порождаемого кооперацией труда, ибо основной тягловой силой оставался рабочий скот. По этой же причине исключалось резкое расширение посевных площадей. В животноводстве не было материальной базы для общественного технологического процесса. В любом случае объединение единоличных хозяйств не вытекало из экономического базиса деревни.

Возникновение колхозов можно объяснить только политически. В самом деле, хлебозаготовительная кампания 1929/30 года сразу же началась с жестоких репрессий, которые перешагнули судебно-правовые границы, поскольку в них активно включилось ОГПУ. Государство уже не строило, как год назад, иллюзий относительно благополучного исхода кампании. В реальной перспективе было массовое недовольство крестьянства, а возможно, и организованное сопротивление. Тем более, что наиболее крепкие хозяйства с товарным уклоном были уже вырезаны и приходилось распространять поборы на огромную массу мелких хозяйств.

Расширение социальной географии репрессий и их ужесточение гнало страну к гражданской войне. Крестьянин держался за хлеб отчаянно. Некоторую часть деревни в 1928 году удалось вовлечь в кампанию по изъятию хлебных излишков. Не отбросишь и материальный интерес, 25% изъятых хлеба распределялось среди бедноты. Хлебозаготовки 1929/30 года проходили в совершенно иной обстановке. Отбирать надо было последнее и у всех поголовно. Страна вступила в заготовки с еще большим товарно-потребительским дефицитом, который стал хроническим. Под хлеб нечего было продать. В Уральской области обстановка осложнялась тем, что в За-

уралье, основном сельскохозяйственном регионе области, год выдался крайне неурожайным. Разумеется, умолкли разговоры о мудрости экономической политики. Не сезон!

Многие партийные документы 1929 года отмечают массовые антисоветские настроения. Причем не только в деревне. Посаженный на голодный паек рабочий отнюдь не считал крестьянство виновником резкого ухудшения ситуации. Рабочие Златоуста, например, устроили массовую демонстрацию у здания окрисполкома с требованием отоварить талоны на хлеб. Бастовали некоторые предприятия Свердловска, Перми, Кургана, Челябинска.

Чтобы сбить волну недовольства среди рабочего класса, были введены дифференцированные для разных слоев населения продовольственные карточки. Самые высокие пайки давались рабочим государственной промышленности. Ввели закрытые распределители для ударничества. «Добились, что люди голодом живут, большевики дождутся второй революции». Эти слова рабочего Мотовилихи очень точно отражали политическую ситуацию. Показать бы плакальщикам «энтузиазма тридцатых годов» подлинные документы о продовольственном снабжении и условиях жизни строителей первой пятилетки. Злой там был энтузиазм, а не восторженный. Восторженным он стал в писаной истории. В реальной действительности он пугал власти. Чтобы ослабить голодную злость рабочих, обирали «до пупа» крестьянство. Когда хлеба не хватало, отоваривали хлебные талоны крупой, капустой, селедкой и всем, что подвернется под руку.

; Политика ликвидации нэпа подвела страну к критическому положению. Чтобы накормить рабочих, надо было грабить крестьянство. Товарного хлеба явно не хватало. Хлебозаготовки научили сеять только для себя. Нарушилась рыночная сбалансированность спроса и предложения хлеба. И это при стомилионном крестьянстве! Из сложившейся ситуации казенная общественная мысль легко выводит необходимость создания колхозов. И шестьдесят лет призывает восхищаться аграрной политикой партии,

пустившей нас по миру. Да что там наука. «Партия избрала путь коллективизации, — утверждал во времена недавние Брежнев, — не случайно, не наугад. Он был обоснован научно, назрел исторически, его нельзя было игнорировать, обойти стороной». В этой фразе верно лишь одно, что коллективизацию избрала партия. Обратимся к автору всемирно-исторического социального изобретения, название которому «колхоз».

«Рухнули и рассеялись в прах, — писал Сталин в статье «Год великого перелома» (Правда, 1929, 3 ноября), — утверждения правых оппортунистов (группа Бухарина) насчет того, что:

а) крестьяне не пойдут в колхоз;

б) усиленный темп развития колхозов может вызвать лишь массовое недовольство и размычку крестьянства с рабочим классом;

в) «столбовой дорогой» социалистического развития в деревне являются не колхозы, а кооперация;

г) развитие колхозов и наступление на капиталистические элементы деревни может оставить страну без хлеба».

Читатель легко догадается, почему рухнул «либерально-буржуазный хлам» Бухариных, Чайновых и др. Крестьян в колхозы загнали быстро и поголовно. Кто очень сомневался — попал на лесозаготовки или в рыбколхозы под Салехардом. Собственную дорогу к деревенскому социализму мы надежно «застолбили». Просвещенное человечество повесило на ее въезде большой кирпич, чтобы восходящие к прогрессу страны не влетели на нее по ошибке. Последний фрагмент сталинской мысли хочется конкретизировать: «...если развитие колхозов и совхозов пойдет усиленным темпом, то нет оснований сомневаться в том, что наша страна через какие-нибудь три года станет одной из самых хлебных стран, если не самой хлебной страной в мире». Тут Иосиф Виссарионович промахнулся непоправимо. Но не один. «Решена историческая задача перевода мелкого, индивидуального, раздробленного крестьянского хозяйства, — отмечается в документах январского (1933) Пленума ЦК ВКП(б), — на рельсы социалистического круп-

ного земледелия, и СССР ия страны мелкокрестьянской превратился в страну самого крупного земледелия». И как только историческая задача была решена, т. е. в том же тридцать третьем году, в стране начался страшный голод.

Идея наших колхозов родилась не в головах ученых. Им предоставлено только обосновывать содеянное. Отсюда изощренность слов и интеллектуальная дистрофия общественной мысли. Понимая нарастающую сложность хлебозаготовок и реальную угрозу организованного сопротивления деревни, власти пошли в конце 1929 года на создание директивной, т. е. чисто административной системы сельскохозяйственного производства. Административно-хозяйственной единицей системы был избран, как это ни странно, колхоз. Рассмотрим внимательно кое-какие политико-экономические тонкости этого парадокса. Чтобы впредь не воевать за хлеб на каждом крестьянском дворе, властям нужна была такая сельскохозяйственная производственная единица, которая бы полностью подчинялась государственной экономической дисциплине. Рыночные связи нэпа здесь были неприемлемы.

Наиболее подходящей организационной формой выглядел колхоз. Нет, не из экономических условий и эффективности крестьянского труда. С точки зрения государственного ограбления деревни. В самом деле, основанный на коллективной собственности, колхоз создавал видимость полной хозяйственной самостоятельности. С другой стороны, будучи привязанным к государству системой обязательных плановых поставок сельхозпродукции по диктуемым ценам, он попадает в полную зависимость от государственного произвола. Единоличник, став колхозником, превратился по существу в государственного батрака. Бывший хозяин стал абстрактной тягловой единицей общества. Беру на себя смелость заявить, что колхозы, созданные актом принудительной коллективизации, есть искусственная репрессивно-экономическая форма, которая не имеет ничего общего с кооперативным процессом.

Об экономической основе нашего социалистического изобретения. Его творцы дальновидно предусмотрели, что собственность на основное имущество колхоза должна быть чисто общественной, лишенной всяких личных претензий. В самом деле, никто из колхозников не может претендовать на большее, чем товарная оплата труда. Отсутствие акций или простого стоимостного учета личного трудового вклада и пая делает колхозную собственность ничьей. Основу принципа «все вокруг колхозное — все вокруг мое» заложили при раскулачивании. Треть неделимых колхозных фондов составило имущество, награбленное у выселенных. Его подлинных хозяев упокоил господь (при активной помощи партии) на далеком Севере. И впредь обезличили трудовой вклад каждого. Все утонуло в бесхозной общественной собственности. Выработавшемуся и выпавшему из колхоза пенсионеру остаются только теплые воспоминания революционной молодости и оскорбительно маленькая пенсия.

Экономический фундамент колхоза соорудили по образу и подобию партийной собственности. Там тоже партия «как единое целое» распоряжается всем достоянием ее членов. А если коммунист вышел из партии? «Баба с воза — кобыле легче!» — популярно излагает этот экономический аспект местный партийный функционер, метящий на «персоналку». Продажные мандарины от науки в сане докторов и академиков, исходя в схоластике, защищают партийную собственность от посягательств отдельных коммунистов, их платформ и всего народа. Выпускники высших партийных школ, съевшие зуб на Марксе, наотрез отказываются понять, что прибавочный неоплаченный труд рабочих, заключенных, военных строителей, вложенный в помпезные партийные сооружения, есть самая примитивная эксплуатация. Ныне святы не идеалы, а собственность.

Сколько таких вкрадчивых слов и наметок пришлось выслушать мне после предвыборных теледебатов? Мысль — передать часть партийных помещений под детские медицинские учреждения — показалась ошеломляюще крамольной. Беседовали в

кабинетах, подсаживали в персональные машины для разговора тет-а-тет, раскачивали на покаяние телевизионно и газетно. Поняв, что натолкнулись на убеждения, посоветовали выйти, пока не выгнали, из партии. Отказали в публикации материалов данной книги в областной газете. Хотя накануне торопили со сдачей материалов в газету. Можно было бы возмутиться лицемерием, не зная я того, о чем эта книга.

Сталинизм осквернил многие национальные формы общественного устройства, наши первые социалистические начинания. Общеаграрную репрессию, утвердившую в деревне государственно-феодалную систему эксплуатации, лицемерно назвали торжеством ленинского кооперативного плана. Вместо цивилизованной кооперации стране была уготована безнравственная по существу и мучительная агония колхозного социализма. Коллективизация практически убила все предшествующие формы крестьянской кооперации. Многообразные естественные формы обществления сельскохозяйственного труда, которые мы рассмотрели в самом начале книги, были добровольными объединениями хозяев и основаны на взаимосвязи индивидуальных экономических интересов. Именно поэтому они не вписывались в колхозную модель социализма, где абсолютно господствовал государственный, внешний земледельцу интерес. Какой, к примеру, прок государству от коммуны с ее полным обобществлением хозяйственной жизни с уравнительным распределением? Товарного продукта в ней почти не было. Революционного пафоса коммунаров, как показывает исторический опыт, хватало ненадолго. Проев все, коммуна обычно впадала в голод и разваливалась. В 1930 году историю этих сельскохозяйственных объединений закрыли, отнеся их к левацкому уклону.

В сталинской модели социализма не нашлось места и крестьянским объединениям с частичным обобществлением. Имеются в виду ТОЗы, первые артели, машинные и животноводческие товарищества. Их добровольное формирование происходило в условиях товарного хозяйства и предполагало полную эконо-

мическую самостоятельность в выборе объектов обобществления, в производстве и распределении его результатов. Стремление крестьянских кооперативов сохранить свою независимость вызвало самые резкие обвинения со стороны властей в правом уклоне, лжекооператорстве, укреплении буржуазных начал. Позднее их принудительно вывели на «столбовую дорогу» колхозного движения. Власти бесцеремонно вмешивались в деятельность кооперативов, предъявляли претензии к их социальному составу, работе правлений. «Необходимо в колхозах, задерживающих сдачу хлеба, — указывает секретарь Уралобкома ВКП(б) Кабаков в директиве от 28 октября 1929 года, — проверить состав правлений, очистить руководящие органы от элементов, противодействующих выполнению государственных заданий»³². В правления кооперативов настойчиво внедряли так называемых «выдвиженцев», прототипов нынешней услужливой хозяйственной номенклатуры.

Ошибочно полагать, что коллективизация придала массовый размах тому колхозному движению, которое восходит к началу двадцатых. Колхоз до коллективизационного периода есть примитивное, что естественно для производительных сил тех лет, но подлинно социалистическое формообразование. В колхозном уставе 1928 года записано, что «хозяйство артели ведется по организационному плану, составленному на ряд лет, и по ежегодному производственному плану, утвержденному общим собранием». Устав предусматривает распределение результатов общественной деятельности по труду.

Первый колхозный устав принудительно созданных хозяйств, утвержденный правительством в марте 1930 года, формально декларирует прежние демократические принципы. По существу же он утверждает новую — чисто директивную форму внутриколхозных отношений и связей с государством. Устав заметно политизирован. Регламентируется социальный состав колхозов. Исключается прием в артели политически неблагонадежных лиц, к коим отнесены кулаки, «лишенцы», те, кто ликвидировал свой скот и инвентарь и т. д. Особое внимание уделено обоб-

ществлению имущества. «Обобществляются: весь рабочий скот, сельскохозяйственный инвентарь, весь товарно-продуктивный скот, все семенные запасы, кормовые средства в размерах, необходимых для содержания обобществленного скота, хозяйственные постройки, необходимые для артельного хозяйства». Здесь же предписывается, что в личном хозяйстве может быть оставлена только одна корова. В прежних колхозах степень обобществления средств производства, а тем более размеры личного хозяйства, решались демократически самими колхозниками.

Такое внимание к обобществлению не случайно. Колхоз готовили работать на государство. Прежде всего устанавливалась подчиненность артели колхозному объединению и работа под его руководством. Понятно, что многие фрагменты устава писаны не со слов крестьянства. Основой внешних связей колхоза были определены договоры о контрактации, включающие «обязательства артели по организации сельскохозяйственного производства, о плановой сдаче всей товарной продукции государству и кооперации, а также обязательства колхозного объединения и других государственных и кооперативных органов по снабжению артели средствами производства и предметами потребления и по организации кредитной помощи и агротехнического обслуживания артели». Колхоз поставили в классическую для него позицию — отдавай все, а получишь то, что дадут.

Гонку ускоренной коллективизации открыла уже упоминавшаяся статья Сталина «Год великого перелома». Ноябрьский Пленум ЦК ВКП(б) 1929 года оформил этот курс директивно. «Колхозное движение, — патетически ввали на Пленуме, — превратилось в широчайшее движение бедняцко-средняцких масс и встало на путь быстрого развития крупных колхозов и сплошной коллективизации целых районов и округов». И еще один фрагмент из резолюции Пленума. «Происшедший в широчайших массах крестьянства перелом в отношении к коллективизации сельского хозяйства в предстоящую весеннюю посевную кампанию должен стать исходным пунктом нового движения вперед в подъеме бедняцко-средняц-

кого хозяйства и в социалистической перестройке деревни».

О каком великом переломе идет речь? Какая нравственно-очистительная революция в душах «широчайших бедняцко-средняцких масс» сменила осенью двадцать девятого угрюмую озлобленность на политический восторг? Читатель уже, наверное, догадался, что «великий перелом», «широчайшее движение крестьянских масс» и прочая идеологическая экзотика есть лишь политические муляжи, яркие плоды партийно-государственной демагогии, маскирующие однозначный сталинский приказ — гнать мужика в колхоз. В планах первой пятилетки были заложены весьма умеренные темпы обобществления сельского хозяйства. Планы скорректировали, было предусмотрено закончить коллективизацию в основных зерновых районах страны в два-три года, а в потребляющих районах — в три-четыре года. Социалистическая перспектива деревни просматривалась с геометрической ясностью. Чем больше колхозов и размер последних, тем выше темпы социалистического преобразования деревни и, следовательно, культурно-политического развития мужика. Дело, таким образом, упиралось в темпы коллективизации. Исходя из выработанной концепции, наметили ускоренные темпы роста сельскохозяйственного производства. На 1930 год запланировали увеличение посевных площадей на 10%, рост урожайности — на 8%, валового сбора зерновых культур — на 16,6%. В животноводстве планировалось расширение стада крупного рогатого скота на 4,5%, лошадей — на 3,5%. Мы еще вернемся к контрольным цифрам тридцатого, чтобы по существу и достоинству оценить мудрость нашей колхозной политики.

Кампания коллективизации сразу приняла суровый политический характер. Лиц, страдающих недугом экономического детерминизма, решительно изолировали от общества. Проведение кампании возложили на местные партийные и государственные органы, «бедняцко-средняцкий актив», поднаторевшие в деревенской демократии и издевательствах над мужиком. Не доверяя на деле «широчайшим крестья-

янским массам», партийные и советские органы установили жестокие контрольные цифры коллективизации. Жалобы с мест на отсутствие материально-технических условий для создания колхозов и открытое сопротивление крестьянства рассматривались как правоуклонистское слюнтяйство и влекли соответствующие оргвыводы.

В сельскохозяйственных округах Уральской области кампания коллективизации развивалась драматично. На октябрь 1929 года уровень коллективизации крестьянства составил всего 6—10%. О состоянии сельскохозяйственной кооперации доколлективизационного периода говорилось в начале книги. По первоначально утвержденным контрольным цифрам планировалось вовлечь в колхозы к весне 1930 года до 30—40% крестьянских хозяйств. В последующие месяцы с ужесточением кампании контрольные ориентиры постоянно изменялись в сторону повышения. Не имея возможности заинтересовать крестьянство экономически, государство в полной мере использовало для принудительного объединения в колхозы самые жестокие методы: судебные преследования, раскулачивание, выселение. После каждого удара государственного кнута крестьянство вздрагивало, как замордованная лошадь, от боли и страха, а некоторые хозяева шли писать заявление... Темпы коллективизации оказались в прямой зависимости от государственной жестокости.

Через три (1) месяца после Пленума, вынесшего решение о массовой коллективизации, в Уральской области загнали в колхозы 74% крестьянских хозяйств. На 25 февраля 1930 года уровень коллективизации составил в Свердловском округе 72%, в Челябинском — 69%, Троицком — 71%, Ишимском — 81%, Ирбитском — 87%, Тюменском — 74%, Пермском — 77%, Курганском — 78%, Сарапульском — 73,5%, Шадринском — 72%, Тагильском — 62%⁹³. Самый трудный этап социалистического строительства, связанный с изменением экономических условий жизни миллионов людей, мы проскочили за зимние месяцы 1929/30 года. Посмотрим теперь, во что

обошлись и что принесли зауральскому крестьянству ошеломляющие темпы социалистической реконструкции сельского хозяйства.

Не хочу повторяться об изощренных методах хлебозаготовок, взимания налогов и штрафов, подписки на заем, все это осталось и в светлые месяцы коллективизации. Хлебозаготовки приняли самые отвратительные формы. Несколько характерных примеров. В Качкарском районе Троицкого округа уполномоченный окружка ВКП(б), член бюро окружка, во время заготовок систематически пьянствовал, обычно в домах обвиняемых по статье 107-й УК, там лучше подавали. Набравшись, стрелял на улице из нагана, пытался изнасиловать свою квартирную хозяйку, пытал и топил в озере по несколько человек⁹⁴. Правда, и в последнем случае архивный документ свидетельствует о незавершенном образе действий. В Щучанском районе Челябинского округа после неудачного подворного обыска уполномоченные отменили Октябрьские праздники, а наиболее строптивых определили в холодный сарай. И еще одна типичная для предколхозной деревни ситуация. В селе Черешково Лебяжьевского района (Курганский округ) все хозяева, у которых, по мнению сельского Совета и комиссии содействия, имелись хлебные излишки, сидели на собрании несколько суток. Причем спать и есть не разрешалось. Некоторые украдкой спали и уходили по одному есть, пока не было уполномоченного. На четвертые сутки стало известно, что запреты не выполняются. Подопытных посадили на поляну перед сельсоветом и установили строгий надзор. Уполномоченный райисполкома Чуев, подогревая страх, обещал: «Завтра из кулака будем кишки мотать до тех пор, пока не издохнет. А тогда на телегу и в яму». Не удивительно, что через полгода Лебяжьевский район стал лидером коллективизации в округе⁹⁵. С такими руководящими кадрами, лишенными моральных предрассудков, деревню можно было затащить хоть в ад при стопроцентном «энтузиазме».

В начале 1990 года объявили новый заем — «Пятилетка в четыре года», позднее заем тракториза-

ции, исключительно для крестьянства, открыли подписку на будущие тракторы. При неременном условии — деньги вперед! Лозунг оставался прежним — ни двора без облигаций. Чтобы мужики-кредиторы не разменивались на мелочь, ввели общепонятный натуральный норматив подписки — два пуда зерна с десятины посева. Конечно же, при «широчайшей поддержке трудящихся масс» провели в жизнь лозунг — сдать облигации на хранение в сберкассы на срок не менее трех лет.

В деревне свирепствовала «пятикратка». Сельские комиссии еле успевали оформлять дела в суд. В плотном потоке судебных дел все чаще стали появляться необычные обвинения по статье 61-й УК РСФСР «За отказ вступать в колхоз», «За бойкотирование коллективизации» или в более грамотной форме — «За оказание сопротивления властям», «За отказ от работ, имеющих общегосударственное значение». С формальной стороны, придерживаясь буквы закона, отказавшегося вступать в колхоз, не в чем обвинить. Но с точки зрения «классового существа», которым руководствовалось советское правосудие, такой человек есть преступник. Осуждение за сопротивление хлебозаготовкам не вызывало каких-либо процессуальных или моральных осложнений. В Курганском округе, например, за второе полугодие двадцать девятого осуждено по делам заготовок и коллективизации около девятистот человек, среди них около трехсот — по статье 61-й УК. При этом было конфисковано имущество и наложено штрафов на сумму более 200 тыс. рублей⁹⁶.

Все активнее в дело социалистического преобразования включались специалисты ОГПУ. За девять месяцев 1929 года, до начала массовой коллективизации, по Уральской области арестовано органами ОГПУ (по делам хлебозаготовок) около тысячи человек. 380 из них пошли по «солидной» 58-й статье УК. Это помимо тех тысяч репрессированных, которые прошли в обычном судебном порядке⁹⁷. В кампании коллективизации роль репрессивных органов, особенно ОГПУ, стала определяющей. В секретных сводках этих учреждений, направляемых в партий-

ные инстанции, особое внимание уделено деревне, проблемам коллективизации. Порой дается не доступная газетам правдивая картина экономического состояния деревни и политических настроений крестьянства. Однако основная масса документов остается до сих пор закрытой.

Политическая чума сталинизма больше всего деформировала наше мировоззрение. Мы приучены к исключительной монополии партии на истину. А в партии первенство заискивающе отдаем ее лидеру. Откройте современную сколь-нибудь серьезную политическую книгу. Все наши теоретические системы покоятся на костылях цитат. Пусть это будут неуклюжие тавтологии, но обязательно из репертуара здравствующих партийно-государственных руководителей.

Мужикам хватило ума сразу схватить действительный смысл коллективизации. В по-военному создаваемых колхозах они не увидели ничего хорошего. Поэтому массового энтузиазма архивные документы Уральской области не зафиксировали. Он прошелся только по страницам газет и журналов, полностью контролируемых партийными органами. «Крестьянская областная газета, — писал в ее редакцию читатель, — совсем потеряла авторитет перед крестьянством. Название этой газеты «Крестьянская», а как только помотришь в нее, в каждом номере высмеивают мужика-крестьянина. Только и звенят в ней о коллективизации и раскулачивании. Лучше бы писали о рассереднячивании...» Понятно, что этот материал не опубликовали. Но «отреагировали». Письмо переправили в ОГПУ. В архивном деле с информационными сводками сего учреждения я его и нашел⁹⁸.

Вопреки официальной идеологической трескотне секретные информационные материалы ОГПУ отмечают резкое, даже опасное обострение политической обстановки в Уральской области осенью 1929 года. Антипартийные настроения отчетливо проявились во время празднования годовщины Октября. Собрания на городских предприятиях прошли вяло и были малочисленны. Лозунги и призывы звучали фальшиво.

Рабочие открыто возмущались. «Зачем нам повышать производительность труда, — говорил на собрании рабочий тюменской электростанции, — когда нам платят гроши, а на базаре все дорого — хлеба не купишь. Многие уже форменным образом голодают». Рабочие уже тогда разобрались, что к чему. «Наши партийные главари, — сказал (по доносу) один из свердловских рабочих, — Каменев, Рыков и Сталин, а также и весь ЦК ВКП(б) боролись и продолжают бороться с оппозицией, но сами они находятся в оппозиции... Оппозиционеры ведут правильную линию, они вскрывают недостатки и в партии, и в общей работе»⁹⁹. Эти выдержки взяты из огромного архивного тома с информацией и докладными записками полномочного представительства ОГПУ по Уральской области. На сотнях страниц приведены многочисленные факты о росте политического и экономического недовольства всех слоев населения в конце 1929 года. Стоило бы издать этот труд до последней буквы, чтобы впредь не обманывать земляков наивными баснями о массовом энтузиазме и трудовом героизме. Обнародование злой правды секретных документов стало бы для общества хоть какой-то компенсацией за кровавую историю репрессий. Или опять нам суждено узнать правду о себе самими последними в мире?

В деревне обстановка была еще круче. «В колхозы вступать — на верную смерть, — заявили крестьяне села Пепелино Куртамышского района, — достижения Советской власти только на бумаге»¹⁰⁰. Решительно против колхозов были настроены многие. «Государство наше, — это уже с другого собрания, — забывает то, что оно раньше говорило. Ленин был против помещиков и крупных хозяйств, которые эксплуатировали крестьянскую спину, а теперь опять наступает старая пора, насильно заставляют вступать в колхоз. Раньше были батраки у помещиков, а теперь мы будем батраками у государства»¹⁰¹. Некоторые излагали крестьянский и государственный резон и даже писали письма партийным руководителям в наивной вере, что те одумаются. «Какая нужда у правительства, — подозрительно

сомневался зауральский крестьянин, — гнать мужика в колхоз. Дать бы лучше возможность объединяться свободно мужикам человек по пять. Снабдили бы машинами, и тогда мужики обрабатывали бы землю лучше, чем колхозы». «В колхоз не пойду, — заявлял другой, — пока не буду убежден в пользе коллективного труда». Пермский крестьянин писал Сталину: «В колхозы крестьяне придут все в лет десять-пятнадцать, а не сразу, когда убедятся на практике в выгодности колхозного ведения, у существующих колхозов дела идут плохо»¹⁰². Мысль очень верная, если исходить из того, что колхозы создавались для пользы крестьянства. На сей счет у Сталина было свое и особое мнение. А письмо осело в областных партийных органах. Писали в ЦК партии, в газеты, рискуя попасть под подозрение в столь смутные времена.

На демократические формы вовлечения крестьян в колхозы рассчитывать было нельзя. В сталинские колхозы можно было загонять только страхом и силой. Правда, партийные документы внешнего потребления никогда не забывали подчеркнуть принцип добровольности колхозного движения. Но делалось это отнюдь не для практического его соблюдения. Тонкий лицемерный ход давал государственно-партийному руководству право обвинять при случае исполнителей в перегибах и нарушениях социалистической демократии.

В секретных партийных директивах идеологического жеманства было значительно меньше. В них преимущественно озадачивали и требовали неукоснительного исполнения, обставляя сие для гарантий угрозами оргвыводов и уловимыми намеками. Благородную редакцию этих документов задерганное местное руководство узнавало позднее. Часто от возмущенных крестьян, тычущих в нос газету. Вполне типична картина тех лет, когда местный партийный активист, выполнив все предписанное, оказывался на опасной политической обочине. Его обвиняли в перегибах и либо демонстративно выгоняли, либо тайно и тихо переводили в другое место.

Общие крестьянские собрания часто выступали

против колхозов. Бедняцкую часть деревни иногда удавалось соблазнить обещаниями всесторонней государственной помощи. Это было двойным обманом. Во-первых, колхозу стратегически была уготована роль нещадно эксплуатируемого коллективного раба. Государственная помощь, если принимать за таковую техническое обеспечение производства, не шла ни в какое сравнение с государственными поборами и всегда способствовала закреплению этой роли. Вначале колхозы обирались МТС. Позднее, когда разрешили приобретать технику в колхозную собственность, они стали жертвой произвола цен, убогости технических решений и производственного исполнения отечественной сельхозтехники. И второе. Крестьянство тянули в колхозы, устав которых предусматривал широкую самостоятельность. Но в то же время готовился, а потом и был введен новый устав кабальной зависимости от государства.

Уполномоченные, сельские комиссии, налоговые и судебные органы, ОГПУ — вся партийно-государственная машина репрессий была подключена к делу коллективизации. Мужика силой погнали в колхоз. К началу 1930 года, т. е. спустя полтора месяца после Пленума ЦК ВКП(б), вынесшего решение о коллективизации, в округах Уральской области было объединено в колхозы от 20 до 30% крестьянских хозяйств. В отличие от хозяйственно выраженных хлебозаготовок коллективизация с самого начала определялась как политическая кампания. И, естественно, приобрела характер самодовлеющей гонки за темпами. Чрезвычайный характер перемен требовал и особых мер воздействия. Сложившаяся машина репрессий была приспособлена трясти мужицкие карманы, так сказать, тактически, не покушаясь на организацию хозяйства. Столкнуть мужика со сложившегося экономического уклада жизни было гораздо труднее.

Зловещим предзнаменованием новых подходов и коллективизации стала речь Сталина «К вопросам аграрной политики в СССР», с которой он выступил 27 декабря 1929 года на конференции марксистов-

аграрников. «Характерная черта работы нашей партии за последний год состоит в том, — говорил Сталин, — что мы, как партия, как Советская власть:

а) развернули наступление по всему фронту против капиталистических элементов деревни;

б) это наступление дало и продолжает давать, как известно, весьма ощутительные положительные результаты,

Что это значит? Это значит, что от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества мы перешли к политике ликвидации кулачества как класса. Это значит, что мы проделали и продолжаем проделывать один из решающих поворотов во всей нашей политике».

Планируя, что в 1930 году колхозы и совхозы увеличат объем товарной продукции по сравнению с 1929 годом в три с лишним раза (1), со 130 млн. пудов до 400 млн. пудов, Сталин пришел к выводу, что «теперь у нас имеется... материальная база для того, чтобы заменить кулацкое производство производством колхозов и совхозов. Именно поэтому наше решительное наступление на кулачество имеет теперь несомненный успех». И далее совсем решительно: «Наступать на кулачество — это значит подготовиться к делу и ударить по кулачеству, но ударить по нему так, чтобы оно не могло больше подняться на ноги. Это и называется у нас, большевиков, настоящим наступлением». Сталинским годам вообще характерно наплевательское отношение к экономическим законам. Из политических амбиций народному хозяйству ставился какой-то абсурдный ориентир. А затем народ гнули в дугу, чтобы его выполнить.

Чтобы партийные органы не ошиблись в стратегическом направлении аграрной политики, Сталин позднее, в статье «К вопросу политики ликвидации кулачества как класса», разъяснял: «...нынешняя политика партии в деревне есть не продолжение старой политики ограничения (и вытеснения) капиталистических элементов деревни, а переход к новой политике ликвидации кулачества как класса».

Приведенные сталинские цитаты есть, так сказать, теоретический первоисточник нового взрыва го-

сударственной дикости. Вслед тиражировались призывы к беспощадному террору. Постановление ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 года констатирует, что у партии есть «полное основание перейти к своей практической работе от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества к политике ликвидации кулачества как класса». Центральный Комитет партии даже в лексике своих решений заискивал перед Сталиным. Передовая статья газеты «Правда» от 11 января 1930 года откровенничала: «Ликвидация кулачества как класса неразрывно связана с проведением сплошной коллективизации... Сплошная коллективизация не может успешно развиваться без наступления на кулака в форме раскулачивания. Раскулачивание в районах сплошной коллективизации является сегодня «составной частью образования и развития колхозов».

Раскулачивание. Эта страшная страница нашей истории вытекала из судорожно упрямой политики насильственной коллективизации. Раскулачивание — санкционированное партией и правительством массовое разграбление наиболее крепких крестьянских хозяйств — не имело никакого экономического смысла. К его началу подавляющая часть кулацких хозяйств была разорена предшествующими кампаниями хлебозаготовок, индивидуальным налогообложением, штрафами. Кулака третировали уже в других целях — как мертвую политическую куклу. Возведенная в степень жестокость — это просматривается в любом партийно-государственном документе — нужна была властям как чрезвычайное средство политического устрашения, причем для всего крестьянства. Пронесшаяся над страной смерчем вакханалия грабежей, насилия и глумления над личностью заставила задуматься каждого крестьянина. Коварный политический расчет оправдался. Обложенный произволом, мужик выбирал из двух зол, по его мнению, меньшее.

Директивы о массовом раскулачивании в округах Уральской области прошли в двадцатых числах января 1930 года. Впереди у нас большой разговор на эту тему. На самом же деле раскулачивание во-

шло в практику местных властей с осени 1929 года. Местные революционеры еще до теоретических откровений Сталина уразумели, что загнать соотечественников в колхоз можно только сугубым страхом. «Директива о раскулачивании, — сообщает Ирбитский окружком ВКП(б), — была встречена с большим удовлетворением не только руководящими, но и низовыми практическими работниками, «измучившимися», особенно за последние годы, в борьбе с кулаками во время проведения разного рода хозяйственно-политических кампаний»¹⁰³. Теперь можно было вздохнуть свободно и вспомнить каждое злое слово в свой адрес.

Воодушевленные практические работники рванулись в бой. Раскулачивание, доносили они с передовой, положительно сказалось на темпах коллективизации. Деревня стремительно перла в социализм. Лидерами колхозного прогресса, сообщала окружная газета «Красный Курган» в январе тридцатого, являются Лопатинский район, коллективизировавший 73% крестьянских хозяйств, Лебяжьевский — 72%, Макушинский — 71%. «Эти районы, — радовала читателей газета, — к весеннему севу должны быть коллективизированы на 90%». Живописуя детали колхозного строительства в деревне, Курганский окружком ВКП(б) в начале февраля информировал центр, что в округе «коллективизировано 71 724 двора... Наряду с организацией колхозов произведено обобществление пашни — 677 550 гектаров, рабочих лошадей — 72 863, молодняка — 16 404, производителей — 603, дойных коров — 89 334, молодняка — 22 974, быков-производителей — 851, свиноматок — 2579, молодняка — 1193, хряков — 265, овцематок — 77 603, баранов — 759, домашней птицы — 306 433, из них гусей — 12 855, уток — 1388, кур — 300 100»¹⁰⁴. До такой стерильной экспроприации не дошел даже гений Карла Маркса.

Не буду приводить восторженные отчеты из других округов Уральской области. Описанная ситуация была типичной. Подвижники коллективизации на всем Урале под вой хозяек и злобу мужиков сгоняли в общественную собственность всю крестьянскую

живность вплоть до кур. По-хозяйски переписывали в неделимые фонды колхозов чужие амбары, постройки, инвентарь. Читатель, верно, уже догадался, что в описании типичных и массовых явлений того времени я отдаю предпочтение развитому в сельскохозяйственном отношении Курганскому округу. Но куда денешься от местной социальной экзотики?

Комментируя успехи первых месяцев обобществления, секретарь Челябинского окружка ВКП(б) Финковский озабоченно констатировал, что революционными преобразованиями совершенно не охвачены немцы-колонисты. «Немцев в округе две тысячи, — говорил он на партконференции, — и работа с ними ведется тоже «мимоходом». До сих пор среди немцев нет настоящего классового расслоения. До сих пор не внедрилась туда наша большевистская работа»¹⁰⁵. Местные немцы, воспитанные на святом уважении к индивидуальной трудовой собственности, сразу и решительно отказались от колхоза. Партийных эмиссаров вежливо выслушивали, но твердо стояли на своем. Избегая конфликта с государством, сами предложили компромиссное решение. Если Советская власть не может жить на Урале без колхоза, то пусть отпустит их в Германию. Власти наобум сослались на трудности с транспортом. Колонисты, приняв довод, согласились идти на прародину пешком. Еле сдерживаясь, партийное руководство объяснило, что международное положение чрезвычайно сложное и поэтому на Запад их не пропустят. Ну, раз нельзя на Запад — сошлись, как у Лескова в «Железной воле», отечественная бесшабашность и немецкий педантизм, — раз нельзя на Запад, отпустите на Восток. Колонисты выразили желание пройти через Чукотку в американскую Аляску. А оттуда, как известно, до Германии рукой подать!

И на этот раз победили наши. Немцев подвели под категорию «спецпереселенцев» (жертвы не хозяйственной, а сталинской национальной политики) и скорехонько спровадили на нейтральный Север. В одно халтурное лето начала восьмидесятых пришлось работать в поселке бывших спецпереселенцев

под Соликамском. В первый же день подошел старичок-сосед и, назвавшись Манштейном, толково объяснил моим парням, как поставить дом на штайгеры, чтобы заменить прогнившие нижние венцы. Разговорились. Оказался не родственником фельдмаршала, а почти моим земляком. На беседу тихо подошел другой сосед — дядя Миша Шелленберг...

Практика коллективизации в Челябинском округе интересна не только жестокостью. Специальным постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 22 июля 1929 года этот округ был назначен опытно-показательным. С таким почетным титулом плестись в хвосте социалистической реконструкции ему не пристало. Пленум окрисполкома в январе 1930 года просто обязал все районы добиться к весне этого года стопроцентной коллективизации сельского хозяйства. В порядке индивидуального творческого вклада в сокровищницу мирового революционного опыта был разработан, утвержден во всех инстанциях и пущен в дело эскизный проект образцового по постановке культурно-хозяйственного строительства фаланстера на базе Щучанского района. Поскольку вклад зауральцев в теорию и практику утопического социализма отражен пока слабо, привожу основные конструктивные узлы эскиза.

«В перспективе село Щучье или Чумляк преобразуются в агрогород. Все население района сосредотачивается в агрогороде, где организуется полное бытовое и культурное его обслуживание. Обслуживание ферм должно производиться путем периодической доставки рабочей силы из агрогорода...

- а) Питание должно быть обобществлено путем организации на фермах общих столовых...
- б) Организация ряда ферм с земельными массивами не менее 2000 га и количеством скота не менее 1500 голов... Населенные пункты менее 150 дворов постепенно ликвидируются.
- в) В переходный период должно производиться укрупнение населенных пунктов.
- г) При каждой ферме должны быть организованы бани и механизированные прачечные, пошивочно-починочные мастерские.

- д) Водоснабжение ферм должно быть механизировано...
- е) При каждой ферме организуется Дом культуры, в котором помещаются: библиотека, клуб, театр и кинематограф (передвижной или стационарный). В Доме культуры организуются курсы, лекции и семинары для повышения общеобразовательного уровня взрослых.
- ж) При каждой ферме организуются детсад, ясли, школа... в административном центре — районные школы крестьянской молодежи и повышенные различные курсы для обучения взрослого населения...
- к) В фермах на домовых участках должны быть разведены плодовые и ягодные сады, которые в пятнадцатикилометровой полосе от железной дороги должны принять полупромышленный характер, в остальных пунктах они могут иметь потребительское значение...»

Как образцовый район, Щучанский объединенный колхоз должен был давать экспортные продукты сельского хозяйства. Экономический фундамент сооружения рассчитали с инженерной точностью. Предусматривалось увеличить урожайность пшеницы в течение двух лет (I) на 111,4%, с 47 пудов с гектара до 100 пудов, ржи — на 106,9%, овса — на 121%, картофеля — на 106%¹⁰⁶. В расчетах применялась новейшая методология, исходившая из примата целей над средствами их достижения.

Далее эскиз административно проектируемого колхозного рая охватывает частности экономического бытия вплоть до пчеловодства. Причем многое иллюстрируется графическими схемами. В концептуальном плане он смахивает на проект платоновской Градо-Черноземной области за исключением канала в Месопотамию для сбыта экспортной продукции. Вероятно, по причине большой удаленности от оной.

Несколько теплых слов о реальной истории Щучанского района. Народ здесь всегда жил хороший и трудолюбивый. Из этих мест уже в феврале тридцатого начали экспортировать на Север раскулачен-

ных. Нынешняя экономика района наглядно демонстрирует ограниченность идей утопического и развитого социализма. Самым фундаментальным сооружением района остается элеватор, построенный еще в досоциалистическую эпоху.

Желание довести коллективизацию до точки обуревало местные власти. Некоторые районы (в Курганском округе — Лопатинский и Лебяжьеvский), добежав до поголовного обобществления, пошли дальше и объявили себя единым колхозом-районом. Идея нашла сторонников и в других округах Уральской области. На сплошную коллективизацию переходили все новые и новые округа. А что? Для принудительной коллективизации не существовало каких-либо экономических границ. Политический абсурд могла остановить только директива. Пока таковой не было, инициаторов хвалили. Газеты всей силой печатного слова споспешествовали делу колхозного строительства и исходили в ненависти к классовым врагам. «Хитрые замыслы классового врага, — гремела окружная газета «Красный Курган» в защиту макушинской коммуны «Роза», — нужно опрокинуть и разоблачить ошеломляющей контратакой. В такой ответственный момент выполнения боевых производственных планов коммуны затягивать решительную схватку и церемониться с идеологически чуждыми элементами вредно. Шире разъяснительную массовую работу в коммуне! Беспощадный отпор безверию, отсталости, несознательности и контрреволюционным выступлениям! На стороне честных коммунаров «Розы» стоят великие силы советской общественности. Враг будет бит. Как мыльные пузыри, лопнут контрреволюционные замыслы кулаков и их агентов, наткнувшись на стальные шипы социалистической «Розы»¹⁰⁷.

Смотрел я архивы этой «Розы». Коммуна как коммуна. Обычная нищета и произвол. И отдала она богу душу не под ударами классового врага, а от великих сил советской общественности, под трафаретом которой орудует партийная и хозяйственная бюрократия.

Позднее идея организации районных коммун и колхозов была признана политически ошибочной и даже вредной. А ее амбициозных прорабов легко отнесли к «левым загибщикам». Согласно постановлению Уральского облисполкома от 10 марта 1930 года, критерием левого политического заноса была «организация крупных колхозов и укрупнение существующих с охватом одного и нескольких административных районов при отсутствии хозяйственных и организационных условий для этого», а также «принудительное обобществление жилых построек, птицы, нетоварного продуктивного скота, домашней утвари и предметов личного пользования».

Осознание левого уклона пришло не само по себе. Накануне, в начале марта, вышла корректирующая статья Сталина «Головокружение от успехов», от которой пошла голова кругом у местных функционеров. 43 общерайонных колхоза, созданных в угаре тотального обобществления, срочно разукрупнили. Вернули хозяевам оставшийся в живых, но страшно отощавший в месячной голодовке мелкий скот, птицу, часть личного имущества. Амнистия, естественно, не коснулась социально чуждых.

Реконструктивный зуд нашел легальное выражение в организации крупных специализированных колхозов вроде Щучанского агрогорода. Ирбитское руководство решило удивить мир колхозом «Гигант», мобилизовав в него население нескольких районов. В Курганском округе спроектировали и обеспечили кредитами крупный огородный колхоз в Варгашах. Для этого «освободили» 20 тыс. гектаров земли, наметили устойчивую арифметическую прогрессию роста молочного стада. В 1929 году — 2000 голов, 1930 году — 3000, 1931 — 4000 голов. Понимая, что не каждая корова выдержит бешеные темпы социалистического воспроизводства, в исходных документах заложили обнадеживающий тезис о привлечении резервов со стороны. Раскулачивание предоставило огромные возможности «изыскания резервов», сравнимые только с природными богатствами Урала и Тюменского края.

О рабочей силе. Идея становится материальной силой, когда она овладевает массами. Мысль, что говорить, классическая. А массами можно овладеть силой — догадались классики тридцатых. В диалектике силы и идеи виделся перпетуум-мобиле общественного прогресса. Механики социализма начали раскачивать маятник принуждения и репрессий. Экономические фантазии отныне опирались только на мобилизацию живого труда. С началом кампании массовых выселений рабочей силы местным властям хватило до лиха. Даже кроме тех миллионов душ, что сослали на Север и в концлагеря. Наиболее здоровых, как правило, взрослую мужскую часть выселяемых семей, направили на городские предприятия и стройки. Дирижировали потоками выселяемых и переселяемых компетентные в этом деле органы ОГПУ. Позднее «замели» оставшуюся (вот он где остаточный принцип!) малотрудоспособную часть классово нечисти, чтобы оживить ею колхозы-гиганты. Характерный документ эпохи — телефонограмма № 95 полномочного представителя ОГПУ по Уралу.

«Всем нач. райуправлений и РУПам ОГПУ. Сов. секретно.

В ближайшие дни предстоит подъем кулацких семей... Выясните наличие трудоспособных женщин, мужчин-стариков, детей-подростков, могущих быть использованными на работе в совхозах: зерновых, скотоводческих, огороднических и на лесоразработках...»¹⁰³.

Победные донесения с фронтов сплошной коллективизации, идеологические клипы тех лет от революционно-злых до революционно-восторженных застыли страницами в истории партии. В истории народа все было иначе. Первым результатом сплошной коллективизации явилось массовое разорение единоличного хозяйства, перешедшее затем в хозяйственную катастрофу. О колоссальных масштабах экспроприации крестьянского имущества говорилось выше. Превращение трудовой индивидуальной собственности в колхозную открыло дорогу нашей традиционной социалистической бесхозяйственности. Все

экономическое содержание и нравственное богатство крестьянского труда, образующее естественный базис национальной культуры и обычаев, были сведены к убогой форме государственной повинности. Повинности, обставленной искусственными и примитивными политическими канонами.

Невиданное падение престижа крестьянского труда — явное следствие колхозной системы. От года к году труднее проходят посевные, уборочные, зимовки скота. Обычные и необходимые в крестьянстве работы стали регулярными и чрезвычайными кампаниями. Каждая сопровождается отчаянным политическим треском газет, валом бюрократических мероприятий, совещаниями, показухой, а в недавнем прошлом и откровенными репрессиями. И чем дальше, тем навязчивее. Ибо колхозник, освобожденный от страха, уже не работник. А хозяином он не был никогда.

Зимой 1929/30 года Уральская область превратилась в сплошную бойню. Крестьянство, напуганное принудительной записью в колхозы, конфискацией имущества и скота, начало срочно свертывать производство. Нажитое годами продавалось за бесценок, началась интенсивная миграция сельскохозяйственного населения в города и отдаленные углы Сибири. Скот пошел под нож или был заморен. Только человек, познавший всю сложность крестьянского бытия, в состоянии осознать ту крайнюю степень мужицкого отчаяния, когда он забивал свою последнюю лошадь. Рабочую лошадь, на которой строил надежды на благополучие и о которой заботился больше, чем о себе. Вам бы, упрямые защитники сталинской коллективизации, испытать «энтузиазм» человека, бросающего родной дом в злой безнадежности. А заодно и оценить по достоинству гимны о «широчайшей поддержке» колхозной мобилизации мужиком, бросающимся с топором на скотину, которую ваши герои уводили со двора. Еще бы спросить тех бедных и обманутых, что, польстившись на новую юбку или пуд зерна из награбленного, обрекли себя на пожизненное колхозное рабство.

В информационной сводке Колхозцентра СССР и РСФСР от 11 января 1930 года отмечается повсеместно массовая распродажа и убой скота. Умышленно не давая общей картины, сводка приводит все-таки впечатляющие частные факты: «Убой и продажа скота приняли угрожающие размеры». (Московская область), «Под влиянием кулацкой провокаций хищнически уничтожается скот в десятках районов области». (Западная область), «В весеннюю посевную кампанию области не хватит для вспашки 110 тысяч лошадей. Городские рынки буквально завалены свежими тушами мяса, которое часто сбывается за бесценок». (Центрально-Черноземная область), «При явном недостатке в рабочем скоте для весенних работ наблюдается распродажа рабочих лошадей, верблюдов на убой». (Нижняя Волга), «По ряду станиц уже закуплено мясозаготовителями 30—40% рогатого скота». (Северный Кавказ). Страна шла к аграрной катастрофе¹⁰⁹.

Еще в ноябре 1929 года многие окрисполкомы Уральской области приняли жесткие, вплоть до конфискации имущества, запреты на убой скота. Но вряд ли они могли напугать крестьянство, предчувствующее потерю всего нажитого в случае коллективизации. «Продавайте лошадей, коров, — летело от деревни к деревне, — а то будет колхоз — все возьмут туда». Ликвидацию скота и имущества усугубили директивы о раскулачивании. Перед санкционированным партией государственным разбоем все потеряло цену. О масштабах хозяйственной катастрофы зауральской деревни дает представление приводимая ниже таблица о движении скота в одном из наиболее развитых сельских регионов Урала — Курганском округе. (Данные в тыс. голов).

	1916 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.	1930 г.
Лошади	222,0	203	221	231	172	136
Крупный рогатый скот	429	388	395	379	218	155
Овцы	316	394	420	448	202	137
Свиньи	101	48	55	69	12,2	8,1

(Данные за 1929 год приведены по состоянию на 1 декабря этого года, данные за 1930 год — на 20 февраля)¹¹⁰.

Политическая дурь «великого перелома» стоила Зауралья (в границах нынешней Курганской области) 250 тыс. голов лошадей, 750 тыс. голов скота, 600 тыс. овец, 200 тыс. свиней. Для сравнения: сейчас в сельском хозяйстве области поголовье скота — 1 млн., овец — 500 тыс., свиней — 550 тыс. И при этом мы занимаем третье место в России по производству (не путать с потреблением!) мяса на душу населения.

Перелом был явным. Деревенская экономика Урала была сброшена в хозяйственную пропасть, из которой выбирается и поныне. «Основным вопросом, — констатируется в обзоре «Продовольственные перспективы Урала» (1930 год), — обостряющим продовольственные трудности на Урале (к сожалению, не только на Урале), является все ухудшающееся положение животноводства. В результате: 1) вредительских действий кулачества в деревне, частично увлекшего верхушку середняков на умышленное сокращение скота, 2) недостатка кормов в недородных районах Зауралья, 3) неналаженностью во вновь организованных колхозах ухода за обобществленным скотом...» Достаточно! Дальше идут мероприятия. О «руководящей» роли партии в связи с трудностями — ни слова! «Для скорейшего восстановления животноводства, — продолжаю цитировать обзор, — необходимо, начиная с весны 1930 года (фактически с осени), ограничить убой продуктивного скота., использовать максимальные восстановительные возможности сокращающегося стада»¹¹¹. С этого исторического момента колхозы и совхозы получили неувядаемый показатель выходного поголовья, а мужик уголовно отвечал за благополучие теленка на собственном дворе.

Конечным результатом любого общественного переполоха, называемого революционными преобразованиями, оказывается ухудшение жизненного уровня. «Великий перелом» легко переломил оптимистически рвущийся вверх со времен нэпа вектор потребления

мяса на душу населения по Уральской области. В 1924 году потребление мяса на душу населения составило на Урале 12,3 кг, в 1926 году — 19,1, в 1928 году — 17,5, в 1929 году — 18,7, в 1930 году — 23,4 кг, а в 1931 году в связи с успехами коллективизации только 7 кг¹¹². Впереди у Урала и всей страны просматривалась долгая постная история. Но в фундаментальных академических трудах по отечественной истории вы не найдете страниц, посвященных приближающейся голодухе. Писать об этом до сих пор не предоставлено-с!

В январе 1930 года ВЦИК и СНК СССР приняли постановление «О мерах борьбы с хищническим убоем скота». Документ подписан Калинин, Рыковым и Енукидзе. В целях борьбы с массовым убоем скота, которое стандартно квалифицируется как кулацкое вредительство, райисполкомам предлагается «лишать права пользования землей, а также конфисковать скот и сельскохозяйственный инвентарь тех кулаков, которые сами хищнически убивают скот или подстрекают к тому других. Одновременно эти кулаки привлекаются к уголовной ответственности, причем суд применяет к ним лишение свободы на срок до двух лет с высыланием из данной местности или без высылания». Конфискация, уголовное преследование и выселение. По этому привычному трафарету вершились скорые расправы над крестьянством. Два года назад мужик перестал быть хозяином собственного хлеба. Теперь у него отобрали право распоряжаться собственным скотом. В том же Курганском округе только за двадцать дней февраля было привлечено к суду за убой скота полторы тысячи человек. И все же скот продолжали резать. Деревня словно хотела наесться досыта, вперед, на всю будущую колхозную историю. В Лебяжьевском районе, например (вспомните — лидер коллективизации!), к весне тридцатого вырезали 75% рабочего скота. Прямая зависимость убоя от темпов коллективизации говорила всем и все! Но только не партийно-государственному руководству, которое скрипело зубами от ненависти и валило все неудачи на кулачество. Впо-

следствии нашлись другие «объективные причины» для объяснения неудач и провалов аграрной политики.

Авторы указанного постановления заботились не о крестьянской скотине, а о ее будущей колхозной биографии. Поэтому надежно юридически защитили скот от хозяина. И впредь в системе социалистических ценностей колхозная корова всегда стояла намного выше самого колхозника, а о единоличнике и говорить нечего. Документ рекомендует исключать из колхозов тех лиц, которые перед вступлением продали или забили свой скот. Заканчивается постановление вовсе интересно. Окружным властям предписывается принять меры, «воспреещающие как советским и коллективным хозяйствам, так и единоличным хозяйствам убой молодняка, в особенности телят и поросят, ниже определенного возраста».

30 января 1930 года Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило документ «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», на основании которого началась практически ликвидация кулачества как класса. Спустя сутки ВЦИК и СНК СССР услужливо узаконили дело постановлением «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством». «Мероприятия» открывали путь массовому раскулачиванию и жуткой трагедии выселения. «В целях обеспечения наиболее благоприятных условий для социалистического переустройства сельского хозяйства» документ считает необходимым:

1. Отменить в районах сплошной коллективизации действие закона о разрешении аренды земли и о применении наемного труда в единоличных хозяйствах...

2. Предоставить краевым (областным) исполнительным комитетам и правительствам автономных республик право применять в этих районах все необходимые меры борьбы с кулачеством, вплоть до полной конфискации имущества кулаков и выселения их из пределов отдельных районов, краев (областей).

Конфискованное имущество кулацких хозяйств за исключением той части, которая идет в погашение причитающихся с кулаков обязательств (долгов) государственным и кооперативным органам, должно передаваться в неделимые фонды колхозов в качестве взноса бедняков и батраков, вступающих в колхоз».

В этот же день принимается постановление, заставляющее распродажу кулаками своего имущества и переселение.

Ситуация быстро приближалась к своему трагическому финалу. В зауральской деревне свирепствовало узаконенное беззаконие, грабежи и насилие, выдаваемые за классовую борьбу и революционное обновление жизни. Уступим место архивным материалам. «На второй день, — восторженно сообщала газета «Красный Курган» зимой тридцатого, — шикарные комнаты кулаков, обставленные дорогой мебелью, заняли коммунары — батраки и бедняки — и все движимое и недвижимое имущество двадцати пяти кулацких хозяйств записали в неделимый капитал коммуны. С сегодняшнего дня не стало села Барашково, а вместо него родилась новая красная коммуна имени тов. Сталина»¹¹³. Восторгами по поводу решительности и революционной безжалостности местных коммунаров заполнены все окружные и областные газеты того года. Восторги похлынули до известной мартовской статьи Сталина «Головокружение от успехов». Потом они мгновенно сменились озлобленными обвинениями в перегибах, а героических коммунаров стали крыть политическим матом. Заглянем в идеологически необработанные отчеты с мест. «Арестовали шестнадцать семей, — жаловались крестьяне села Меньшиково Белозерского района, — потащили наше имущество по домам... В два часа ночи потащили в сельсовет и начали нас раздевать донага и искать в рубашках и штанах деньги. В то же время актив и уполномоченный стали играть на гармошке, а актив пошел в пляс. После ареста ходили по кулацким домам, пили водку, стряпали блины, варили яйца... При обыске женщин и детей было форменное издевательство, раздевали донага детей и

женщин... Загнали в маленькую комнату сорок человек женщин и детей и выпускали женщин по одной, при обыске у женщин снимали чуть не последние рубашки... Хлеба дают очень мало, сидим голодом»¹¹⁴.

«Мы с раскулачиванием опоздали, — с сожалением констатировалось на заседании бюро Уралобкома ВКП(б) 30 января 1930 года, — в значительной части хозяйств остались дом да горшки. Между речью Сталина (27 декабря 1929 года) и директивами обкома большое время, которое мы упустили»¹¹⁵. Наверстывая упущенное, некоторые районы давали распоряжения раскулачивать «до пупа». Политическая кампания переросла в неконтролируемый произвол и массовое мародерство. Несколько примеров из географии повсеместного насилия.

«В деревне Косаревой Ирбитского округа в качестве уполномоченного по коллективизации работал член ВЛКСМ Малков, который продержал всю деревню на общем собрании девять суток, арестовав при этом одиннадцать человек, из них семь выслал из деревни. Не вступивших в колхоз заставил освещать фонарями улицы деревни в ночное время»¹¹⁶.

«Кулацкие семьи, — сообщается в информационной сводке Курганского окружного отдела ОГПУ, — обирались до нитки, забирались даже медные иконы (пригодится для трактора, как утильсырье), забирались запачканные детские пеленки. Часть ценных вещей — золотые изделия, монеты или не включались в опись, или зачастую исчезали бесследно. Хорошая одежда и обувь членами комиссии тут же присваивалась, а кулаку выдавалась скинутая, рваная. Найденное съестное — пельмени, мясо, водка — тут же съедалось и распивалось»¹¹⁶.

Были случаи, когда немедленно после конфискации кулацкие семьи выбрасывались из домов на мороз ночью и населению было запрещено под страхом ответственности их принимать. «Вы сволочи — не больше, — смело заявил революционным мародерам Каргопольцев Егор, житель села Светлого Лебяжьевского района, — взяли имущество кулаков и поделили между собой», Сводки признают, что «настрое-

ние населения по отношению к комиссиям озлобленное. Ликвидация кулачества как класса рассматривается как обогащение коммунистов»¹¹⁷.

В Ирбитском округе, свидетельствуют документы архивов, «при раскулачивании растаскивали и присваивали имущество не только рядовые колхозники, имеется ряд случаев, когда растаскивали это имущество члены сельсоветов, члены ВЛКСМ и даже ответственные районные работники...»

В оцепеневшей от страха деревне все чаще разыгрывались омерзительные сцены открытого издевательства и пыток. Сарапульский округ Уральской области. В Фокинском районе «применен ряд физического насилия вроде подвешивания к потолку в петле на шее, истыкали шилом тело крестьянки, ставили к стене, угрожая револьвером и давая выстрелы в сторону стоящего. По раскулачиванию создавались специальные бригады, которые пьянствовали... Имелись случаи избияния, догола раздевали женщин в поисках денег...»¹¹⁸

Тюменский округ. В Ново-Уфимском районе избач Иванов и учитель Пульников, призванные сеять разумное, доброе, вечное, пытали батрачку Матвееву, заподозрив ее в том, что она скрывает имущество кулаков. Они вывели ее на пруд, где угрожали ей расстрелом, а затем спустили ее головой в прорубь и держали до потери сознания¹¹⁹.

И еще один пример, теперь уже из родного Курганского округа. «После изъятия имущества, — сообщают архивные материалы по Лопатинскому району, — в избу-читальню (она почему-то везде использовалась для ночных пыток. — Авт.) вызвали кулака Осипова, истязали, требуя отдать золото, сажали на стул, председатель сельсовета Катков бил его кулаком, секретарь комсомольской ячейки Фищенко взял ружье и угрожал его застрелить. При этом присутствовал секретарь ячейки ВКП(б) Хлоптов. После отказа отдать золото Осипова поставили на стул, надели на шею шнурок от креста, привязали шнур к гвоздю на стене, убрали из-под ног стул, имея цель повесить Осипова...» Сообщение взято из практики передового в деле социалистического пере-

устройства деревни Лопатинского района. Вспомните — единая районная Лопатинская коммуна! Приведено это сообщение, как и другие, в качестве иллюстрации к высокой академической мысли, что «коллективизация сельского хозяйства явилась важнейшей частью великой программы социалистического строительства в первой пятилетке, программы построения фундамента социалистической экономики»¹²⁰,

Все, что испорчено, печально сетовал Гегель, испорчено на хороших основаниях. Этот сумрачный германский гений уже привык стоять на голове. Он так и не дошел до революционного оптимизма. Мы же стойко верим в социальный и культурный прогресс родной деревни, опирающийся на колхозную экономику, фундамент которой на костях миллионов жертв наспех сварганили мерзавцы от сталинизма.

Продолжим детектив о раскулачивании в лопатинском селе Требушинном. «На следующий день эта группа поехала в соседнюю деревню Зобошное. Кулаков арестовывали, раздевали, хорошую одежду брали себе, а кулакам отдавали рваную одежду: отбирали все — тулупы, шубы, брюки, валенки, шапки и т. д. Так было изъято и растащено имущество в селе Требушинном и Зобошное у тридцати кулацких хозяйств. В большинстве отобранные деньги и ценности присвоены.

В первых числах февраля ночью секретарь партийной ячейки Хлоптов, председатель сельсовета Катков и уполномоченный вызвали двух женщин из кулацких хозяйств, издевались над ними, ставили к стенке, угрожая расстрелом... Секретарь партячейки пытался изнасиловать Павлову... После Павловой Хлоптов занялся тем же самым с Езовских Верой... После издевательств их отпустили домой, а чтобы они не разгласили, были арестованы на дому и было приказано из дому никуда не выходить, Позднее в

эту же ночь вызвали кулака Семенова, 72 лет, над которым всячески издевались, угрожая, и пытались удавить веревкой». Тут же, констатирует документ, присутствовал и участвовал в конфискации «двадцатипяти тысячник», присланный с Урала для передачи опыта революционной борьбы¹²¹.

Я привел лишь единичные факты повсеместного произвола, называемого в интересах политического камуфляжа раскулачиванием. Некоторые крестьяне, спасаясь от государственного террора, продавали или бросали свое имущество и бежали в город. Однако бдительная «советская общественность» ревниво стерегла свои жертвы. Беглецов ловили и карали. Острым привкусом политического маразма несет от широко практикуемого в те годы селькоровского движения. На деревне развели армию анонимных осведомителей. Их грязные доносы принимались властями за проявление классовой бдительности и находили короткую дорогу в печать и «известные органы». «Селькор «Шило» доносит из Уксянского района...». «По сообщениям селькора «Сверло» в колхозах Половинского района...» «Зоркий» обнаружил, что в правлении колхоза...» «Во время собрания, доносит селькор «Серп», его сосед сказал, что...». Материалами подобного жанра почти полностью забиты окружные газеты 1929—1930 годов. Для примера приведу полный список авторов газеты «Красный Курган» за 9 февраля 1930 года. «В. Д.», «М. Т.», «Селькор», «С.», «Вич», «П. З.», «Свидетель», «Баграк», «И. Ак.», «Василий Деревенский», «Чуб», «М-в», «Н», «Корреспондент», «Свой», «Гвоздов», «И», «Нэль», «Игла», «Он», «Прохожий», «Рабочий». Есть тут и мертвые души, конечно, они необходимы для газетных кампаний «широкой поддержки».

Газеты регулярно поддерживали связь со своими филерами. В специальном отделе газетной полосы (обычно «Почтовый ящик» или что-то в этом роде) теневой клиентуре давались инструкции, индивидуальные задания, требовали разъяснений по пред-

ставленным материалам. К примеру. «Шило» — материал будет принят, если назовете фамилии...» «Серп» — передайте материал в сельскую комиссию...» «Зоркий» — для принятия мер необходимы фамилии и подробное изложение материала. Не увлекайтесь общими рассуждениями...» Польщенные высоким вниманием, доносчики лезли во все щели деревенской жизни и сочувственно провоцировали соседей на неосторожную откровенность.

Холодеет душа от чтения газет «переломного года». Все материалы вплоть до бытовых заметок пропитаны вселенской, почти физически ощутимой злобой и ненавистью. Травили всех. «Открыть ураганный огонь по «левым загибщикам» и правым слюнтяям, мешающим социалистической реконструкции сельского хозяйства!» И не по себе становилось низовым исполнителям злой воли — кто знает, в какую преступную категорию отнесет их очередная партийная директива. Сын-школьник печатно отказывается от отца-священника. Нет, не боль за сыновнее предательство волнует газету. В уста малолетки вкладываются самые грязные, истерически-визгливые обвинения в адрес религии, стремящейся в последнем слове своем сохранить в соотечественниках человеческое.

«Кулак в городе!» — словно объявление воздушной тревоги, гремит с газетных полос. Тотчас организуется травля деревенских переселенцев на городских предприятиях. И жестокость опять подается печатью как волеизъявление широких народных масс. «Рабочие города, — информирует окружная газета, — из своей среды выделили 50 бригад по выявлению и ликвидации кулачества как класса в городе... Выявлены кулаки, устроившиеся на промышленные предприятия. Рабочие города требуют немедленной высылки кулаков из пределов Курганского округа, округа сплошной коллективизации»¹²²,

Сначала, конечно, никто в написанное не верил. Потом повседневная назойливая ложь стала внешним оформлением наших примитивных убеждений. Дожили и до того, что ввали с честной слезой на глазах.

С переломного года уже не бог, а партийный аппарат и его черные архангелы вели нас в мыслях и поступках. Впредь за нами зорко следили: то ли и так ли мы говорим, правильно ли думаем, ходим ли на собрания-демонстрации, не притупилось ли наше классовое чутье и вообще соответствует ли индивидуальный жизненный энтузиазм высокому общественно необходимому уровню. И не дай бог никому крещеному выйти за жестокие каноны общественного бытия. «Лозунг «Работать, учиться и жить по-ленински!» утвердить и вывесить на студенческом общежитии № 5». Это из постановления партбюро родного факультета за 1986 год. Пусть читатель простит едкие поползновения в современную действительность. Ведь она так мало изменилась. К тому же мне пришлось десять лет работать под началом бывшего особиста, удостоенного научной должности за свирепое усердие.

Сталинизму враждебны цивилизованные формы хозяйственной и политической жизни. Отверженный экономически был обречен на рабство. Страшнее судьба тех, кто внушал политические подозрения. Борьба в этом случае была подобна кровородственной мести, находящей удовлетворение только в физическом уничтожении противника.

Наше общество, если мы не останемся по-прежнему эгоистически безжалостными и глухими к чужой боли, еще не раз содрогнется от ужаса, узнав всю правду о моральном и кровавом терроре времени коллективизации, о заморных голодах и нещадной эксплуатации миллионов колхозных рабов.

В заключение темы несколько мажорных аккордов торжественного доклада тех лет: «За три года посевная площадь колхозов выросла в 40 раз, т. е. столько же, сколько у Франции и Италии вместе взятых. Ни в одной стране никогда этого не было... Валовая продукция зерновых в колхозах выросла за три года более чем в 50 раз, а товарная — более чем в 40 раз. Это значит, что пятилетку мы выполнили в два года и более чем в полтора раза... (Имеется в виду план коллективизации. — А в т.). Трудности наши — это трудности роста, а трудности капитализма — трудности упадка... В чем существо нашего наступления? ...Перестройка всей работы всех организаций к потребностям реконструктивного периода...»¹²³

Здесь, в области политической демагогии, все цивилизованное человечество, снисходительно улыбаясь, принимает наш неоспоримый приоритет. И с надеждой несчастного родителя, лелеющего интеллектуально ущербное дитя, восторженно ловит каждый наш разумный поступок.

НА ГОЛГОФУ

Хотелось бы всех поименно назвать...

А. Ахматова.

Первым пунктом печально известного постановления ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации...», принятого 5 января 1930 года, определены два генеральных направления партийной политики: замена кулацкого хозяйства крупным колхозным производством и переход к ликвидации кулачества как класса. Свирепеющие в произволе низовые «кадровые работники» догадывались, а верхи знали точно, что дело не ограничится простым раскулачиванием. Было решено не ждать мучительного вызревания колхозов из кооперативного процесса, а взять историю за бока и создать их разом, путем конфискации крестьянской собственности. Для колхозного производства экономически необходимы трактор и хозяйственная самостоятельность. Первое было пока технически невозможно, второе — с позиций сталинизма — абсолютно недопустимо.

Номенклатурная общественная наука всегда стыдливо обходила вопрос — зачем нужно было массовое выселение раскулаченных? И почему на Север? Может, власти хотели стабилизировать политическую обстановку в деревне изоляцией своего классового врага? Тогда зачем перли за Полярный круг детей и стариков? Царизм ссылал многих своих политических противников в Сибирь, но всегда считал нежелательным выезд в ссылку родственников осужденных.

Колхозы нужны были государству, чтобы иметь дармовой хлеб. Не будем петлять в фальшивых фразах о благе крестьянства. Исключительно бедняцкие коллективы для державного интереса бесполезны, как сухостойный козел, дай бог, если прокормят себя.

Самостоятельные объединения крепких хозяев, на что ставил А. Чайнов, были опасны. С ними власти сразу же затеяли подозрительную тяжбу. В хо-

зьяства направили армию ревизионных комиссий на предмет проверки финансовой дисциплины и организации труда. Ревизоры, соответствующим образом проинструктированные, работали на пределе отпущенной богом придирчивости. Каждому мелкому хозяйственному проступку придавался глубокий и тайный политический умысел. Прокатилась волна судебных расправ над членами правлений независимых колхозов. Когда не хватало доводов, притягивали за уши политические обвинения из боекомплекта классового подхода. Взамен осужденных и разжалованных подсаживали в доску своих. Для моральной дискредитации упрямого колхозного руководства привлекли тайную креатуру — селькоров. Выловленный в деревенских сплетнях «компромат» попадал в партийное ухо. Газетам оставалось подать его как факт глубокого морального разложения. С теми же хозяйствами, что сумели выжить в этой грязной политической игре, поступили по-сталински мудро и решительно. Им навесили ярлык лжеколхозов и быстро принудительно распустили, не смотря на ультрареволюционные названия. Государству нужны были колхозы-рабы. А с колхозами, где собрались хозяева, воевать за хлеб труднее, чем с единоличником.

Если имущество крепких хозяйств, утонченно-грабительски рассуждали органы нацеливающие и озадачивающие, конфисковать и передать обобществленной бедноте, получится идеальный вариант колхоза. Так и сделали. Государственный грабеж колхозов стал экономической нормой, а деревенскую бедность возвели в культ нашей природной невзыскательности и российско-социалистической самобытности.

А что же делать с бывшими хозяевами? Этот вопрос встал и перед специальной комиссией Политбюро ЦК ВКП(б). Комиссия, в которую были включены Я. Яковлев (председатель, нарком земледелия), С. Косиор, Т. Рыскулов, И. Варейкис и другие, разработала чрезвычайную программу ускоренной коллективизации. Поскольку вся концепция строилась на принудительной конфискации крестьянской

собственности, раскулаченные оказались социальным балластом. Их имущество передали колхозам или разграбили. В колхозы их принимать нельзя. Чувство хозяина трудно «привить». Еще труднее от него излечить. Подвижники ускоренной коллективизации это хорошо понимали, как и то, что ждет впереди колхозников. Оставь бывших хозяев в деревне, они будут живым укором колхозному произволу, эксплуатации и бесхозяйственности. Да и для нынешней агробюрократии нахрапистый фермер страшнее вируса СПИДа. Потому она и виснет на плечах возрождающегося единоличника веригами социалистической веры. И на колхозах, пытающихся стать таковыми в изначальной мужицкой затее.

Следующая комиссия, руководимая Молотовым, по поручению Политбюро ЦК ВКП(б) разработала страшную по масштабам и жестокости общегосударственную карательную операцию. Предусматривалось срочное и массовое выселение сотен тысяч семей в районы Крайнего Севера, Северного Урала с плохо скрываемой целью их физического уничтожения. Проведение операции умышленно спланировали на самый холодный период года — вторую половину зимы. Миллионы раскулаченных должны быть переселены на худшие земли внутри округов и областей.

30 января 1930 года Политбюро утвердило (характерный образец внутрипартийной демократии) постановление ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». Этого постановления вы не найдете в издаваемых сборниках партийных документов. Оно и поныне только комментируется тенденциозно теми, кто вхож на секретную партийную кухню. Постразвитое социалистическое общество, судя по всему, идет к шоковой терапии рынка. Шоковая терапия полной гласности еще впереди. Она придет во времена, когда всю мерзость содеянного мы узнаем не из литературных интерпретаций отечественных диссидентов, а из документальных многотомников «КПСС в секретных резолюциях», одетых, как учебники политической экономии капитализма, в радикально черные переплеты. Выяснить многие об-

стоятельства карательной акции тридцатого помогут директивные и отчетные материалы партийно-государственных органов, которые в столь зловещие моменты вряд ли были склонны отступить от централизованных указаний.

Партийное и советское руководство Уральской области тонко прочувствовало основные политические акценты в речи Сталина и передовицах «Правды». Надо было спешить, чтобы не оказаться в правых слюнтях. 22 января 1930 года на закрытом заседании бюро Уралобкома ВКП(б) поручили обласполкому в пятидневный срок осуществить следующее:

- а) Составить основные указания о порядке учета производства, оценке по передаче и использованию колхозами конфискованного кулацкого имущества.
- б) Исходя из хозяйственных, экономических и политических особенностей каждого округа и темпа коллективизации конкретно определить округа и районы, из которых подлежат выселению кулаки, с учетом выселения по области 10—15 тысяч человек.
- в) Конкретно установить округа, районы и количество возможного расселения кулаков в отдаленных лесных северных районах...
- г) Установить конкретный план использования кулаков на лесозаготовках, земляных и других работах и возможное заключение в концлагеря.

...Дать на места директивы по партийной, комсомольской, советской линии и органов ОГПУ о приведении в готовность всех аппаратов, чтобы они могли обеспечить успешное проведение кампании в борьбе с кулачеством»¹²⁴.

Мероприятия носили подготовительный характер. Ждали директив сверху. Неделию спустя на заседании бюро Уралобкома ВКП(б) председатель обласполкома Ошвинцев откровенно признался в этом: «Помимо газет никаких конкретных планов от ЦК мы не имели. Только вот сегодня приехал Кабаков (секретарь Уралобкома ВКП(б). — Авт.) и предполагается дать точную установку. Само собой разумеет-

ся, что конкретности в этом деле до сих пор дать было нельзя»¹²⁵,

С масштабами выселения ооластное руководство явно обмишурилось. Схватив краем уха в кремлевских кулуарных разговорах что-то о пятнадцати тысячах, заложили эту цифру в документы как общее число выселяемых. Надеялись даже на похвалу за верную оценку политической ситуации. Через неделю, по получении точных директив из Москвы, случился казус. С высоких кремлевских башен классовая расстановка на Урале виделась более удручающей и детальной. Предписывалось выселить на Север пятнадцать тысяч семей. Кроме тех, что направлялись в концлагеря, и третьесортной классовой нечисти. Чтобы не выдавать собственной мягкотелости, уральские лидеры решили в документах, направляемых в Центр, не распространяться о проектируемых масштабах выселений, а принять к неукоснительному исполнению предписанное свыше.

Сразу по получении точных установок из Центра принимается постановление бюро Уралобкома партии «О ликвидации кулацких хозяйств в связи с массовой коллективизацией». Я не буду останавливаться на преамбуле этого документа, вчистую списанной с речи Сталина, а перейду к изложению существа. Постановление предусматривает в отношении кулаков следующие репрессивные меры:

- а) 1-я категория. Контрреволюционный кулацкий актив, участники контрреволюционных и повстанческих организаций, подлежат немедленному аресту с последующим срочным оформлением их дела во внесудебном порядке по линии органов ОГПУ,
- б) 2-я категория. Наиболее зажиточные и влиятельные кулаки и полупомещики подлежат высылке в порядке принудительной колонизации в малонаселенные и необжитые районы северных округов области.
- в) 3-я категория. Остальные кулаки расселяются в пределах района или данного округа на худших окраинных землях. вне коллективных земельных участков,

Далее постановление считает необходимым «установить количество ликвидируемых по всей области хозяйств по первой категории до 5000. Размер операции по округам устанавливается ПП ОГПУ на Урале». Немного позднее в разрядке этой инстанции, подписанной заместителем полномочного представителя ОГПУ по Уралу, масштабы репрессии уточняются до 4685 семей, в том числе по Челябинскому округу — 700 семей, Шадринскому — 500, Ишимскому — 500, Курганскому — 350 семей.

Постановлением предусмотрено выселение из округов Урала по второй категории 15,2 тыс. семей. Привожу разрядку по основным сельскохозяйственным округам. Челябинский округ — 2250 семей, Троицкий — 2250, Курганский — 1800, Ишимский — 1700, Тюменский — 1500, Шадринский — 1300 семей¹²⁶. Следует учесть, что единолично ведущие хозяйство крестьянские семьи были большими, выселялись они строго по кровородственному признаку и полностью. По изученным мной материалам, средний состав выселяемой семьи — 6—9 человек. Следовательно, из округов Уральской области планировалось выселение более 100 тыс. человек. Намеченное областным руководством количество выселяемых из округа распределяли по районам, а последние — по сельсоветам.

В данной книге речь идет преимущественно только о самом начале кампании массовых выселений. О том ее этапе, который приходится на первую половину 1930 года и самым непосредственным образом связан с организацией колхозов. Около четырех лет назад, приступая к работе над архивными документами, я был уверен, что смогу в одной книге дать сколько-нибудь достоверную картину принудительной коллективизации на Урале, ее краткую предысторию и описать в самых общих чертах историю крестьянской ссылки. В проспекте работы предполагалось даже приложение списка выселенных из пределов Курганской области. Однако по мере знакомства с первичными материалами абсурдность творческих претензий становилась все очевиднее. В работу по составлению списков добровольно включи-

лись студенты нашего института. На основе архивных материалов окрисполкомов удалось составить реестр выселенных на Север в 1930 году по многим районам области. Идея приложения изжила себя. Чтобы дать найденные пока в архивах имена 40 тыс. изгоев, нужна книга объемом в телефонный справочник миллионного города. Недавно рассекреченные документы райисполкомов и сельсоветов увеличили объем работы, т. е. сведения о выселенных, в несколько раз...

Любой, изучающий проблемы сталинского периода, обязательно упрется в стену сугубой секретности. Вся кампания выселений проходила под контролем ОГПУ. Человек, попавший под зловещее крыло этой организации, проваливался в черную дыру неизвестности. По этой причине трудно проследить движение ссыльных антисоветских масс. А тем более изучать историю крестьянской ссылки, где «известные органы» властвовали безраздельно.

Некоторые моменты описываемого периода пришлось отсечь по соображениям конъюнктуры. Не политической, а хозяйственной. Дефицит бумаги и финансовые сложности издания книги за собственный счет заметно сдерживают словесный экстремизм и делают примат материи над сознанием, на котором стою теоретически, болезненно-ощутимым практически.

Продолжим изучение документа Уралобкома ВКП(б).

После определения общих параметров очистительной трагедии партийный документ уходит в организационные тонкости. И здесь он остается до ужаса похожим, стилем и содержанием, на некоторые материалы, представленные обвинением на Нюрнбергском процессе. Сроки проведения работ по первой и второй категориям кулаков, указывается в директиве, устанавливаются полномочным представителем ОГПУ на Урале. Внимание окружных партийных организаций обращается на недопустимость изменения установленных размеров (вторая категория) и сроков проведения репрессий. Нарушение предписаний может «повлечь дезорганизацию по-

рядка при транспортировке и создаст исключительные трудности в районах расселения». «Из этих 15 200 семей, — отмечено в протоколе заседания бюро Уралобкома ВКП(б), — первая партия в 5000 семейств должна быть отгружена до 10 февраля, согласно разверстке, сообщенной по линии ОГПУ. Остальные должны быть высланы в течение февраля и середины марта»¹²⁷.

Обратите внимание на сроки. Документ принят 30 января. Подлинные намерения выдает и терминология. Мы должны помнить, кто и куда «отгружал» людей.

Особые заботы партийного руководства вызывали имущественные проблемы выселения. При конфискации имущества выселяемым приказывалось оставлять лишь самые необходимые предметы домашнего обихода и некоторые элементарные средства производства в соответствии с характером работ на новом месте. Имелся в виду лесозаготовительный и строительный инструмент. Денежные средства и ценности изымались в пользу государства с оставлением 500 рублей для переезда и устройства. Читатель может предположить, что принудительное выселение означает бесплатность проезда. Отнюдь. Государство не желало экономически страдать от выселения. На этом хозяйственном принципе строилась вся карательная операция. Оплата расходов по выселению, считали партийные лидеры, есть дело самих выселяемых. Здесь мы уступаем в лицемерии только администрации фашистских концлагерей, высылавшей родственникам убитого счета на оплату «специальных услуг». Впрочем, я не знаю, из каких источников оплачивались подобные «услуги» в наших, отечественных концлагерях. Вероятно, из госбюджета.

Все остальное имущество и хозяйственные постройки раскулаченных передавались в неделимые фонды колхозов в качестве взносов бедняков и батраков, часть средств шла в погашение долгов государству и кооперации. Облигации, сберкнижки и другие ценные бумаги у кулаков всех трех категорий приказывалось отбирать. Вклады выселяемых

в кооперативных объединениях были переданы по постановлению в фонд коллективизации бедноты.

Операция по передаче конфискованного имущества колхозам имела одну интересную юридическую тонкость. Остановиться на ней необходимо, чтобы за широким государственным жестом уловить истинные намерения. В отличие от описей и торгов крестьянского имущества во времена хлебозаготовок, когда размеры конфискации определялись суммой недоимок или нокаутирующего штрафа, раскулачивание было сугубо политической расправой. Все забиралось безвозмездно. Начиная от дома крестового до «комплекта выездной сбри», от «белья нательного» до «кадушки с груздями». Все движимое и недвижимое возводилось в высокий ранг государственной собственности, по-русски говоря — в ничье. Поэтому во время раскулачивания разыгрывались дикие сцены вандализма. Земляки, впадая в остервенение души, набрасывались вороньем на пепелища соседей. Тащили по домам легко доставшуюся движимость. В злом азарте выламывали, бьворачивали, выкусывали из чужой недвижимости все, что представляло хоть какой-то интерес.

Заактированное имущество торжественно передавали в колхоз. В обмен на невзрачный, написанный и подписанный с лету документ. Привожу один из его оригиналов:

«Обязательство»

1930 года, марта 2 дня. Я — нижеподписавшийся председатель правления Совета коммуны «Индустрия»... выдаю настоящее обязательство финансовому отделу Юргамышского райисполкома в принятии конфискованного имущества, движимого и недвижимого, принадлежащего... (перечисляются бывшие владельцы), на сумму 18 072 рубля и имеющуюся задолженность за указанными выше гражданами в сумме 2484 рубля. Сельхозкоммуна обязуется уплатить задолженность в сроки: к 1 апреля 1930 года — 818 руб., к 1 июня 1930 года — 1200 руб., к 1 июля 1930 года — 476 руб.

В случае неуплаты задолженности в установленный обязательствами срок за финансовым отделом остается право изъять переданное имущество из колхоза и реализовать хозяйственным путем для погашения недоимок...»¹²⁸

Вместе с имуществом раскулаченных, таким образом, на плечи колхозников тихо переложили провокационно вздутые и экономически разорительные размеры задолженности. Облагодетельствованные колхозники почти не возмущались. Ну чего, в самом деле, куражиться? Долг впереди, а богатство — вот оно! И, чтобы отвязаться от настырного финработника, подмахивали обязательства о выплате кулацкой задолженности. И никому в голову не приходил элементарный вопрос — почему государство не продает кулацкое имущество, чтобы сразу и с лихвой закрыть эту самую задолженность.

Обязательства взяли со всех хозяйств. Уже потом в тихих государственных кабинетах прояснилась общая аграрная перспектива. Государственный хомут в деревне с обозленного единоличника перенесли на шею покорного колхозника. Из этого факта следовали и тактические изменения. Единоличник требовал материального эквивалента и свободы рынка. Для управления колхозником достаточно было свирепого устава и утверждающего его кнута.

Боевая программа выселения предопределила на будущее характер всей политической и общественной жизни области. К кампании оперативно подключились правовые органы. Но не на стороне обиженных. В начале февраля областная прокуратура штампует строго секретный циркуляр, в котором окружным правовым органам предписывается «немедленно ликвидировать контрреволюционный кулацкий актив, применяя к нему заключение в концлагеря, а против организаторов террористических актов, вдохновителей контрреволюционных выступлений и повстанческих организаций не останавливаться перед применением высшей меры репрессии с конфискацией имущества. Это первая категория кулаков, которая подлежит немедленному аресту с последующим срочным оформлением их дел во внесу-

дебном порядке через органы ОГПУ...»¹²⁹ Органы надзора за правосудием обязывали к произволу.

Чтобы органы советского правосудия чувствовали себя уверенно в уникальных со времен египетского исхода условиях массовой принудительной высылки, на места разослали копию инструкции о высылке и ссылке. «На основании статьи 10-й, части 2-й «Положения о правах ОГПУ», — разъясняет полезный для практического руководства документ, — объявляется следующий порядок применения высылки и ссылки в отношении различных категорий высылаемых лиц.

- А. Высылка из местности на срок до трех лет. Данному лицу обязывается выезд из пределов запрещенного района в недельный срок. В отдельных случаях до одного дня.
- Б. Высылка из местности проживания на срок до трех лет с запрещением проживания в ряде других областей.
- В. Высылка до трех лет с указанием места проживания».

В последнем случае место жительства определяется ОГПУ, ссылаемый должен регулярно отмечаться в ОГПУ, он следует к месту назначения этапом, имеет радиус передвижения не более 5 километров и карается за побег концлагерем¹³⁰.

На местах выселения были приняты сугубые меры предосторожности. Власти допускали возможность массовых и даже вооруженных выступлений крестьянства против выселения. Партийные и советские органы знали цену фальшивой газетной шумихе о широчайшей поддержке раскулачивания, как и действительные политические настроения деревни. «Эта политика Советской власти на мужика, — дается в одной из сводок пример расхожего деревенского понимания ситуации, — неправильна и губительна для благосостояния России. Откуда-то взяли кулака и жмут его, а на самом деле это просто мужик и нажим на него как на класс в корне неправильный. Насильственные меры результатов не дают». Вообще следует сказать, что раскулачивание

вытолкнуло к активной «политической» жизни моральное дно деревни, которое увидело в социалистической реконструкции села очередную возможность приобретения материальных благ. «Народные правители кормят, как родители!» — говорил один из таких политических героев-бездельников повести Гу Хуа «В долине Лотосов». Деревенский люмпен нуждался в фальшивых политических кампаниях, а политические кампании нуждались в нем. Политический авантюризм не может опираться на свободный труд и человека повседневного труда. Он всегда был выражением одержимого индивидуализма и подлости.

Во всех округах области повсеместно и срочно провели мобилизационные мероприятия. На случай возникновения чрезвычайных обстоятельств привели в повышенную боеготовность воинские части. Проверили мобилизационные планы на местах. Для проведения огромной карательной операции, охватывающей все сельские населенные пункты, мобилизовали часть городского населения. «Ввиду того, что воинские части, как правило, к проведению кампании по выселению кулачества привлекаться не должны, — цитирую строго секретную директиву от 6 февраля 1930 года, адресованную секретарям окружкомов ВКП(б), — поэтому для экстренных надобностей и поддержания революционного порядка необходимо сформировать команды рабочих — членов ВКП(б) и ВЛКСМ по плану, разработанному ПП ОГПУ по Уралу»¹³¹. Успешное проведение карательной экспедиции требовало огромную массу тяглового скота и транспортных средств. Требуемое было разверстано в мобилизационном порядке по сельским Советам.

Вместе с масштабами репрессий рос и аппарат ОГПУ, постепенно подминающий под себя местные органы государственной власти. В кампании массового выселения органы ОГПУ были дирижерами всех мероприятий. Либретто писали партийные органы. В ОГПУ разработали основные узлы гигантской операции и строго контролировали ход ее реализации. Райкомам ВКП(б) указали, что вся работа по выде-

лению кулачества и выселению на Север, оформление этих дел полностью должна выполняться райисполкомами. Последние должны безоговорочно (1) выполнять все распоряжения окружного отдела ОГПУ по доставке кулацких семейств на установленные сборные пункты, конвоированию их, охране, погрузке в вагон и т. д. В глубоком понимании важности задач, выполняемых ОГПУ, и движимый отеческой заботой об укреплении авторитетных учреждений, Уралобком ВКП(б) постановил (5 февраля 1930 года) «направить в окружные отделы ОГПУ для постоянной работы ответственных партийных и советских работников»¹³². Девяносто человек надели скрипучую в портупях офицерскую форму и пустили классические гопэусовские мини-усы. За государственную заботу надо было платить.

«Внедрить в сознание бедноты, батрачества и середняков, — дрожала от ненависти директива Челябинского окружкома ВКП(б) и окружного исполкома, подписанная их руководителями, — что колхоз и кулак непримиримые враги и жить одновременно не могут, что, обобществляя сельское хозяйство, переводя его на социалистические рельсы, надо стереть с лица земли враждебный класс — кулачество, что ликвидация кулака как класса должна сопровождаться не только изъятием от него имущества (независимо от выполнения им обязательств перед государством), но и выселением из пределов, где он проживает. Парторганизации должны сделать все, чтобы организовать бедняков, батраков и середняков, потребовать от органов Советской власти немедленной конфискации имущества от кулака и выселения его за пределы села, района, округа»¹³³. С таких и подобных злых сентенций началась кампания выселения во всех округах области.

Организация государственной карательной операции прямо-таки поражает. Даже в отдаленной зауральской глубинке кампания проводилась с несвойственной русской натуре педантичностью. Списки выселяемых и документы кампании разительно контрастируют с запущенной хозяйственной документацией тридцатого года, включая акты раскулачива-

ния. Скрупулезно учитывалась каждая предназначенная для ссылки живая душа, вплоть до грудных детей. Были спланированы время, место, станция отгрузки и высокая северная широта, где, по мнению властей, обеспечивались оптимальные условия для классового перевоспитания антисоветского элемента. Некоторые районы, детализируя информацию, прилагали развернутые социальные характеристики на выселяемых. Главным в них была опись имущества, независимо от происхождения, и отношение к мероприятиям Советской власти, под которыми понимали принудительные хлебозаготовки. «Выступал против самообложения и займов», «злостный зажимщик хлеба, был бойкотирован», «сопротивлялся политике хлебозаготовок, лишен права голоса» — любого из этих достоинств хватало для выселения. При необходимости, если планируемый к выселению не тянул на классового врага экономически, припоминали прошлое или неосторожно сказанное и спетое. В силу секретности документа приводились тексты частушек предосудительного содержания. В некоторых случаях учитывались и подзатыльники, раздаваемые соседям по пьяному делу.

По степени бюрократической разработки первые документы на выселяемых уступают только идеологическим манифестам застоя, но в глухую срамят чиновников из фашистских ведомств Заукеля и Лея, занимавшихся тем же делом целое десятилетие спустя. С переходом кампании выселений в режим обыденщины изощряться в писании надоело, бумаги стали оформляться неряшливо и наспех. Найти в них суть стало столь же трудно, как в выступлениях чернобрового лидера застоя со специфическим речевым дефектом.

В неделю-полторы по каждому округу были разработаны маршруты движения колонн выселяемых. Внутри районов создали так называемые сборные пункты, где выселяемых еще раз индивидуально проверяли и формировали в большие колонны, которые затем направлялись этапом к железнодорожным станциям. Подъем выселяемых, формирование и движение всех колонн строго увязали с расписанием

специальных железнодорожных эшелонов, предусмотренных для «отгрузки» ненужного социализму людского балласта. Учет и отправка раскулаченных возлагались на комендантские пункты, открытые на железнодорожных станциях. С половины февраля тридцатого по заснеженным и вымороженным просторам Урала потянулись печальные обозы выселяемых. Драма политических ошибок перерастала в народную трагедию.

Чтобы не оказаться в шапке правого, как говорили китайцы шестидесятых, подготовку к выселению во всех округах области начали еще в январе месяце. Каждый округ и район, как и с принудительной коллективизацией, старался выказать революционную бдительность и особое усердие. По получении точных установок от Уралобкома ВКП(б) абстрактная классовая ненависть уступила место целенаправленным и количественно определенным репрессиям. Постановления окружных партийных комитетов, строго блюдя общие принципы карательной политики, оживляли ее местными деталями. Тот же Челябинский окружком ВКП(б) рекомендует включать в число выселяемых семьи расстрелянных и осужденных за контрреволюционные действия в 1929 году, семьи бежавших и скрывающихся кулаков. В число кулацких хозяйств можно было вносить и семьи колонистов. Предписывалось кулацкие семьи, в которых глава семьи уже работает на лесозаготовках в других округах Уральской области, выселять по месту его работы.

Были свои тонкости и в имущественных отношениях. Уже к 10 февраля в округе описали имущество у 3848 хозяйств. По сообщениям райисполкомов в округе обнаружено 5982 крестьянских хозяйства с подозрительной социально-политической окраской. Для выселяемых решили оставить 500 рублей для проезда и устройства, на три месяца продовольствия и один хомут на семью. В целях предотвращения случаев расхищения и уничтожения кулаками, подлежащими выселению на Север, описанного у них имущества партийные директивы предлагали, не дожидаясь утверждения окрисполкомами конфиска-

ции кулацкого имущества, срочно сдать таковое на хранение в колхозы за исключением ценностей — денег, как находящихся на руках у выселяемых, так и в сберкассе, банке, облигаций, золота, серебра и т. д. Эти ценности государство не доверяло и колхозам.

11 февраля 1930 года бюро Челябинского окружкома ВКП(б) принимает постановление «О порядке проведения работ по ликвидации кулачества как класса». В документе районам дается следующая разрядка по количеству кулацких хозяйств, подлежащих выселению из пределов округа на север Уральской области: Челябинский район — 300 хозяйств, Усть-Уйский — 260, Чудиновский — 250, Щучанский — 230, Еманжелинский — 225, Бишкульский — 210, Мишкинский — 200, Шумихинский — 200, Ялано-Катайский — 200, Бродокалмакский район — 175 хозяйств. Всего по округу намечалось выселение по второй категории 2250 семей¹³⁴. Низовым советским органам было предложено срочно оформить документ на всех выселяемых и с нарочным доставить их в окружной центр до 15 февраля. На выявление и оформление документов для тысяч выселяемых отводилось всего три дня. Пожарные сроки проведения всей операции и отдельных ее этапов тактически рассчитаны на эффект внезапности, исключающий организованное сопротивление.

Не будем лукавить. Фактически документы были уже готовы. Много земляков давно обживали Тюменский и Уральский Север. До тридцатого их ссылали со всей России в порядке местной инициативы, так сказать, экспериментально. Поэтому три дня на возню с документами вполне хватило. Нужно было подвести число репресслируемых под занаряженную сверху цифру, т. е. или отложить выселение части классовых гадов до следующего этапа кампании, или дополнить списки до контрольного задания. Определенную трудность представляло оформление сопутствующих документов. Требовалось решение общего собрания деревни, утвержденное президиумом сельсовета. Трудность морального толка, поскольку надо было решаться на фальсификацию этих документов. С муками совести на местах справились.

Так или иначе документы попали в райисполкомы, которым предстояло своим авторитетом утвердить фальшивки, состряпанные озлобленными местными функционерами. Огромные масштабы работы (дела на сотни крестьянских семей и тысячи человек!) и жесткие сроки вынуждали районные инстанции предельно интенсифицировать разбирательство. Практически все дело свелось к заполнению протоколов, типичный экземпляр которого привожу из архивов Юргамышского РИКа.

«Слушали: характеристику кулака Колупаева Исаака Федоровича деревни Колупаевки М.-Беловодского сельсовета.

Постановили: характеристику утвердить, применить выселение из пределов Юргамышского района семьей в числе семи человек и лишить избирательных прав».

Вот так легко и походя решалась судьба целого крестьянского куста. Для многих выселенных семей короткая запись в протоколах райисполкома (к тому же засекреченная на целых 60 лет) стала официальной эпитафией. В самом деле, большинство семей нашло в ссылке вечный покой и безвестность.

В качестве сопроводительного документа на выселенного районная инстанция оформляла бумагу, образец ее приводится ниже.

«В дело гражданина Лушникова Маркела Ксенофоновича

Выписка-выдержка

из протокола № 86 заседания президиума
Варгашинского райисполкома Курганского округа
Уральской области

от 16—17 февраля 1930 года

На заседании участвуют члены президиума: Козарева, Богатырев, Феоктистов, Карасев.

Уполномоченный ООГПУ — Беляшов.

Пом. прокурора — Титов.

Слушали: § 1. О ликвидации кулачества как класса и выселении из пределов района.

Справка: Материалы в личном деле каждого,

Постановили: Постановление общегражданского собрания и ходатайство сельсовета в части ликвидации и выселения из пределов района социально опасной части кулачества утвердить.

По Казанскому сельсовету:

Лушников Маркел Ксенофонович со всеми членами семьи в составе 6 человек с отнесением ко второй категории»¹³⁵.

Подорожные бумаги выправляли только на главу семьи. Остальные ее члены вносились в списки без официальных комментариев. Дети кулака могут стать только кулаками! По этой классово-ненавистнической логике виновность членов семьи была очевидной и определялась степенью родства с выселяемым.

Районные списки с нарочным (обязательно!) отправлялись в округа. Причем вся эта бухгалтерия работала в режиме чрезвычайной секретности. Окружные исполкомы действовали еще круче. Тут не до индивидуальных судеб — под руками дела на тысячи семей! Списки оперативно утверждали. Строго требуемые политические характеристики, конечно же, не читали. В качестве выходного документа, открывающего для выселенных принудительный транзит на Север, была личная карточка. Власти выдавали их начальству сборных и комендантских пунктов. Личной карточки удаивался лишь глава семьи. Остальные члены семьи передавались комендантом ссыльного пункта коменданту эшелона общим числом, т. е. по поголовью.

Возьмем в руки и откроем одну из архивных папок. На тонкой папирсной бумаге с фирменным оттиском «Папир а сигаретес. Экстра фин а малинэ» прочтем:

«Личная карточка

Курганский округ, Марайский район, селение —
Мостовое

Фамилия, имя, отчество — Корюкин Николай
Ефимович.

Год и место рождения — 45 лет.

Состав семьи (указать имя, отчество, возраст, где живет, перечислить всех членов семьи) — жена — 45 лет, сын — 24 лет, сноха — 24 лет, дочь — 16 лет, сын — 9 лет, внук — 3 лет.

Национальность, бывшая сословная принадлежность и соц. положение — русский, кулак.

Лишен ли избирательных прав — нет.

Род занятий (основной и подсобный) — сельское хозяйство и эксплуатация сельскохозяйственных машин.

Служба в старой и (особо) белой и др. армиях, формированиях, бандах и т. п. (в каких частях, в каком чине и в какое время) — служил рядовым солдатом.

Есть ли члены семьи, служащие в Красной Армии (кто, где) — нет.

Подвергался ли суду и адмвзысканиям (подробно — где, за что, какой приговор, отбывал ли наказание) — нет.

Политхарактеристика. (Здесь: указать сущность постановления бедняцко-батрацкого актива в отношении данного лица, его общую характеристику и перечислить имеющийся конкретный материал) — есть постановление бедняцко-батрацкого актива выселить его как кулака и вредителя социалистического строительства.

Подпись лица, производившего выселение.

Следгруппой проверен.

Уполномоченный следгруппы»¹³⁶.

Просмотренные мною тысячи личных дел и карточек дают основание утверждать, что на местах никакого даже формального обсуждения списков выселяемых не было. Бюрократия тиражировала требуемые документы под копирку. И по политически обвинительному шаблону. В большинстве личных карточек из различных районов и округов взамен политической характеристики приводится графаре́тная (прочтите ее в личной карточке Корюкина Н. Е.) ссылка на постановление батрацко-бедняцкого собрания.

Что ж, заглянем еще в один типичный документ. «Выписка из протокола № 6 бедняцко-батрацкого собрания деревни Ивановки Щучанского района. 31 января 1930 года. Присутствовало 25 человек (менее 8% взрослого населения. — А в т.).

Слушали: О ликвидации кулачества как класса — доклад тов. Шатилова.

Постановили: Заслушав доклад тов. Шатилова о ликвидации кулачества как класса, бедняцко-батрацкое собрание постановляет приветствовать решения вышестоящих партийных организаций о ликвидации кулаков и конфискации всего имущества, как движимого, так и недвижимого, и при сопротивлении со стороны кулацкой части деревни против коллективизации и посевкампании. (Напомню, что кулак, сокращающий производство и посев, рассматривался как явный саботажник. — А в т.).

Учитывая полную необходимость строительства социалистического хозяйства в нашем районе и зная заранее, что кулацкая часть деревни тормозила и тормозит проводимые нами на основе директив правительства мероприятия, просим райисполком о немедленном выселении кулаков из пределов нашего района, причем мы — батраки и бедняки — под непосредственным руководством Коммунистической партии с задачами своими в связи с бурным строительством нового социалистического общества справимся».

Таких протоколов-близнецов полны архивные материалы времен раскулачивания и покорения советского Севера. Тайно и наспех состряпанная липа пролежала засекреченной шестьдесят лет. Было что скрывать. Решения о выселении, выдаваемые за волеизъявления «широчайших народных масс», принимала не трудовая деревня, знающая цену нехитрому мужицкому состоянию. За выселение голосовал приближенный к начальству деревенский сухостой, мечтающий о скорых и легких приобретениях. Разумеется, при «самом непосредственном руководстве» партийных сатрапов. Это улавливается даже в лексике протоколов, где политическая ненависть выдается за внутренний голос мужицкой души.

Чтобы осужденные (как утверждалось — прилюдно, демократически и единодушно всей деревней) на ссылку не узнали действительно о предстоящей горькой участи, посвященным в тайну сельским активистам приказывалось не чесать по сему поводу языком. А для гарантии отобрали с них подписки, подобные приведенной ниже:

«Подписка о неразглашении»

Мы, нижеподписавшиеся, комиссия по раскулачиванию ранее кулаков и принадлежащих к раскулачиванию, проведя последний учет по Падунскому сельсовету в селе Падун: 1) Пысин Кирилл Гаврилович, 2) Кирков Аполлон Федорович, 3) Шурупов Степан Осипович, 4) Холодилин Петр Иванович, 5) Шурупов Макар Осипович, 6) Карпов Иван Емельянович, 7) Шурупов Максим Ефимович, 8) Афонин Лазарь Илларионович, 9) Холодилин Осип Васильевич, — обязуемся не разглашать о последнем. Мы должны отвечать по статье 121-й УК, нам объявлено, в чем и расписуемся».

Колоссальная государственная ложь, таким образом, вырастала из тонких капилляров местной лжи и подлогов. Весть о выселении во многие семьи приходила внезапно, с командой о подъеме и оставляла на сборы и слезы прощания короткие часы. Во всех случаях, когда предназначенные к ссылке семьи успевали скрыться до момента выселения, органы ОГПУ и милиция с особым остервенением трясли свою деревенскую «контрагентуру», не скупясь на уголовно-политическую 121-ю статью УК РСФСР.

По поводу беглых крестьян органы сыска развели большой шум. На предмет взаимопомощи затеяли интенсивную переписку. Представителей местной власти обязали доносить о каждом деревенском новоселе и госте. Газеты бились в антикулацкой истерике, призывая к классовой чистке везде и вся. На городских предприятиях появились, обжигая женские сердца скрипом портупей, зоркоглазые ребята из ОГПУ. Деревенских стукачей сориентировали на сугубый интерес к письменной связи родственников беглых.

Политический шухер раскулачивания, выселений и сопутствующих им событий заложил основы тотальной отечественной подозрительности. Той самой, что нашла отражение в заполнении обязательных по всякому поводу личных анкет, реестр вопросов в которых позаимствован из проспекта допросов в ОГПУ. Ни в чем не замечен — этой идеальной характеристики достоин только тот, кто «не был», «не привлекался», «не имеет», «не владеет» даже со словарем.

В одном из текущих отчетов Челябинского окружкома ВКП(б), направленных в обком партии, сообщается, что «выселение на Север из пределов округа в количестве 2250 семей намечено в следующие сроки: 20 февраля — 610 семей, 22 февраля — 225, 24 февраля — 375, 26 февраля — 480 и 28 февраля — 560 семей»¹³⁷. Лицемерие не отказало нашим руководителям и на этот раз. На всех выселяемых оперативно сварганили официальные бумаги. В отчете окружкома указывается, что решение о выселении единодушно поддержаны на 777 батрацких и 362 колхозных собраниях. Точные цифры отчета создают иллюзию достоверности. Вот о том, что собрания были колхозными и батрацкими, местные власти брякнули зря. Нужны были решения общедеревенских собраний. Но областное начальство не придиралось к процессуальным тонкостям выселений. В свете впечатляющих цифр отчета Челябинский округ виделся из Свердловска морем батрацко-бедняцких рук, поднятых в поддержку репрессий. Ну, а мы можем о многом догадаться, зная технологию проведения политических кампаний в деревне. «Единодушие» насильно или с помощью фальсификации документов подгонялось под занаряженную сверх норму выселений. Деревня выла от боли, злости и отчаяния, а политические отчеты и печать рисовали лубки, на которых мужики с идеологически просветленными лицами выходили строем на столбовую дорогу колхозного строительства.

Итак, по Челябинскому округу планировалось выселить в 1930 году по всем трем категориям 3800 хозяйств. 700 семей ожидал концлагерь или расстрел, 2250 должны быть отправлены на Север, а

850 семей искать приюта в богем забытых углах собственного округа. О судьбе выселенных по первой категории я не могу сказать ничего большего, кроме того, что операция с ними «проведена успешно». Именно так характеризует итог кампании информационная сводка окротдела ОГПУ. Здесь засекреченные обстоятельства и поныне сильнее гласности. Интересная сейчас возникла ситуация. Есть президентский указ о полной реабилитации жертв массовых выселений. А вот списки значительной части жертв, отправленных транзитом в концлагеря или пришитых по месту жительства, все еще под замком секретности. Не исключено, что осторожные наследники ОГПУ предусмотрительно ликвидировали списки жертв. Кому нужно такое прошлое?

О судьбе изгоев второй и третьей категории, как и о некондиционной классовой нечисти, мы еще поговорим.

Сценарий массово-политической работы по подготовке к выселению уныло однообразен во всех округах. Даже трафаретно прост. Собственная инициатива приглашения к раскулачиванию, правда, в форме хорошо различных намеков, — областная директива — грозная директива на места с разрядкой по районам. Курганский окружком ВКП(б), например, тоже ~~то~~ получения директив от Уралобкома, 17 января вынес решение о подготовке партийных организаций к раскулачиванию и необходимости мобилизации бедняцко-батрацких масс крестьянства. Спустя неделю бюро окружкома ВКП(б) принимает решение о практическом проведении раскулачивания. В деревне снова мобилизовали ответственных работников аппарата. Для усиления ОГПУ окружком направил двенадцать работников, туда же пожертвовали двух ответработников. Проверили боеготовность округа и мобилизовали комсомольские силы. Из рабочих промышленных предприятий Кургана создали несколько отрядов для конвоирования и охраны переселенцев. Райкомы партии провели соответствующую работу на своем уровне.

Оперативно проведенная учетная кампания по выявлению социально опасных дала такие результа

ты. Хозяйств, вполне заслуживающих выселения по первой категории, в округе обнаружили 400. Ко второй категории причислили 1800 хозяйств, внутри округа планировали переселение 2336 хозяйств. Правда, с третьей категорией обмишурились все округа. Областная директива по этому поводу опоздала и пришла только в конце марта. По Курганскому округу директива установила переселение 450 хозяйств вместо 2336. Но по этой категории за свирепость пока не ругали. Вот если бы спланировали меньше... Обширные списки не пропали даром. Они стали золотым резервом для последующих этапов массовых выселений. Деревня прогрессивно нищала, шли в пике и имущественные критерии социальной благонадежности. Уполномоченные уже с интересом присматривались ко дворам некоторых активистов. Прошлогодний мало-мальский середняк сегодня смотрелся аморально зажиточным.

В Шадринском округе все было где-то так же. В распоряжение ОГПУ выделили пятьдесят коммунистов и двадцать комсомольцев из состава городских организаций. Мобилизовали в округе всех лиц, состоящих в запасе органов ОГПУ. Для охраны и конвоирования выселяемых создали два комотряда.

Была еще повсеместная политическая суэта преимущественно декоративно-бюрократического характера. Проводились многочисленные авральные собрания и в высоких инстанциях, и в деревенской глуши. Партийные руководители несли злобную чушь и призывали мобилизоваться на раскулачивание. Затем, собрав деревенское отребье, выносили «от имени широчайших народных масс» зловещие резолюции, слово в слово повторяющие официальные директивы. Политика государства обретала статус «общенародной».

Я не верю, что вся эта огромная, захлестнувшая страну документально-бумажная ложь была последним, почти инстинктивным порывом человеческой совести, осознавшей творимое. Как не верю в оправдание личной подлости объективными обстоятельствами. «Начальник райадмотделения Бишкильского райисполкома Гордеевский, член ВКП(б), — с ис-

пугом доносит в обком партии Финковский, секретарь Челябинского окружкома, — на предложение райкома выехать для проведения этой работы (выселения. — А в т.) на село категорически отказался, за что был немедленно арестован и доставлен в город Челябинск и сейчас находится в заключении»¹³⁸. Были — свидетельствуют документы — люди, для которых совесть всегда оставалась выше суровых обстоятельств. Но большинство партийного аппарата пребывало в тихой подлости по отношению к мужику и в стремлении обмануть историю навсегда.

Недавно в центре Свердловска, на стенде, посвященном юбилею транспортной милиции Урала, увидел в галерее почетных ветеранов портрет карателя из ОГПУ, подписавшего в 1930 году самые жестокие по отношению к выселяемым документы. Сколько их, ветеранов-карателей скрыл от суда истории и народа ореол революционной святости? Сколькие из них, пыжась орденами и медалями, полученными в борьбе с собственным народом, ползают по тихим специализированным пансионатам и ветеранским распределителям?

«16 февраля, — указывается в сводке Тюменского окружкома ВКП(б), — дана телеграмма о подъеме кулаков по всем районам и отправке на комендантские пункты...»¹³⁹ Раскулаченные, пущенные по миру и выброшенные из собственных домов семьи еще на что-то надеялись. Не хотелось верить в средневековую дикость государства, называющего себя народным и социалистическим. Можно лишить человека собственности, рассуждали некоторые, в интересах высокой для мужицкого понимания государственно-социалистической идеи. У них отобрали все. Но зачем государству жизнь мужика, а тем более ребенка и старого человека. Государство, между тем, и не помышляло о справедливости. Оно признавало только равенство рабов, заложенное в идее колхозов. Чтобы загнать деревню в колхоз навсегда, нужна была ледяная душа, показательно-воспитательная жестокость. И она пришла.

Горем захлебнулась зауральская деревня суровой зимой тридцатого. В петлю гнала мужика, вче

рашнего кормильца России, Советская власть. В ряде мест в момент выселения отмечены самоубийства. Мужики хорошо понимали, что их ждет впереди. Но даже в эти трагические минуты, в отличие от карателей, их не покидало чувство человечности и ответственности за семью. Может, со временем наши осевшие от политического бессердечия души смогут понять, что в самые глухие минуты отчаяния выселяемый был нравственно выше нашей мертвой официальной морали. Чтобы спасти семью от страшной участи, выселяемые шли в загс и брали развод с женами, с которыми прожили по 30—40 лет. В «классовом враге» верности семье и самопожертвования было не сравненно больше, чем у наших государственных ублюдков, трусливо переносящих расправы над собственными женами, детьми и родственниками.

Однако большинство семей совместно испили горестную чашу выселения. «Хоть в могилу, но вместе», — говорили многие и собирали детишек в страшную дорогу.

Вернемся к бесчувственной статистике. Всего по Тюменскому округу было собрано на комендантских пунктах 1321 семья, около шести тысяч человек. За пределы округа в феврале «экспортировали» 13 эшелонов выселяемых — 5524 человека. Из них: 1682 мужчины, 1926 женщин и 1816 детей. Основным местом выселения определили Березово и Сургут¹⁴⁰. Вся масса выселяемых (понимайте эшелоны как этапные партии) отправлены своим ходом в сторону Тобольска, ставшего главным пересыльным пунктом и столицей социалистической колонизации Северного Урала. В пути и на пересыльных пунктах обозы выселяемых нещадно грабила местная комсомолия. Чтобы остановить мародерство, потребовалось вмешательство прокуратуры и Наркомюста РСФСР. 23—24 февраля 1930 года колонны выселяемых пересекли границы своего округа, чтобы никогда больше не вернуться на родину.

Через Тюмень гнали на Север ссыльных из других округов и районов Уральской области. По состоянию на 5 марта 1930 года через город было пропущено 16 эшелонов, в коих числилось восемь тысяч

подвод, 4424 семьи, 22 107 человек. В составе ссыльных шесть тысяч мужчин, 6600 женщин и 9438 детей¹⁴¹. А кампания еще только разворачивалась.

«Ошеломленное внезапным уничтожающим ударом, — п-военному хлестко доносит сводка из Ирбитского округа, — кулачество второй категории в порыве паники и отчаяния, оставив семьи, стало разбегаться...» Половина (четыре тысячи человек) из причисленных ко второй категории, сообщает далее документ, задержаны при бегстве и посажены под стражу¹⁴². У столь ретивой администрации трудностей морального толка, естественно, не предвиделось. Проблема состояла в другом. Трудно было найти изъятые при категорически проведенном раскулачивании вещи выселяемых. Надо же их экипировать напоследок. Руководство округа заверяло, что «экспорт второй категории будет начат в первых числах марта и окончен в апреле».

В Челябинском округе райисполкомами были представлены документы на выселение 3100 семей. На заседаниях Особой тройки при окружном исполкоме с 16 по 21 февраля утверждено выселение 2330 семей. Разработали порайонные разрядки и график выхода колонн к железнодорожным станциям. Привожу выдержки из этих материалов:

Бишкильский район — 206 семей — ст. Полетаево, 19 февраля.

Бродокалмакский район — 185 семей — ст. Каясан, 26 февраля.

Еманжелинский район — 223 семьи — ст. Еманжелинская, 21 февраля.

Мишкинский район — 211 семей — ст. Мишкино, 23 февраля.

Усть-Уйский район — 269 семей — ст. Шумиха, 23 февраля.

Челябинский район — 284 семьи — ст. Полетаево, 19 февраля.

Чудиновский район — 276 семей — ст. Полетаево, 19 февраля; ст. Чумляк, 27 февраля.

Шумихинский район — 225 семей — ст. Шумиха, 23 февраля.

Щучанский район — 258 семей — ст. Чумляк, 25 февраля.

Ялано-Катайский район — 194 семьи — ст. Шумиха, 23 февраля; ст. Чумляк, 25 февраля¹⁴³.

Выселение планировалось в районы Соликамска и Тобольска. К началу марта первый этап карательной операции был «успешно» завершен. Вся партийная и советская структура доказала способность к высокой организации массовых репрессий и моральную готовность не останавливаться перед любой подлостью во имя своих интересов. Из округа было «экспортировано» на Север (только по второй категории) более 12 тыс. человек. Из них три тысячи мужчин, около четырех тысяч женщин и пяти с половиной тысяч детей. Со столбовой дороги колхозного движения убрали весь «антисоциалистический» хлам.

Страшной волной прокатилась по Зауралью трагедия выселения. Можно догадаться, что творилось на наших тихих станциях зимой тридцатого. Можно даже восстановить в деталях поправленную правду. Можно, если бы не многолетний груз оглушающей лжи, повседневной нищенской суеты и благоприобретенного исторического беспамятства.

Мне часто приходится ездить по этой дороге. Как только поезд проскакивает мимо парящих корпусов ЧТЗ, в окнах надолго застывает тихая и невзыскательная зауральская природа. Покорность царит во всем. В унижающей национальные чувства бесхозяйственности, крепостной нищете проплывающих сел, печальных лицах неженственных женщин-путейцев.

В хозяйственное и житейское уныние привычно вписываются оптимистические призывы, коими пестрит каждый полустанок. В вывешенных по недавней райкомовской разнарядке плакатах застыла идеологическая ложь тридцатых годов. Под кумачовую ложь гнали на Север эшелоны земляков по дикости внутренней хозяйственной политики. В сороковых замели подчистую деревенских мужиков, чтобы платить миллионами душ за банкротство внешней политики. Ложь стала почти неотличимой от патриотизма.

Через эти полустанки бежит с деревенского пепелища современная молодежь. Только идеологическая ложь верноподданнических призывов неизменно торжествует. Она и сейчас сильнее действительности. И будет сильней до тех пор, пока мы позволим профессиональным демагогам считать народ за большого дурня, пока история не станет для нас искренней человеческой памятью. Уверен, что когда-нибудь мы освободимся от гипноза красной лжи и на пристанционных обелисках напишем имена тех, кто стал жертвой не агрессии, а собственной, доморощенной политической подлости. И среди них будут имена этих земляков...

Станция отправления	Номер эшелона	Дата	К-во семей	В г. ч.			Всего
				муж-чин	жен-щин	детей	
Полетаево	7004	20/2-30	144	514	498	678	1690
Полетаево	7005	21/2-30	317				
Еманжелинка	7006	22/2-30	199	285	301	505	1091
Полетаево	7006	22/2-30	111	151	112	312	575
Мишкино	7007	24/2-30	202	319	365	450	1134
Шумиха	7007	24/2-30	155	209	248	355	812
Шумиха	7008	25/2-30	386	412	578	905	1895
Шумиха	7009	26/2-30	49	53	63	113	229
Чумяк	7010	27/2-30	154	170	255	444	869
Каясан	7010	27/2-30	176	233	308	387	928 ¹⁴

В Курганском округе по представлениям райисполкомов планировалось выселение 4710 хозяйств, 5,32% к общему числу крестьянских дворов. Районы зло соперничали в революционно-очистительной акции. В Марайском, Чашинском и Половинском районах к выселению наметили более 6% крестьянских семей. В глухом Мокроусовском районе нашли необходимым выселить каждую одиннадцатую семью, а в некоторых селах Звериноголовского района — каждую шестую. Масштабы репрессий прямо зависели от классовой аллергии местных властей. Измученные звумя годами «классовой борьбы», они теперь

сводили с деревней последние счета. В Лебяжьевском районе, например, даже при официальной, не очень придирчивой проверке установлено, что из 385 хозяйств, запланированных к выселению, 85 дворов не лезут ни в какие кулацкие признаки, проще говоря, являются бедняцкими. В Белозерском районе таковых при проверке оказалось 77 хозяйств, в Куртамыше — 66, в Марайском районе — 72.

Операцию выселения из округа назначили сверху на начало марта 1930 года. Волна выселения катилась с запада на восток. Отношение властей к репресслируемым отвечало общепринятым морально-классовым принципам, образно называемым «ежовыми рукавицами». Проследим это на архивном документе. В конце января 1930 года Варгашинский райком ВКП(б) принимает обязательное постановление (подобная директива принята почти повсеместно), в котором кулакам и членам их семей воспрещается:

- а) Выезд или переселение из пределов места своего жительства и переезд из деревни в деревню куда бы то ни было без разрешения соответствующих органов.
- б) Оставлять свое имущество, бесхозяйственно, как-то:
 - скот без корма,
 - уничтожать постройку на дрова и уклоняться от ремонта таковой,
 - хранить машины и сельскохозяйственный инвентарь под снегом и дождем, умышленно производить его порчу...
- в) Оставлять семейства без средств к существованию...¹⁴⁵

Если бы объявить конкурс на самый лицемерный документ местных партийных органов, постановление Варгашинского райкома было бы в числе победителей. В самом деле, в директиве, как в капле яктаря, застыла вся мерзость, аграрной политики.

Стерегли земляков от побега, чтобы потом эшелонами отправить в мертвую зимнюю тундру. Обязывали хозяйски относиться к тому, что варварски отобрали у хозяина. Да и сейчас в избираемой государством деревне мужик исполняет обязанности хозяина по приказу. Забота о семьях беглых кулаков есть прямо-таки эталон политического лицемерия. Через месяц те, кто сокрушался с благополучии осиротевших семей, отправят их на Север, на гарантированную смерть от голода, непосильного труда, цинги, холода.

Не страдали гнилым оппортунизмом партийные органы других районов. Теоретически подкованный курсант Челябинской совпартшколы Никонов на заседании бюро Юргамышского райкома ВКП(б) заявил, что оставлять кулакам деньги на проезд, вещи и продовольствие политически неверно. На этих условиях, утверждал «кадровый работник», любой бедняк поедет в Тобольск. Судя по документам, в классовое остервенение впадали многие партийные руководители.

О глубинке. Там цвела махровая дикость. Было все — произвол, издевательства, мародерство... И все со своим местным колоритом. В Юргамышском районе в момент раскулачивания в доме застали умершую жену хозяина — сняли все, что на ней было. Умереть может классовый враг, классовая борьба бессмертна.

Рвали с кровью крестьянские семьи, отбирая для выселения родителей. «Тебя выселять не будем, — сказали активисты Щедрину, жителю Белозерского района, — а жену выслем, на твоей обязанности лежит воспитание ребенка». Во многих случаях при изоляции от семьи классово чуждого родителя, вышедшего из кулацкой семьи, власти обязывали вдовствующего родителя воспитывать детей в советском духе. А сколько сирот социалистической реконструкции осталось нищенствовать по колхозным деревням?

«Интересен тот факт, — сообщает в окружном секретарь Мокроусовского райкома партии, — что дети кулаков в молодом возрасте до 25 лет не под-

держивают родителей, дочери бегут замуж за бедняков и батраков, сыновья порывают с отцами и просятся в колхоз». И далее, перестав удивляться, ублажает начальство анекдотическим случаем кулацкой хитрости, над которым смеялся весь аппарат. Шестидесятилетняя кулачка приехала в райцентр зарегистрироваться с бедняком шестидесяти пяти лет, дабы не быть выселенной.

Дети-выселенцы. Они были главной жертвой сталинского произвола. Никакие политические и моральные аргументы не оправдают преступления партии и нашей власти перед социально-безгрешным детством. В эшелонах и обозах, конвоируемых на Север лютой зимой тридцатого, 40% составляли дети. Вот бы кому поставить на Руси печальные памятники. Историю не изменишь, но нас еще можно. Если желание жить по общечеловеческим моральным нормам нам не изменит, во что я глубоко верю, мы установим взамен мраморных монументов политической дикости памятники запоздалого нашего покаяния. В память о грудных младенцах, что умерщвлены материнскими руками и выброшены из обоза в снег, чтобы не испытали они ужаса той жизни, на которую обрекла родителей политически убогая власть. В память о тех малолетках, что замерзли насмерть на комендантских пунктах, стоя часами на морозе, и в многодневных переходах по февральской стуже. О тех, что разделили роковую участь родителей, причисленных к первой категории. В память о многих, многих и многих.

Юродствуют авторы сводок о выселении, выдавая за кулацкую изворотливость стремление выселяемых семей выдать дочерей замуж за первого попавшего. Меж строк этих сводок слышится революционно здоровое «гы-гы-гы». «Смешно, да не до смеха», — как пел Владимир Высоцкий. Ведь искали не женихов, а спасения и человеческого участия. Решиться на свадьбу в такой ситуации мог только мужественный и искренне любящий человек. Под антикулацкий шабаш могли замести «под фанфары» и самого жениха. Искали, продолжаю, не женихов.

Часто выселяемые предлагали на сожительство малолетних дочерей, чтобы спасти их от смерти в зимней тундре.

Читатель уже обратил внимание на то, что изложение материала строится исключительно на документально оформленных источниках. Я был в местах ссылки, встречался с бывшими переселенцами. Их рассказы значительно усиливают картину жестокости. Но криминальность фактов и растущая агрессивность защитников «непреходящих исторических ценностей социализма» заставляют быть осмотрительнее и избегать субъективных оценок прошлого... И все же... «Нас, всю семью, восемь человек, выгнали в баню, увели лошадь и корову. Приехали ночью и увезли все, что можно было: хлеб, овес, сено, дрова, вещи, какие были, детские пимы и подушки хватали из рук мамы и бросали все на подводу. Грабили, как могли, и потом мы видели, как женщина, которая приезжала ночью, носила мамины, нажитые еще в батрачках, юбки и платки. А полотенца, которые мама вышивала еще в девках, до сих пор висят в одном доме. Сами-то не хотели зарабатывать в батраках, вот и грабили. И еще угрожали, кнутом, махались, сквернословили: «Молчи, кулацкая морда!»

Поздней осенью свалили нас в телегу и отвезли на станцию Лебяжье, там на полу голодные и раздетые ждали эшелон. Нас охраняли с винтовкой, и даже детей без охраны не выпускали по нужде. Один маленький ребенок у нас умер в то время. Погрузили нас в товарные — телячьи — вагоны, как скотину, и повезли не известно куда. Этого мне даже сейчас не описать. Везли на верную гибель, на Север, на лесозаготовки. Где строился Беломор-канал имени Сталина.

Разгрузили около тайги в снег... Много помню, и пока сердце бьется, не забуду всех этих пыток и страданий, которые достались на нашу семью. Отец через месяц умер, мама заболела тифом, ревматизмом и дистрофией. Мы выжили только потому, что убегали просить Христа ради, нам подавали корочки, спали и прятались на кирпичном заводе, где ка-

ят кирпичи. За 10 километров относили корочки маме и брату, он работал на лесозаготовках, ему было 18 лет. Он пил соленую воду, говорил, не так хочется есть. От голода, холода, работы и соленой воды он опухал. А мы, четверо малолеток (14, 10, 7 и 5 лет) убегали прятались. Маму садили в «холодную» за то, что мы убегали. А из «холодной» ее выносили на носилках...

Уже нет давно в живых наших родителей и старших братьев, но до сих пор болят душа за все пережитое. Мы, тогда малые дети, многое помним и можем рассказать правду».

Эти горькие слова взяты из письма Сидоровой Варвары Степановны, высланной из деревни Баженково ребенком. Вряд ли кого оставят они равнодушным. Ну, а для тех, кто, игнорируя мерзкие частности, предпочитает видеть социализм в обобщающем фокусе и исторической перспективе, очередная гэнэусовско-партийная ксива — список лиц, выселяемых эшелонами из Юргамыша в Надеждинск. Не ищите на карте этот город. С 1935 года он переименован в Кабаковск. Да, в честь бывшего партийного лидера области. Так Сталин поощрял усердие и исполнительность. Поощрял не надолго. В 1938 году Кабаков сам попал в репресслируемые, и городу дали имя нового героя. Теперь это город Серов. В начале тридцатых там разворачивалось промышленное строительство и дармовой труд был как нельзя кстати.

Познакомимся с пассажирами, к примеру, третьего вагона этого эшелона,

Кислянский сельсовет:

Осипова Татьяна — 30 лет,

Акулова Федосья — 56 лет,

дочь Мария — 8 лет,
дочь Калерия — 3 лет.

сын Антон — 26 лет,
сын Леонид — 16 лет,
сноха Таисия — 25 лет,
внук Владимир — 3 лет,
внучка Мария — 1 год,
сноха Параскева — 24 лет,
внук Евладий — 10 мес.

Ярушина Елизавета = 23 лет, сын Павел — 4 лет,
сын Владимир — 1 мес.,
сестра Мария — 20 лет,
сестра Антонина — 18 лет,
брат Михаил — 15 лет.

Черепанова Ксения = 22 лет, дочь Галина — 3 лет,
дочь Зинаида — 7 мес.

Акуловский сельсовет:

Шибанова Марина — 17 лет, сестра Татьяна — 12 лет,
сестра Мария — 7 лет.

Логунов Фрол — 70 лет, жена Дарья — 60 лет.

Шемелинский сельсовет:

Софронова Екатерина — 59 лет, дочь Анна — 15 лет,
внук Владимир — 5 лет,
внук Николай — 3 лет,
внучка Анастасия — 12 лет,
внук Михаил — 1,5 года.

Закралась, наверное, мысль, что я специально выбрал из списков вагон с третьесортной классовой шелухой. Ничего подобного! Не надо шариться по вагонам. В этом составе их семь. 237 человек, переданных по акту. Из них 110 человек младше 10 лет¹⁴⁶. «Но не в Освенцим же их везли!» — возмутится упрямый читатель и будет прав. Концлагеря при социализме, само собой разумеется, для каждого мало-мальского патриота не в пример лучше буржуазных. Особенно детские. А о том, что их у нас было больше, и говорить не стоит.

Общая технология выселения читателю известна. Местные особенности рассмотрим на организации карательной кампании в родном мне Половинском районе. В конце февраля 1930 года Половинский райисполком разослал по всем сельским Советам короткую, но предельно ясную директиву. «С получением сего, — предписывает местная Советская власть, — немедленно оборудуйте арестные помещения для содержания под стражей глав двора выселяемого кулачества, обеспечьте эти помещения надежной охраной». Опыт других округов оказался чрезвычайно полезным. Чтобы исключить возможные побег кулаков, подлежащих выселению, их подвергали превентивному аресту,

Для формирования партий кулачества, гласила следующая директива Половинского райисполкома, следует установить в районе два сборных пункта — Половинский и Золотинский. В первый сводятся выселяемые из Филипповского, Воскресенского, Романовского, Успенского, Пищальского, Башкирского, Хлуповского сельских Советов и райцентра. Во второй — раскулаченные из Ново-Байдарского, Жилинского, Сумского, Мало-Дубровского, Казенского, Булдаковского, Васильевского и Золотинского сельских Советов. С каждого сборного пункта наметили маршруты выхода колонн к железнодорожным станциям¹⁴⁷.

В первых числах марта дали указание о подъеме выселяемых и конвоировании их на сборные пункты. Кто шел в печальных обозах, растянувшихся по дорогам района, можно судить из реестра выселяемых маленького села Хлупово. Объясню свой выбор. В этом селе родилась моя мама, пережила там описываемые события и нашла в приводимом списке имена своих бывших подруг,

Ф., и., о.

выселяемого главы семьи

Завьялов Евстихий Васильевич — 58 лет

Колташов Илларион Федорович — 58 лет

Завьялов Игнатий Прокопьевич — 48 лет

Состав членов семья, подлежащих выселению вместе с главой семьи

жена Александра — 58 лет,
дочь Наталья — 18 лет,
сын Александр — 32 года,
сноха Елизавета — 32 года,
внучка Мария — 11 лет,
внук Леонтий — 4 года,
внучка Екатерина — 2 года.

жена — 58 лет,
сын Антон — 22 года,
сын Григорий — 20 лет,
дочь Анастасия — 15 лет,
сноха Парасковья — 23 года,
сноха Анна — 16 лет,
внучка Мария — 2 года.

жена Мария — 47 лет,
сын Дмитрий — 25 лет,
дочь Александра — 19 лет,
сын Александр — 15 лет,
дочь Анна — 15 лет,
сноха Анна — 28 лет,
дочь Ульяна — 16 лет,
мать Меланья — 75 лет,
внук Василий — 1 год.

Завьялов Аяфиноген Прокоп, жена Ксения — 56 лет,
ровнич — 58 лет, сын Иван — 23 года,

сын Петр — 19 лет,
дочь Мария — 15 лет,
дочь Вера — 12 лет,
дочь Агафья — 9 лет.

Якушев Тимофей Степанов, жена Василиса — 60 лет,
вич — 63 года, сын Иван — 22 года,

сын — 15 лет,
сын Тимофей — 8 лет,
сноха Евдокия — 21 год,
мать Анна — 90 лет,
внук Василий — 1 год¹⁴⁸.

Я бы мог понять выселение взрослого человека, социальная опасность которого очевидна и доказана по суду. Но оправдать выселение детей и старух, составляющих около половины репрессированных, не могу даже в сильном классовом возбуждении.

Проводы выселяемых повсеместно превратились в стихийные демонстрации жалости и участия. Жители многих деревень провожали обозы до сборных пунктов. В ряде мест конвоиры даже принудительно отсекали провожающих в силу их многочисленности. (Мало-Дубровное, Филиппово и др.).

Рассвет 4 марта над райцентром напоминал «Угро стрелецкой казни». Мужичкое горе подошло к последней черте, дальше начиналась трагедия. Несмотря на строгое указание Половинского райкома партии не допускать массовых демонстраций, собрались тысячи провожающих. Читатель может догадываться, что там творилось в последние перед отпавлением часы.

Колонну подняли где-то около полудня. За два дневных перехода нужно было выйти к железнодорожной станции Варгаши, где 7 марта их планировалось отправить специальным эшелонном в район Тюмени и Тобольска. Обоз растянулся на километры. Для операции выселения районные власти мобилизовали 365 подвод. Чуть севернее двигалась в сторону Варгашей колонна из Золотинского сборного пункта. Выселяли навсегда земляков, доказавших способность быть работником и хозяином земли. Любовь к земле и радующий душу труд заменили го-

сударственным кнутом и принудилровкой каторжанина.

«С 1 января 1930 года оперировано 413 человек, — хирургически строго сообщают коновалы из ОГПУ, — удар в операции главным образом был направлен на махровое контрреволюционное кулачество, начавшее уже группироваться. На 1 марта ликвидировано 37 групп с количеством арестованных 175 человек. Всего отобрано к выселению по второй категории 1800 хозяйств. Отправлены с эшелонами выселяемые из Макушинского, Лопатинского, Марайского, Лебяжьевского, Мокроусовского и Варгашинского районов. Отправка прошла без каких бы то ни было эксцессов»¹⁴⁹. В результате зимне-весенней карательной операции тридцатого года в Курганском округе было раскулачено 2630 семей. Выселено из округа по второй категории 1674 семьи, расселено внутри округа (3-я категория) — 350, раскулачено и оставлено на месте жительства — 450 семейств.

В заключение фрагмента привожу поэшелонный график отправки из округа первой партии ссыльных. Адрес отправки — пересыльный пункт в Тобольске.

Районы	Дата отправки	Номер эшелона	Всего семей	В т. ч.			Всего
				мужчин	женщин	детей	
Макушинский	1/3-30	7028	128	184	219	301	704
Лопатинский	1/3-30	7028	109	187	198	234	619
	1/3-30	7033	—	2	—	—	2
Лебяжьевский	3/3-30	7029	121	205	199	271	675
	5/3-30	7030	3	5	5	8	18
	7/3-30	7031	1	2	2	—	4
Мокроусовский	3/3-30	7029	123	192	182	215	589
	7/3-30	7031	4	5	2	2	9
	11/3-30	7033	—	2	—	—	2
Марайский	5/3-30	7030	123	189	217	177	583
	7/3-30	7031	3	4	2	3	9

Районы	Дата отправки	Номер эшелона	Всего семей	В т. ч.			Всего
				мужчин	женщин	детей	
Половинский	5/3-30	7030	9	10	14	11	35
	7/3-30	7031	97	147	185	244	576
Курганский	7/3-30	7031	103	165	159	200	524
	11/3-30	7033	2	2	2	5	9
Чашинский	9/3-30	7032	113	194	190	197	581
Утятский	9/3-30	7032	85	138	135	175	448
Белозерский	11/3-30	7033	120	175	213	289	677
Куртамышский	13/3-30	7034	113	202	204	226	632
Глядянский	15/3-30	7035	106	135	150	253	538
Звериноголовский	15/3-30	7035	104	147	146	213	506
По Курганскому округу			1674	2663	2818	3476	8957 ¹⁵¹

Восемь битком загруженных эшелонов отправлено из округа на Север. Давайте напоследок заглянем хотя бы в один повагонный список выселяемых, переданных по акту начальнику эшелона комендантом, к примеру, Варгашинского пункта. Итак, эшелон номер 7030. Выселенный Варгашинским сельским Советом Демушкин Андрей, 35 лет. С ним отправлены в Тобольск семидесятилетние родители, жена, три сына в возрасте от семнадцати до трех месяцев, три дочери — пятнадцати, шести и пяти лет. Удивительный, видимо, был этот Демушкин, многожильный. У него на шее девять иждивенцев, а он еще на кулака вытянул.

Выселенный из Сычевского сельсовета Мяготин Агафон. На Север его сопровождали жена, две Анны, Параскева, Агафья, Елизавета, Татьяна, Ульяна и Наталья. Радоваться бы родителям счастью — восемь дочерей! От трех до семнадцати лет. Но признанным классово-чуждыми девчонкам была уготована судьба политически ссыльных, и наверняка не все из них вынесли страшную, пришедшую на детство беду.

Теперь, когда мы выяснили обстоятельства выселения, перенесемся в места не столь отдаленные, куда в эшелонах и пешим ходом гнали изгоев советской деревни. О судьбе выселенных по первой категории можно только догадываться. Но какие-то мысли наводит зловещий тон директив, упоминания о концлагерях и открываемые в последнее время массовые тайные захоронения эпохи сталинизма.

География расселения второй категории функционально проста и гениальна: Сургут, Соликамск, Тобольск, Березово и все остальное, что лежит ближе к Северному полюсу. Север Урала и нынешней Тюменской области нашли самым подходящим местом для идейного перевоспитания широких масс кулачества. Из центральных и южных областей России сюда сослали в 1930 году 25 тыс. семей. В бескрайних просторах Крайнего Севера решили спрятать и 15 тыс. наших земляков. Разнарядка заместителя ПП ОГПУ на Урале предусматривает расселение этих 40 тыс. семей следующим образом: Верх-Камский округ — 14 000 семей, Тагильский — 14 000, Коми-Пермяцкий — 3000, Ирбитский — 3000, Тобольский округ — 6000 семей¹⁵². «Всю кулацкую ссылку, — предписывает другой авторитетный документ, — размещать в порядке принудительной колонизации с расчетом использования на лесоразработках и рыбных промыслах. Из высланных организовать особые дружины. Предложить ОГПУ по Уралу при отправке на Север производить особую отборку для Тобольского округа: наиболее здоровых малосемейных и не имеющих детей... Пермской железной дороге немедленно обеспечить по заявкам органов ОГПУ перевозки выселяемых»¹⁵³.

В начале марта 1930 года все пересыльные пункты и железнодорожные станции были забиты жертвами «великого перелома». Нечеловеческие условия транспортировки, холод и неустроенность на местах расселения приводили к жертвам. Особенно среди детей и стариков. СНК РСФСР вынужден был принять срочные меры. «Учитывая опыт отправки первых очередей раскулаченных хозяйств, — предписывает одно из его постановлений, — в целях недопу-

щения впредь ольшого их скопления на путях и перевальных пунктах, признать необходимым производить отправку на места поселения в первую очередь только трудоспособных членов кулацких хозяйств»¹⁵⁴.

История общероссийской крестьянской ссылки когда-нибудь будет написана. В ней найдут отражение и дорожные муки выселяемых. А пока короткая информация из первых рук. После проследования поезда № 1001 (эшелон № 503) по станции Зуевка 5 марта 1930 года кондуктором Зуевского резерва Семякиной Н. найдена на путях станции записка следующего содержания: «Нас везут неизвестно куда по 45 человек в теплушке, на воздух не выпускают, воды не хватает не только умыться, но даже пить, кипятку не хватает, снегу даже не выпросишь. За что нас бросили в этот темный и смрадный вагон, который хуже тюрьмы... Если бы кто мог взглянуть в наш вагон, то каменное сердце и то бы содрогнулось и увидели бы такой ужас, которого не знают дикари. Позор сажать в тюрьму грудных детей, но наш вагон хуже тюрьмы. Негде есть и лечь, мы ехали первые два дня совершенно без воды и кормили детей снегом... Позор вам, культурные люди!»¹⁵⁵.

Своеобразна реакция начальника железнодорожного отдела ОГПУ на это письмо и другие жалобы. Он приказал впредь останавливать эшелоны с выселяемыми только на крупных железнодорожных станциях, а по мере прибытия их на станцию не допускать к ним население и не проявлять жалости.

На наших сельских улицах еще свирепствовало раскулачивание, а в северных районах области уже готовились к приему «гостей». Выселяемые поступали сюда и раньше. Но с середины февраля планировалось массовое прибытие. Найти документальные свидетельства об устройстве и жизни земляков в местах ссылки оказалось очень трудно. Ранней весной на пересыльные пункты, а таковыми в здешних краях стали Соликамск и Тобольск, прибыли сотни эшелонов и этапных партий. Но сложность не в этом. Операция выселения, транспортировки, расселения, равно как и организация всей жизни ссыльных, от-

носились к исключительной прерогативе органов ОГПУ. А их дела и намерения неисповедимы и поныне. Учитывая, что большая часть зауральских выселенцев направлялась на Север через Тобольск, я остановлюсь на организации дела именно в этом округе. Опираюсь буду на документы Тобольского окружкома ВКП(б).

«Наш округ, — информировал райкомы партии секретарь Тобольского окружкома Игнатенко, — является в числе других мест Союза местом, куда предположено большое выселение кулацких семей не только из числа уральских кулаков, но и из пределов других областей СССР. По предварительным сведениям, к нам должно быть направлено до 10—12 тысяч кулацких семейств. На каждый дом в северных районах приходится вселить не менее трех-четыре человек...»¹⁵⁶ Далее секретарь указывает, что вселение кулачества в административном порядке имеет временный характер. Ссылных вовсе не думали оставлять в окружном центре. С наступлением лета планировалась дальнейшая миграция прибывших на Север. Тем более, что у многих из них были «волчьи билеты» почти до самого Ледовитого океана. Но до летней навигации, до тюремных барж, которые должны развезти семьи по глухим закоулкам Приобья, надо было еще дожить. Да и власти уже наливались ядовитыми классовыми чувствами и разогревали озлобленность местного населения. Партийные органы призывали «максимально развернуть массово-разъяснительную работу среди населения районов., добиться, чтобы население к прибытию кулачества отнеслось с наибольшей советской активностью»¹⁵⁷. Под ней понимались чисто деловые отношения безо всякого идеологического послабления и сантиментов. Власти даже опасались, что очень дружественные отношения коренного и ссыльного люда могут создать угрозу обволакивания и разложения аборигенов под влиянием более культурной ссылки.

26 февраля 1930 года Тобольский окружком партии констатирует, что резкое увеличение количества вселяемого в округ кулачества, с одной стороны, и выявившаяся невозможность и нецелесообразность

по ряду существующих причин отправки кулачества на Север до навигации вынуждают разместить основную массу кулачества в пределах Тобольска. Существенные причины состояли в том, что гнать обмороженные до полусмерти колонны дальше на Север было нельзя. Партийное руководство округа поняло всю сложность обстановки и приняло классически сталинские организационные меры. В округе создается чрезвычайная «тройка», разумеется, с чрезвычайными полномочиями. В нее входит секретарь Тобольского окружкома ВКП(б) Игнатенко, председатель окрисполкома Берестнев и начальник окружного отдела ОГПУ Мухачев. Впредь этот триумvirат будет решать судьбу десятков тысяч переселенцев¹⁵⁸.

Новая власть начала с обычного. В течение 48 часов мобилизовали окружную партийную организацию и поставили ее под ружье. Срочно обратились в областной комитет партии с просьбой помочь оружием. Запросили 350 револьверов, 200 боевых винтовок и необходимое количество боеприпасов. Уралобком выделил просимое. Кроме того, окружная парторганизация затребовала специальную группу не менее шестидесяти человек из членов партии и комсомольцев. Причем группу, хорошо вооруженную и мобильную. Нетрудно догадаться, для чего она предназначалась. И, наконец, попросили усилить милицейский корпус округа на сорок человек. В те времена ко всем запросам карательных органов относились с особой заботой и пониманием¹⁵⁹.

В конце февраля — начале марта ссыльные поперли стеной. И со всей Руси великой. «Эшелоны к нам движутся с такой быстротой по времени и с массовым напором, — жалуется в Уралобком ВКП(б) Игнатенко, — что, безусловно, застало нас неподготовленными. Кроме того, мешает страшно чертовский холод, который доходит до 35—37 градусов. Приняли мы этой публики три тысячи семей. Сейчас идет спешная работа по подготовке города Тобольска к превращению его в сплошной лагерь для кулачества. Освобождаем буквально все возможное, даже решили закрыть кино»¹⁶⁰. Прибывших рассе-

ляли в ближайших селах, общественных зданиях и церквях. Относительно повезло тем, кого растолкали по частным квартирам и деревням. В общественных зданиях прибывающие отчаянно мерзли. Новая жизнь началась с массовых обморожений и простуды.

Некоторые партии, по свидетельствам бывших переселенцев, привозили прямо в заснеженный лес и предлагали самоустраиваться. Строили землянки, шалаши и другие временные жилища. Сразу же возникла проблема со снабжением. Не хватало продовольствия и теплой одежды. Особенно жалкими приходили партии, выселенные из ближайших областей и округов. «Ишимский округ отличается в этом особенно, — сообщает сводка о положении дел в Тобольске, — к нам вместо рабочих рук едут голодные рты. Едут дети, старики. Есть случаи выселения девяностолетних стариков и инвалидов». Это что! В Лебяжьевском районе Курганского округа выселяли двух стариков (мужа и жену) Кабановых, которым к моменту наказания было по 105 лет. Сельсоветы ближайших округов, свидетельствует сводка, стремились лишь вытолкнуть выселяемых со своей территории, не обеспечив продовольствием и фуражом. Рассуждали примерно так. В стотысячных толпах всесоюзно сосланных аборигены как-нибудь вывернутся. К тому же на сборных, комендантских и пересыльных пунктах свирепствовало мародерство. Озверевшая в конфискационном пафосе местная комсомолия обирала шествующих на голгофу подчистую.

Государственные и партийные документы всех уровней, касающиеся выселения и расселения кулаков, обращали главное внимание на использование труда полузаклученных. Их расселяли с учетом будущего трудоустройства. Протокол заседаний фракции ВКП(б) Уралоблисполкома от 19 марта 1930 года утверждает общую цифру размещения кулацких семейств в северной части Уральской области по округам и районам — 39 250 семейств. Из них предполагалось использовать: в трестах «Волгокаспийлес» — 10 000 семей ссыльных, в «Камураллесе» —

13 200, в «Уралмете» — 11 100, в «Рыбтресте» — 3000 семей¹⁶¹. Тобольским местным властям предписывалось «принять меры к максимальному использованию прибывающих на работу лесозаготовок, рыбозаготовок, ставя их существование в зависимость от трудовой самостоятельности». Еще за пару недель до прибытия первых эшелонов со ссылкой на человека Тобольский окружком ВКП(б) предусмотрел включить в его объекты максимальное выполнение заготовительных планов, быструю организацию «красного эшелона рыбы» рабочим Урала, организацию соревнования¹⁶².

Для полного использования дармовой рабочей силы Тобольский окружком предложил Уралобкому ВКП(б) утвердить большую программу трудоустройства. Значительную часть выселенных намечалось занять на лесозаготовках и в рыболовецких хозяйствах на нижней Оби. Планировалось и было начато строительство железной дороги Тавда—Тобольск, оборудование тракторов Тюмень—Тобольск и Тобольск—Самарово, Тобольского рыбоконсервного завода. С весны 1930 года партии переселенцев пешком, а с открытием навигации — на баржах, двинулись на Север. Начались дорожные работы. Недалеко от слияния Оби и Иртыша началось строительство нового города Остяко-Вогульска (ныне Ханты-Мансийск).

Направляемых на Север крестьян ждали нужда и голод, произвол и непосильный труд, цинга и повальные эпидемии тифа. В течение нескольких ближайших лет в топях бесконечных тюменских болот и на лесосеках Северного Урала погиб хозяйственный цвет нашей деревни. А вместе с ним и надежды народа сделать жизнь по-русски сытой и свободной.

Уважаемый читатель! Я пока не могу, к сожалению, дать развернутой картины крестьянской ссылки. Ее история, как и история ГУЛАГа, всех партийно-государственных преступлений перед народом, закрыта в большей своей части саваном секретности. Если интеллектуально и морально стойкие клиенты ГУЛАГа, пройдя десятилетия ада, могут еще что-то сказать о преступлениях своего времени, то ужасы,

пережитые покорными и безграмотными деревенскими каторжанами, независимо от того, чахли последние на лесозаготовках или в рудниках, будут известны, вероятно, только богу. Выдрессированные братья след истины с ложенных страниц первоисточников и партийных документов академии от марксизма-ленинизма в такую науку не полезут. Хлопотное это дело. Здесь не до восторгов по поводу гениально сказанного, не до приятных эмоций, способствующих, как известно, активному пищеварению и душевному комфорту. Почти каждая страница теневой информации ввергает в такую нервную дрожь, осадить которую можно только залпом выкуренной пачки «Беломора». Так что этот период нашей социалистической истории ждет здорового и выносливого научного любительства. Неформалов общественной науки.

Трудно определить и общие параметры всей кампании выселения на Урале. Но технически, я думаю, эта задача вполне разрешима. В данной книге исключительно в целях иллюстрации материала даны по-эшелонные графики «отгрузки» ссыльных из двух округов.

Я счел нецелесообразным приводить на десятках страниц подобные графики по другим округам Уральской области. Тем более, что из некоторых округов земляков отправляли в ссылку самоходом, т. е. пешими колоннами и обозами. Порой пешие этапные партии были небольшими, документы на передачу ссыльных в руки ОГПУ оформлялись при этом не столь скрупулезно как при оптовой железнодорожной отправке. Поэтому ограничусь общими сведениями.

Запланированная Уралобкомом ВКП(б) контрольная цифра выселения на Север в 15,2 тыс. семей к осени тридцатого была близка к выполнению. По утвержденным окружными исполкомами отправным документам на безопасный Север столкнули с Урала около 90 тыс. человек. Правда, часть намеченных к выселению успела сбежать. Их настойчиво разыскивали. Одновременно приняли мудрое решение — ссыловать без всяких сантиментов и в первую очередь семьи тех мужиков, которые находились в бегах.

Контрреволюционные мужицкие расчеты на милосердие пролетарских властей оказались битыми. Как и всякое социальное изобретение, указанный ход местных властей имел диалектически разбегающиеся следствия. Отныне убегать стали поголовно, прихватив детей и стариков. А одинокие беглецы потянулись волчьими тропами на Север, чтобы разыскать свои семьи. Там их быстро ловили. В разгар социалистической колонизации Севера ловля беглецов-ссылных стала для его аборигенов наряду с заготовкой пушнины устойчивым и доходным промыслом. Власти платили поштучно и сразу, хвалили и велели приводить еще.

Несколько слов о судьбе третьей категории выселяемых. Этим печальным новоселам родных мест досталось не меньше. Вначале была обычная конфискация и раскулачивание. А потом — необузданный произвол местных сатрапов. Наиболее трудоспособную часть семей сразу же выхватили (в списках — «взят по линии ОГПУ») и мобилизовали, согласно разнарядкам свыше, на стройки пятилетки. Они-то и составили основную часть тех «энтузиастов тридцатых», о которых сейчас тоскует ортодоксально-революционная душа. А обсевки крестьянских семей вытолкнули на худшие земли умирать с голоду. Именно эта часть крестьянства стала первой жертвой надвигающейся голодухи. Часть же обескровленных семей принудительно вывезли во вновь создаваемые совхозы. Судьбами безответных распоряжались, как скотом, перегоняя их толпами из одного района в другой. Юргамышский район Курганского округа. По разнарядке окружкома партии предписано направить в звериноголовский совхоз «Овцевод» 450 человек из числа выселяемых по третьей категории. Заглянем-ка в реестр переселяемых душ, подписанный к исполнению начальником райуправления ОГПУ Буковым. Для подъема общественного животноводства признано необходимым мобилизовать, к примеру, Хлызову Татьяну, 50 лет (Кипельский сельсовет), ее свекра и свекровь, которым на двоих было 160 лет; семью Черепановой Натальи, 47 лет (Кислянский сельсовет), с дочерью 11 лет и сыновьями-погодками 1 и 2 лет;

семейную бригаду Ситникова Якова Филипповича, 73 лет (Убиенский сельсовет), в составе жены 73 лет, снохи и годовалого внука, матери Екатерины Афанасьевны 92 лет. Из 437 человек, отправленных по месту работы — чтобы отвести подозрения в тенденциозности моего выбора — более двухсот детей младше 14 лет и 70 стариков¹⁶³.

В архивных томах по раскулачиванию и выселению, отмеченных красным треугольником сугубой секретности, в этих анналах человеческого маразма можно схватить документальную панораму жестокости. Подлинную картину знает только бог. Но если каждому пострадавшему деревенскому соотечественнику, имеющему честь быть упомянутому в этих документах, отвести в нашей памяти только строчку, одну строчку, книга национальной памяти встанет многотомной номотекой, несравнимо большей по объему, чем все идейно-теоретическое наследие коммунизма. Уральская деревня будет представлена в ней достойно. Только первый этап выселения, о котором идет здесь речь, шаркнул по жизни более 200 тыс. земляков. А была еще необъятная Россия, Украина, Белоруссия... И трехлетняя история выселений впереди, переросшая в голодомор и свирепые тридцать последние.

Документы дают не только реестр жертв. В утверждающих документы инстанциях легко просматриваются все звенья преступной машины. Начиная от местных палачей, готовых из мелочной зависти и властолюбия отправить на плаху соседа, до партийных и государственных должностных подонков, расправляющихся судьбами миллионов человек.

Уникальный мы народ. У нас самые массовые, в десятки миллионов, жертвы. А явных преступников единицы. Легко и оптом списываем все на Сталина. Мертвый тиран не возразит. Но пора, наконец, понять, что в стране государственно-организованной

травли народа есть и преступные организации. Документы свидетельствуют, что в репрессиях против многострадальных моих земляков участвовали правоохранительные органы, комсомол, марионеточные Советы, объединенное политическое управление, больше известное по зловеще звучащей аббревиатуре—ОГПУ. Дирижировала всей этой сворой партия, знамена которой, промокшие от крови и слез народных, и поныне назойливо рдеют в передних углах России.

Ужасы прошлого сделали нас трусливо-шелковыми. Сейчас, боясь себя, осмеливаемся возразить. Когда же у нас хватит ума, чтобы никогда больше не вверять судьбу России в руки проходимцев, неизлечимо страдающих политическим бешенством?

ЧАСИКИ ОСТАНОВИЛИСЬ...

Как пусто все на родине моей:
В полях у хижин — заросли полыни.
В деревне нашей было сто семей,
А ныне нет их даже и в помине.

ДУ ФУ. КИТАЙ.

В идеологически стерилизованной деревне, между тем, развивались драматические события. В начале марта 1930 года вышла статья Сталина «Головокружение от успехов». Очередной политический шаг вождя привел местные партийные и советские органы в шоковое состояние. Их, отдавших созданию колхозов все свои силы, пожертвовавших ради чужой идеи нравственными принципами и совестью, Сталин лицемерно обвинил в левачестве. «Сталин смазывает всю нашу работу, — возмущался один из партийных функционеров Сладковского района, и был в этом далеко не одинок, — обзывает нас головоотяпами, а ведь мы же работали по его директиве и директивам окружкома... Мы крестьянство разорили, довели до нищеты, оно ищет выхода, а мы его не даем»¹⁶⁴. Повторяю, возмущались многие. Однако это было возмущение обиженного раба, а не политическая оппозиция. Низовые партийные кадры были повязаны преступлением перед народом. Ссылаясь на лирические отступления о недопустимости перегибов, предусмотрительно вкрапленные в зловещие центральные директивы, можно было обвинить и подвести под расправу любого, имеющего отношение к социалистической реконструкции деревни. Достаточно заглянуть в страшную бухгалтерную раскулачивания и выселений, чтобы, прикопавшись к какой-либо детали, превратить вчерашнего активиста в махрового политического преступника. Подвижникам скорого социализма была хорошо знакома жестокая машина репрессий. Близкое соседство ОГПУ внушало отнюдь не личную безопасность, а нечто противоположное.

Легко проглотив обиду, все бросились в еще большее и спасительное раболепие. Мгновенно вспыхнула кампания по единодушной поддержке статьи Сталина. Обкомовские верхи шустроотреагировали спе-

циальным постановлением о борьбе с перегибами в коллективизации. Низовые инстанции наперегонки продублировали этот документ.

Мужики, уловив из статьи, что ругают местное руководство за принудительную коллективизацию, дружно побежали из колхозов. Если в начале марта на Урале в колхозах состояло 906 тыс. крестьянских хозяйств, 70% к общему числу дворов, то на 10 апреля осталось чуть более 400 тыс., т. е. 36%. В Курганском округе доля коллективизированного сектора сократилась до 26%, Челябинском — 47, Троицком — 39, Ишимском — 36, Тюменском — 22%¹⁶⁵. Из районов с ужасом сообщали, что выходы из колхозов приобретают масштабы, угрожающие развалом колхозного строительства. Самый типичный пример. В Петуховском районе, входившем в Ишимский округ, за два месяца уровень коллективизации снизился с 69 до 31%. За это время исчезло шесть колхозов, но ни один хозяин не подал заявления о вступлении в колхоз¹⁶⁶. Колхозы отдавали богу душу много быстрее, чем создавались.

Обобщественное имущество растаскивали в момент. Во многих дворах ласково обихаживали и кормили демобилизованную скотину, ремонтировали побывавший в социализме инвентарь. Запустение царило лишь на наспех огороженных колхозных дворах, где жалобно ревел в весеннее небо скот раскулаченных. Чужое имущество, это отмечено даже в ряде донесений, дезертиры колхозного фронта брать бояться или совестятся.

В ответ на угрозы местного начальства мужики совали ему в нос центральные и окружные газеты, где государство беззастенчиво объяснялось в любви к единоличнику. «Наличие 60% единоличников в округе, — писала окружная газета «Красный Курган» в апреле, — говорит о том, что разрешение зерновой проблемы находится в значительной степени еще в руках единоличника-бедняка и середняка. И поэтому всякая недооценка роли единоличника в севе, отказ ему в помощи, в организации — говорит часто о явном недопонимании низовыми работниками задач сева». «Не задерживайте, = призывало ставшее вдруг

ласковым областное земельное управление, — возвращения имущества, скота и средств производства крестьянам, вышедшим из колхозов»¹⁶⁷. «Вырывайте хлеб из земли!» — обращался через газету к деревне курганский окружной прокурор Овечкин. «Советский закон,—блеял он вчерашним жертвам 107-й статьи,— не запрещает крестьянину распоряжаться своими излишками, как он хочет. Всякий крестьянин волен хранить свой хлеб, где он хочет, хотя бы и в земле, но не портить его... Закопавший хлеб в землю должен немедленно его выкопать, не боясь ни ответственности, ни конфискации хлеба»¹⁶⁸.

А выкапывать уже было нечего. Председатель Ишимского окрисполкома Бусыгин в апреле тридцатого взывал о помощи продовольствием. «Люди пухнут от голода и бегут из пределов округа, — сообщал он в облысполком, — необходимо 3800 тонн хлеба до нового урожая для пяти голодающих районов». Голод пришел и в другие округа Уральской области¹⁶⁹.

Итоги политического и экономического авантюризма были очевидны и страшны, многим были ясны и причины приближающейся голодухи. Партийная номенклатура начала лавировать. Козлом отпущения избрали «левых загибщиков», еще вчерашних героев ускоренной коллективизации. Чтобы сбросить пар социальной напряженности в деревне, власти пошли на тайные кадровые рокировки. 8 апреля 1930 года Уралобком ВКП(б) разослал по окружкам секретное письмо, содержание которого не требует комментариев и выдает основополагающие принципы нашей кадровой политики. Вот текст письма: «В процессе коллективизации отдельные районные работники в связи с перегибами и ошибками, допущенными в этой работе, настолько дискредитировали себя в глазах населения, что дальнейшая их работа в этих районах навряд ли возможна и целесообразна. В то же время часть из них в другом месте могла бы быть использована на работе примерно такого же характера. Поэтому оргинструкторский отдел считал бы необходимым переместить скомпрометировавших себя работников в другие районы или округа»¹⁷⁰. Работу «примерно такого же характера», как раскулачивание и

выселение, партий не собиралась списывать в историю. Жестокость еще долго будет определять политическую и хозяйственную атмосферу в деревне. Потепление было тактическим. Надо же успокоить голодного мужика и переждать, пока он разбросает семена. Не собирались и совсем распускать колхозы. Во многие села приехало новое и дружелюбно улыбающееся партийное начальство...

Высшие партийные и судебные органы отступали, как и положено, последними. Областное партийное руководство предупреждало, чтобы на местах не очень широко ставили вопрос о добровольности вступления в колхоз. Демократия демократией, но никто не хотел терять голову за развал колхозов. Прокуратура даже огрызалась. «Во всех случаях агитации за выход из колхоза и разбор обобществленного имущества, — страшал областной прокурор Пальгов, — привлекать кулаков к уголовной ответственности по статье 58-10-й УК. Лиц, не относящихся к кулакам, — по статье 90-й УК через статью 17... Участников самовольного разбора обобществленного имущества — по статье 90-й УК. Следствие по указанным делам проводить во внеочередном порядке, максимум в течение трех суток»¹⁷¹.

Перед самой посевной государство прямо-таки рассыпалось в уважении к единоличнику. Классовая ненависть к мужику, живущему в достатке, сменилась заискивающими просьбами сеять больше. Постановлением Уральского облизполкома от 18 апреля 1930 года, принятым, конечно же, с подсказки из Москвы, на единоличника обрушилась лавина государственной ласки. Местные власти обязали наделить землей всех единоличников. К тому времени самые строптивые из них и работающие посредством бойкота и других кар были ссажены с земельных наделов. Многие потеряли землю в результате колхозного землеустройства. Колхозам предоставили лучшие земли из ранее обрабатываемых единоличниками. Вместе с государственной благотворительностью до каждого двора довели индивидуальный план посева, уклоняться от которого не было предоставлено. Под эти планы единоличникам выдавались необходимые для посева

семена из отобранного у них же раньше хлеба. Если таковой уже был вывезен или съеден, выдавалась семенная ссуда. Но обязательно под план посева. Обласканному хозяину разъяснили, что лишняя площадь посева по сравнению с предшествующим годом не будет облагаться налогом. Наоборот, при сокращении посева сельскохозяйственный налог останется прежним. Дабы исключить классовую свару по поводу изъятия будущего урожая, вводилась принудительная контрактация посевов. Уклонение от таковой, повторяю, лишало хозяина всех государственных милостей и вызывало известную реакцию известных органов. Эволюция превращения сельского хозяина в колхозного раба имела, таким образом, свою переходную форму — политически послушного единоличника.

Те же мысли в умах нынешней агробюрократии. Понимание безысходности колхозной агонии, поставившей страну на грань очередного голода, заставляет вспомнить о старательном и послушном единоличнике. Местную популяцию единоличника мы вывели начисто. Правда, дотошные тележурналисты находят в темных щелях России их реликтовые единицы, но они давно потеряли позывы к размножению. А посему, раз приказано, разводят в пробирках американский вирус фермерства. Рискованных деревенских предпринимателей мы знаем лично и поштучно. Телевидение не сводит с них камер. Они основной момент нынешней деревенской экзотики и натуральный показатель прогрессивных устремлений начальства. Вчера отчитывались за бригадный подряд, нынче подавай всем фермеров.

В отличие от другого американского подарка — колорадского жука, по-хозяйски освоившегося на картофельных огородах России, — бацилла фермерства дышит на ладан даже в тепличных условиях. А ядреную советскую действительность, круто замешанную на явном произволе всех, от Совмина до колхозного бухгалтера, не переносит вовсе. То тут, то там по Зауралью встает на дрожавшие от слабости ноги единоличное мужицкое хозяйство. Но как только гаснет защитный свет телестудийных юпитеров, на

загрибок новоявленного фермера взлетают все вурдалаки советской агробюрократии.

Односельчане смотрят на фермерство, как на острое проявление мужицкой дурашливости. В большинстве своем они остаются верными колхозно-застойному принципу «не объегоришь (государство, разумеется) — не проживешь!» Но каждый день, видя раннюю суету впавших в чуждую идеологию соседей, дружелюбно и участливо осведомляются: «Как дела, кулачье?»

Удачно выразил хозяйственную ситуацию тридцатого года курганский крестьянин Фролов, чьи слова приведены в информационной сводке окротдела ОГПУ, как пример подозрительной мужицкой двусмысленности. «Статья товарища Сталина поддержала мужиков, нынче мужики будут сеять. А если бы не статья тов. Сталина, — продолжал земляк, явно забирая не в ту степь, — то вся наша деревня была бы в колхозе и все кони пропали бы. А теперь мужики вышли на 100% из колхоза». Отечественный крестьянин лишен всякой меры в проявлениях своих мыслей и чувств. Это, видимо, в нас природное. От безмерности естественных условий русской сельской жизни, воспитывающих в мужике уникальное сочетание живой сообразительности с одичалостью поведения. Ограничься тот же Фролов первым предложением, глядишь, взлетел бы в «выдвиженцы». А при нашей железной номенклатуре это легкий кусок хлеба на всю жизнь. Нет, понесло куда-то...

Льготы и посулы не возымели должного действия. Единоличник не спешил тянуть хомут государственного плана и контрактации. Да и не мог. «На шестьсот домохозяев, — привожу типичный для сводок ОГПУ пример из Ключевского (под Курганом) сельского Совета, — только триста лошадей, на два хозяйства одна лошадь. Третья часть лошадей совершенно не ходят, до сих пор не подкармливаются, нет кормов». Из всех округов и районов печально сообщали, что засеять плановые площади вряд ли удастся. Лошади повсюду голодные и заморены¹⁷³. Когда надо было заготавливать корм, мужиков терзали многочисленными собраниями, бойкотами, штрафами

и судами. А пожар раскулачивания сделал обнищавшие деревни необратимыми. Теперь ей и без государственного хомута трудно было вылезть из нищеты.

Вышла накладка и с семенами. Их еще с осени отобрали у единоличников под вывеской создания гарантированного семенного фонда. Фонды отвезли на железнодорожные станции и превратили фактически в страховой запас на случай невыполнения плана хлебозаготовок. Теперь семена нужно было вывозить обратно. Сделать это должны были мужики. Да! И за наличный расчет. Сейчас колхозам привычно продавать хлеб осенью по дешевке, а потом, в марте, вывозить его, покупая у государства на комбикорм в два раза дороже. А тогда мужики долго ерепенились.

«У нас нет денежных средств, и закупать мы не будем. Они сумели взять хлеб, так пусть и привезут его нам, а то и сеять не будем». (Варгашинский район).

«За семенами в Курган ехать трудно, да еще скорее деньги подавай за семена. Вот так нашего брата-мужика накрывают. Это им ладно!» (Утятский район).

«Мы свои семена осенью увезли на станцию Лебяжье, так пускай нам их теперь привезут, а сами мы не поедem... К тому же лошади плохие — не идут, овса нет и кормить нечем». (Половинский район)¹⁷⁴.

Съездить заставили. Сеять тоже. Но сеял единоличник безо всякой надежды, что убирать придется свой хлеб. Время на дворе смутное и непредсказуемое. По-прежнему хотелось в поту трудиться на себя и в достатке жить. Но страшилась судьба сосланных. А на соседнюю полосу, проспав, с апатией и ленью подневольного человека выходил колхозник.

С апреля 1930 года начала отсчет бесконечная история совершенствования наших колхозов. Шестьдесят лет мы упрямо учим хозяйствовать экономически дебильное дитя сталинского произвола. Весной тридцатого вышло специальное постановление ЦК ВКП(б) и принят новый закон о едином сельскохозяйственном налоге, которые предусматривали предоставление колхозам солидных материальных льгот.

С позиций господствующего казенного интереса кажется, что государственная дотация всего является первым условием экономического прогресса. Хотя по отношению к колхозам давно пора понять, что не в коня овес.

Тем не менее весной тридцатого провели землеустройство в пользу колхозов. Единоличников столкнули с хороших земель за пределы обобществленных наделов. Умышленно забыв это, статистика впредь будет политически спекулировать более высокой урожайностью колхозных полей по сравнению с единоличными. Учитывая экономическую дистрофию колхозов, их перевели на льготный налоговый режим. На два года освободили от налогового обложения весь обобществленный в хозяйствах скот и скот, находящийся в личной собственности колхозников. Материально стимулируя активную политическую позицию последних, освободили от налога даже принадлежащую им птицу. Самим колхозникам предоставили кредит на 500 млн. рублей и отложили на год оплату просроченных ссуд. Короче, приняли меры по нынешним временам обычные и совершенно бесперспективные. Их-то глупость оправдана отсутствием исторического опыта, доказывающего полную невозможность превратить замордованную колхозную лошадь в Пегаса, а колхозного раба в хозяина.

Колхозы создавались не по Чаянову, а по Сталину. Знакомому с экономической теорией К. Маркса ясно, что политика может бежать только впереди бесхозяйственности. Правда, далеко не каждый это скажет вслух. С первых же шагов экономической деятельности принудительно обобществленная деревня явила такую ужасающую бесхозяйственность, на которую способен только колхоз. Тем, кто не знает колхоз в лицо или, воздев руки к произведениям классиков «социалистического реализма», скулит о колхозном энтузиазме тридцатых и святости всего прошлого, приведу документально точный и типичный лубок из розовых времен коллективизации.

«Хранение сельскохозяйственных машин и орудий самое бесхозяйственное...

Посевы 1929 года произведены с расчетом на количество гектаров в ущерб самой примитивной технике обработки. Огромное большинство посевов льна, овса и пшеницы оставлено не заборонованными, в результате лен погиб...

Никакой охраны посевов не было. Ухода за посевами тоже...

Урожай картофеля около 100 центнеров был помещен в заведомо ненадежное помещение, отчего зимой замерз...

К уборке сена приступили с опозданием. Продавались покосы за наличные, вырученные деньги были пропиты...

Скот чрезвычайно изнурен, слабых годовалых телят умышленно кололи под предлогом замены простой породы...

В свиноводстве пало за год 41% поголовья... Из 964 штук курей пало 147. За четыре месяца 1930 года от 800 кур получено 160 яиц...

Полуразрушенные постройки, изгороди, необранные кучи навоза, утильсырья создают впечатление только что пронесшегося урагана...»¹⁷⁵

Хозяйственный пейзаж, подлинник которого хранится в Тюменском партархиве в виде акта проверки ишимской коммуны «Искра», может и облегчит недуг ностальгии по массовому трудовому энтузиазму. Но не удивит нынешнего колхозника. Время давно застыло в колхозе. Те же планы, телогрейки, резиновые сапоги и фундаментальный мат. Те же шумные политические кампании посевных, уборочных и зимовок, без которых, вероятно, колхозники и скот перемрут от идеологического истощения. Бесхозяйственности стало больше, но глаз к ней уже привык. Более того, осевшие и прогнившие дома, развороченные околицы, остовы брошенной сельхозтехники, утопающие в навозе фермы образуют, так сказать, природно-социальный ландшафт нашего детства, юности, зрелого бытия и сливаются в сознании с понятием водины и еще чего-то почти святого. Мой половник

ский друг Иван Кичигин, выехав ненадолго в город, видит во сне старую колхозную конюшню, соломенную крышу которой лошади объедают к весне до звезд. У многих сельчан забьется радостно сердце, когда на горизонте появится знакомый с детства силуэт покосившейся водонапорной башни или пустой и брошенный, как церковь, кормоцех.

К своей первой посевной колхозы тридцатого подошли только с планами. Семена из предусмотрительно конфискованного хлеба выдало государство. Нагрузка на колхозную лошадь, не привыкшую еще к своей высокой общественной миссии, составила 10—15 гектаров. Подобное немислимо даже для «сознательной» лошади. По интенсивности она уступает только нагрузке на послевоенную колхозную бабу и, независимо от погодных условий, гарантирует голод. Так было в начале тридцатых. Так было в срок шестом.

Колхозный строй требует всеобщего самопожертвования. Рабское унижение собственных потребностей перед государственными стало нашей идеологией, нравственностью и экономикой. «Никакие трудности нас не остановят, — это фрагмент выступления на съезде колхозниц Курганского округа весной тридцатого года, — хотя бы нам пришлось для этого до минимума урезать свой паек. Нас и голод не страшит, сознавая, что мы строим социализм в нашей деревне»¹⁷⁶. Печать и официальная пропаганда ставили самопожертвование выше здравого смысла и гуманизма. Из всеобщей нищеты стали делать культ.

Аскетизм мысли и дела. Только утопист и диктатор могут поставить самоотречение и бедность в основу общественного прогресса. Первый ждет от гражданина обета нищеты во имя светлых идеалов будущего. Сталин был классическим диктатором, поэтому хорошо знал, что добровольно из русского крестьянства не сделать новых францисканцев — нищенского ордена социализма. Чтобы мужик не тянул впредь из колхоза и даже ужасался подумать о сем, в тридцать втором году его жизнь приравняли к горсти зерна. По печально известному указу «о пяти колосках». А в тридцать пятом приняли новый устав

колхоза, по которому принудили крестьянина работать на государство от зари до зари. Колхозная «самостоятельность» надежно защищала крестьянина от элементарных требований трудового законодательства. Равно как и колхозную нищету от государственной заботы. Постепенно лишили сельчан гражданства и права передвижения. Беспашпортный мужик даже для кратковременного выезда из села должен был просить разрешение и соответствующую справку в сельсовете. В обновленной деревне не осталось места для крестьянина, гражданина и хозяина. Вся жизнь сельского человека от раннего детства до смерти свели к убогой социальной функции советского крепостного — выполнению государственных планов. Стомиллионное крестьянство загнали в экзотический концлагерь — колхоз, огороженный колючей проволокой уголовно охраняемых запретов. Внутри творилась эксплуатация и зло. Во внешне-советских атрибутах колхозной жизни лицемерия не меньше, чем в почерневших от времени призывах крепить соцсоревнование, которое увидит всяк допущенный в надымских лагерях пятьсот первой сталинской стройки.

Колхозы созданы насильем. Поэтому они и разваливаются пропорционально ослаблению государственного произвола и либерализации общества. С конца пятидесятых годов, со времени свободной выдачи паспортов молодежь отчаянно бежит из села. С ослаблением директивного контроля за деятельностью колхозов растет бесхозяйственность и дезорганизация производства. Они вырождаются в олигофренов. Хилые рабочие органы колхозов, движимые престарелым деревенским пролетариатом, уже не в состоянии прокормить ни собственный развитый конторский корпус, ни, тем более, государство.

В колхозе конца пятидесятых я работал в меру подростковых сил. Колхозную жизнь шестидесятых тоже знал. Заставляла беспокойная участь литсотрудника районки. Помню, как первый секретарь райкома партии разносил зазевавшегося председателя колхоза. «Если завтра же не распашешь выгон, — бил он в полированный стол кулаком, — вы-

ложишь сюда партбилет! Завтра же! Сам проверю». Нынешний председатель, может быть, и выложил бы, а тот опахал деревню под самые огороды. То были хрущевские времена, полные обещаний скоро и досыта накормить народ исключительно общественным продуктом. Индивидуальное хозяйство признали несовместимым с моральным кодексом строителя коммунизма. Всем известно, что из этого вышло.

Года два спустя те же персонажи смотрели на мир совершенно иначе. Однажды, подъезжая к деревне, партийный лидер увидел скот, пасущийся на колхозной кукурузе. На месте прежнего выгона. «Что же, дорогой, — спросил он строго у председателя, — у тебя частные коровы на колхозном откорме?» «А это полещкие, — нашелся тот, — дикие». Первый нашел шутку очень вялой. В машине все угодливо расхохотались.

Колхоз запойных семидесятых видел изнутри, из окон ремонтируемых ферм и со срубов возводимых домов. На дворе стояло время временщиков. Деревню кормили бумажной соломой пустых капиталовложений и неотоваренных кредитов. Сколь-нибудь путное местное руководство в меру изворотливости и риска, переступая с холодком меж лопаток инструкции и циркуляры, пыталось обратить государственную бумажную милость во что-то материально-полезное для деревни. Преобладающие временщики сорили деньгами направо и налево. Цвели бесхозяйственность, взятки, коррупция и пьянство. Не удивительно, что злые споры процветающей советской мафии ожили в социальном навозе семидесятых. Угробленные деньги не дошли до сельчанина и не сдвинули с места омертвевшую сельскую экономику. Зато резко рванулась вверх себестоимость. Деревня платила за все астрономическими долгами.

Я говорю об общей тенденции. Может быть, где-то нечаянно и построился развитой деревенский социализм. Только не в Зауралье. Долги хозяйствам недавно списали. Реабилитировали не колхозников, они-то здесь ни при чем, реабилитировали хозяйственную и управленческую бестолковость застоя.

Чтобы отлегло на душе у ее персонально пенсионерствующих авторов.

Кстати, о них. Перестройка семидесятых сменила железную распорядительность наддеревенского начальства на барскую снисходительность невежественного и богатого абсолютизма. Да простит меня читатель за лирическое отступление, ибо документально сухая часть книги прозаически печальна. На организованные за счет наемных бригад коллективные пьянки в честь Дня строителя — устойчивая традиция застоя — слетелся весь руководящий паноптикум. Нам налегать на спиртное местное начальство не рекомендовало, берегли для ублажения гостей рассказами об экзотической университетской жизни и московскими анекдотами. Поэтому помню многое и детально. Да и как это забудешь.

...Областной сановник из тех, что имеют право ставить задачи и решать вопросы, долго, раскачиваясь и целясь одним глазом, пытался достать муравья, попавшего в стакан с коньяком. Осилев сие, он обсосал палец и возжелал видеть лезгинку. Заиграла армянская свирель. Наемники-южане и местный генералитет пошли по кругу с шампурами в зубах. Главный гость ерзал по пню и, уперев мутный взгляд в хляющий зад поварихи, орал: «Пошевеливай, Дуся!» Скоро он устал, пропустил тяжело очередную и подытожил: «Хорошо гудим! По уму-у!» И отключился. Черную «Волгу» вместе с сомлевшим хозяином артелью вынесли через грязь на грейдер.

Недавно, когда эта книга была почти готова, я выехал в родные места, чтобы познакомить земляков с ее материалами. На районной автостанции, как и договорились, меня ждала колхозная машина. Через полчаса мы были на месте. На крыльце конторы зябко топтались мужики, у МТМ рвал утренний воздух «пускач». На изломе улицы, у магазина, сидели на винных ящиках старушки в ожидании — слава богу, дорога подсохла — машины с хлебом. Деревня по-прежнему жила в ленивой надежде на государственное хлебообеспечение и переходила в распутицу на сухари. Рядом с магазином красовалось мое дети-

ще — кирпичный дом с фирменным орнаментом в елочку. «Заглянем на ферму?» — попросил мой извозчик. «Давай».

При виде нашей машины из «Белого дома», так окрестили контору МТФ, вылетели доярки и зигзагами нырнули в огороды. «Стебанули после дойки», — проинформировал меня шофер. В красном уголке с подозрительно кислым запахом остались три женщины. Одна из них что-то шустро сбрасывала под оторванную половицу. На стук двери она огрезвляюще встряхнулась. Потом, узнав во мне недавнего шабашника, расцвела: «Сан Саныч, привет!» — и, лихо топнув, выдала, как последний крик души:

Часики остановились,
Гирька до полу дошла.
У меня никто не просит —
Видно, старость подошла.

Люба, Люба! Куда уж нам уж. С хромовыми-то физиономиями и шершавыми от нужды сердцами. О нас ли разговор? Ты позавидуй, дорогая Люба, нашей деревне. По сравнению с ней ты еще молодуха. А ее насилюют шестьдесят лет кряду. Все подряд. И не спрашивая. Скоро, наверное, и твоя седая деревенька отдаст богу душу в последних муках. Останется только запущенный погост. Как это случилось с Григорьевкой, Наббково, Носково, Русским... А сколько таких погостов на Руси?

Эта книга не против колхоза. Бог ему судья и колхозники. Она против советского феодализма, освященного политической демагогией. Той системы крепостного хозяйства, что держит народ в неустойчивом балансе между голодом и нищетой и, подавив в соотечественнике личность и хозяина, обязывает еще и гордиться собственной убогостью. Системы, которая низвела великий народ до нищенства у храма зарубежного благополучия. Слава богу, нам еще подают с истинным сочувствием. Как погорельцам или жертвам природной стихии.

В Англии король управляет королями, — заметил когда-то один английский путешественник, — во

Франции король управляет людьми, в Германии человек управляет скотиной, в России — скотина командует скотиной. В этой мысли, если даже принять во внимание британский снобизм, есть известная доля истины. Отечественная деревня фатально обречена кровью и потом оплачивать счета суетливых российских сатрапов-реформаторов. Все равно, отстаивали они высокие дворянские идеалы, или смертно утверждали вечно живые идеи коммунизма. Ярмо мнимого общественного прогресса неизменно тянули загнанные в скотское состояние труда и быта поэтические Иван да Марья.

Зря мы, уверен, жалуемся на правовое бескультурье и хозяйственную пассивность нынешнего деревенского жителя. Снисходительность, с которой его осыпают прогрессивными законами о земле и фермерстве, только разжигает в нем благоприобретенную подозрительность к власти. Каждый знает, что в России демократия всегда остается лишь легким, как февральская оттепель, капризом и дальше умильных речей царя не идет. Потом снова приходят тридцатые, сороковые, пятидесятые... Чем шире наша демократия, тем она короче. И злее в эпилоге. Посему большинство сельских земляков не испытывают в очередной раз судьбу и предпочитают тянуть с умирающего колхоза то, что осталось от государственного оброка. А самые преданные с приятным искательством в глазах жмутся к начальству, твердя как в далеком 1861, — нам земля ни к чему, мы и под барином согласные ходить, лишь бы не очень лютовал.

Морили деревню продрозверсткой, обирали натуроплатой МТС и госпоставками, чистили как леща госзаказами. Сейчас реанимировали хорошую в свое время идею продналога. Но мужицкий ум бьется в упрямой мысли. Почему свежая демократия опять тянет с деревни? Почему нет товарного, строительного, промышленного, к примеру, налога в пользу деревни. Почему надо платить только за то, что работаешь на земле?

Как и в двадцать восьмом, село опасно движется к рецидиву натурализации. Хозяйства, уловив административное послабление, отказываются от плановых поставок. Какой смысл сдавать продукт за соломенные, морально одряхлевшие деньги? И, следовательно, производить. Государственные элеваторы полупусты. А в закромах колхозов и совхозов, где десятилетиями хозяйничали тощие крысы, зерна под крышу. Ни рабочих рук, ни техники для подработки зерна нет. Раньше в этом, философски обобщая, не было исторической необходимости.

Политическая и экономическая смута толкают хозяйства в коммерцию бартерных сделок, где деревенских негодяев нещадно греют монопольные городские снабы и сбыты. «Выменял трубы на мясо, — грустно делится новостями председатель из Целинного района, — кило на полкило. Ну, добавили еще немного зерна и масла. Но трубы — во! — полез он в фальшивый мажор, — от ракетных установок. Вот придумаем, как их соединять и сварганим водопровод на века. Как в Риме!»

На часах российской истории давно двенадцать. Кто-то поднимет их уставшую гирию? Будут ли они показывать впредь обычное вселенское время от рождения Христа, или по-прежнему отбивать ударные пятiletки от семнадцатого года? А пока... Идеино сильные демократы творят ажурные поднобелевские программы хозяйственного возрождения. Сильные силой правые, скептически улыбаясь, призывают к наведению нормального гарнизонного порядка. Поговаривают о создании продотрядов. «Хлеб-то все равно отберут, — неожиданно вмешалась в мои рассуждения мама, — а высылать из деревни не будут. Некого. Теперь примутся за городских, сошлют самых этих демократов на высылки. Как бы ты, сынок, не доляскал».

Успокойся, читатель. Будем жить с верой в лучшее. Да и откуда знать восьмидесятилетней женщине, что ждет нас впереди? К тому же она совершенно неграмотна, провела всю жизнь в деревне, а телевизор теперь только слышит.

МАРШ ЭНТУЗИАСТОВ

Большое это дело — жизненный опыт! Мама снова почти права. Пишу эти строки под впечатлением недавнего партийно-государственного путча. Над облсоветом — национальный российский флаг. Может, даже тот, с которым мы вышли колонной «Демократической России» на нынешнюю Первомайскую демонстрацию. Ожидавшие иного поворота коллизий местные власти попали в пиковую ситуацию. Как диссертант по истории КПСС, выскочивший на защиту после неожиданной смены партийного лидера. Тоскливо, без торжественных штор смотрят в площадь окна опечатанного и пропахшего бумажным дымом здания обкома партии. Плакатами хулиганского содержания оклеен даже святой монумент. Плавающий над голубыми елями пепел резолюций навевает ностальгию подобно известному полотну русского передвижника. Все в прошлом...

Да, основательно встряхнули нас эти дни. Перспектива испытать все прелести политических репрессий на собственной персоне засветила и автору труда сего. Активное участие в демократическом движении придавало криминогенному восприятию советской истории рецидивный оттенок и значительно упрощало юридическую процедуру мести. Политический передел сулил многим «веселую» жизнь. Стукачи идеологического отдела скрупулезно фиксировали каждого выступающего на свободных митингах, консультируя компромат впрок. Не зевали и профессионалы политического сыска. Осознанная, может быть, впервые, боль за судьбу России, ее нынешнее и будущее поколения сделала соотечественников радикальными и смелыми. Не только в словах. В самый разгар путча даже провинциально тихий Курган вышел на митинг протеста. Среди возмущенных не было только партийно-советской элиты, та выжидающе

пала на дно. Всплыла она позднее в президиумы собраний и сессий, обсуждающих последствия политической драмы. Где как, а у нас в Зауралье второе пришествие областной администрации сложилось удачно. Двусмысленные призывы к спокойствию в самый отчаянный момент нашей истории махровокрасный облсовет выдал за факт государственной мудрости и национальной преданности. Надо было видеть, с каким упорством и организованностью безработные партийные лидеры оправдывали трусость лидеров советских. Сессия была совместной с горсоветом, в коем возобладали демократические тенденции. Ну и поперли же «наши» городских! Голосовать остались только самые преданные из областных. Расходились по машинам веселые (демократы! — бы-гы-гы!) с отвоеванной верой в светлое будущее. Заглянем в него и мы, памятуя, что по советским стандартам светлое будущее есть хорошо прикрытое темное прошлое.

Кампания массовых выселений кипела до конца тридцать третьего. 8 мая этого года вышла «Инструкция всем партийно-советским работникам и всем органам ОГПУ, суда и прокуратуры», подписанная Сталиным и Молотовым. «Теперь задача состоит в том, — фиксирует документ, — чтобы пойти навстречу растущей тяге единоличных трудящихся крестьян в колхозы и помочь им войти в колхоз, где только они и могут сберечь себя от опасности обнищания и голода. ЦК и СНК считают, что все эти обстоятельства создают в деревне новую благоприятную обстановку, дающую возможность прекратить, как правило, применение массовых выселений и острых форм репрессий»¹⁷⁷. Тут же установлена пониженная квота выселений на текущий год — 12 тысяч крестьянских семей. Алмазных граней этого документа мы еще коснемся, а сейчас остановлюсь лишь на одной интересной подробности. Инструкция предупреждает, что впредь совать револьвер под мужицкий нос имеет право не каждый активист, а только тот, кому это положено. Поводы к применению сей действенной меры воспитания документ не регламентирует,

Обстоятельства для прекращения репрессий, в самом деле, были благоприятными. В издыхающей от голода деревне царила святая нищета. Сколь-нибудь способные к труду мужики и подростки уже давно ходили в «энтузиастах» на лесосеках и шахтах второй пятилетки. В тридцатом первая волна массовых репрессий вынесла на север области более четверти миллиона человек. По самым первым подсчетам автора (только крупные кампании), к лету тридцать третьего на Урале находилось более миллиона спецпереселенцев и принудительно мобилизованных. Живописать все кампании выселений не имеет смысла. К слезам и чужому горю быстро привыкли, считая их естественным фоном классовой борьбы. Документы на очередные погромы подписывали уже вторые лица в ЦК и СНК. Классовая селекция деревни стала заурядным элементом партийной работы на местах, менее трудной, чем, скажем, хлебозаготовки. Сельские Советы, рационализируя дело, завели списки кулацкого резерва на предмет быстрого реагирования. По мере укрепления социалистических начал ползли и классовые критерии. Раскулачивание и выселение стало действенным средством нагнетания массового энтузиазма в хлебо-, мясо-, масло-, льно-, молоко- и других заготовках.

Когда безысходно отощал слой единоличников, насели на колхозы. Лидерами коллективного этапа на Урале стали колхозы «Красный партизан» и «Светлый ключ» Манчажского района, удосужившиеся выдать по трудодням не отходы, а зерно. Вдогонку пустили членов артели «Любители труда» Шалинского района, коих обвинили в том же и определили для здорового увлечения колонию ОГПУ. Оставим пока эту тему для второй части книги, посвященной внутренней жизни агроулага.

Связать изложение вопроса о судьбе сельских переселенцев с массовым энтузиазмом времен индустриализации автора заставляет элементарная гражданская и научная совесть. Мы в двойном и преступном долгу перед миллионами жертв коллективизации, вынесшими сначала горе неслыханного разорения и произвола, а затем и непосильную принудило-

ку индустриализации. Официальная историческая наука, писанная с фальшивых партийных отчетов и передовиц «Правды», обошла стороной подлинных героев-великомучеников отечественной истории. Из лжи о коллективизации с «массовым колхозным движением» выросла ложь об индустриализации с «массовым героизмом трудящихся». «В буднях великих строек, — заходится в пафосе раззолоченный академический фолиант «История советского рабочего класса», — раскрывались неисчерпаемые потенциальные возможности класса-гегемона, его способности и таланты...» В годы индустриализации, отмечается далее, ярко проявились такие черты трудящихся, как «высокая ответственность за судьбы социализма, выдержка и трудовой героизм, упорство и настойчивость, сплоченность и взаимовыручка»^{17,8}.

Не иронизируя по адресу Стаханова, Изотова, Ангелиной и других идейно экзальтированных персонажей тех лет, смею, однако, утверждать, что истинным героем индустриализации был репрессированный деревенский мужик. А фантазии о классе-гегемоне отнести на счет дубленой совести гегемонов от науки.

Не будем с ходу опровергать нас возвышающий обман. Да и жалко расставаться с золотым сном, где изящные девушки в полосатых кофточках лихо управляют с колхозными тракторами, а парни с мужественными, как у Евгения Урбанского, лицами самозабвенно истязаются в кубометрах, тоннах, замесах. Где усатый и добрый рабочий, штурмовавший когда-то Зимний и Перекоп, передает опыт восторженному комсомольцу. Для начала констатируем документально засвидетельствованные обстоятельства.

С 1929 по 1933 год число занятых в промышленности Урала возросло более чем в три раза. Менее 20% прироста обеспечено свободным наймом коренного городского населения. Остальные — спецпереселенцы и принудительно мобилизованная деревенщина. Ну и, это естественно для отечественного социализма, заключенные. Данные получены по общепринятой в современной науке методике, т. е. взяты не из хозяйственных отчетов, а из провалов стати-

стической памяти. Короче, из засекреченного в делах Уралобкома ВКП(б) общего числа занятых вычтено легально доступное по документам Уралтруда число лиц свободного найма. К концу первой пятилетки деревенские иммигранты обеспечивали в уральском регионе 80% лесозаготовок, более 60% добычи угля и руд...

Историю «массового трудового героизма» открыли не коммунистические субботники. В изначальном варианте они носили откровенно декоративный характер истеблишмента для нарождающейся партийной элиты. Прилюдно повозиться с лопатой и носилками единожды в год — вполне сходная, согласитесь, плата за авторитет народного руководителя. В брежневские времена идею субботников реанимировали в массово-принудительной форме. На дворе бушевала юбилейная шизофрения, и обойти такое событие не могли.

Уникальные условия сей партийной затее открыла коллективизация. С миллионами бесправных жертв, определенных в спецпоселки и колхозы, начали по-крупному и по-черному игру в массовый энтузиазм. Трудовой ритм Освенцимов, Соловков, Лагов и им подобных дьяволоугодных заведений почти общеизвестен. Плац — труд — плац. С неизменным музыкальным сопровождением вечерних проверок. Репертуар — в зависимости от оттенка местного фашизма. Коричневые предпочитали Рихарда Вагнера, красные — Исаака Дунаевского. «Труд освобождает», — писали первые на вратах ада. «Труд есть дело чести, дело славы, дело доблести и геройства», — издавалась над смертниками отечественных лагерей обязательная наглядная агитация. Технология лагерного содержания советских трудящихся отражена пока только в беллетристике окончательно выживших из коммунизма и беглых диссидентов-зеков. Документальные свидетельства хранятся в глубоких сейфах как неприкосновенная историческая ценность социализма и оригинал обвинительного заключения по его делу. Лежат, видимо, до прихода союзников.

В марте 1933 года в адрес Нижне-Туринской исправительно-трудовой колонии поступил эшелон за-

ключенных из Магнитостроя. Этапирование заключенных, перехожу на дословное изложение отчета облпрокурора Виноградова, «произведено преступно небрежно. Подобное обращение и отношение к людям трудно себе представить. Совершенно больных людей привозили на автомобилях и бросали в вагоны. Среди указанных людей были ударники, выполняющие норму на 100—120% и более. Больные с температурой направлялись в этап, и никто с этим не считался. Люди стали сразу же умирать — в вагонах, тут же на станции Магнитогорск. Условия перевозки не содержали элементарных правил этапирования. Вагоны были совершенно не оборудованы, были лишены самых примитивных удобств, плохое снабжение топливом, дурно приспособленные печи, плохое снабжение даже питьевой водой, не закрыты люки, отсутствовали паразиты и т. д. По заключению врачей, больше тысячи человек из прибывших живыми в Н.Туру не смогли следовать этапом. Люди выползали из вагонов редко без посторонней помощи...»¹⁷⁹.

«В прибывшем эшелоне из Магнитогорска, — теперь по документу ОГПУ, — привезено 18 групп, при выгрузке умерло еще 15 человек, в ночь умерло еще 60 человек... В бараках мертвых ложили вниз, а на них умирающих, и так продолжалась укладка...»¹⁸⁰. При актировании мертвых и снятии с них одежды, повествует жуткий документ, двое оказались живыми. Они были отнесены в ванную, где продолжали оставаться живыми еще десять часов.

Все выше и выше, и выше на север тянулись эшелоны с людскими отходами социализма. Здесь, в упрятанных лесами колониях звучал финальный аккорд марша «энтузиастов». Заканчивался живой конвейер индустриализации, начавшись в разграбленной деревне. Между его полярными точками укладывалось полтора-два года «массового трудового героизма», на истинном смысле которого мы остановимся детальнее.

Глупо было бы исходить из благоприятствующего трудовому энтузиазму психологического комфорта ссыльных. Наоборот. Их лишили земли, результатов труда своего и многих родительских поколений, ли-

шили Родины — велика Россия, а Родиной всегда остается место рождения и детства — жестоко изуродовали и развеяли по миру семью. Что еще нужно человеку для предельного озлобления души? Какое надчеловеческое благо могло хотя бы компенсировать потерю родительского дома?

Не культивировал высоких духовных начал и новый социалистический быт строителей пятилетки. Переселенцев просто скантовали с обозов в зимнюю тайгу или высадили с первых весенних барж на пустынные приполярные берега Оби. Для самоустройства ссыльных государство великодушно оставило им по топору, пиле и лопате на каждые две семьи. Укрывшееся в шалашах и землянках население в соответствии с инструкцией о высылке и ссылке сразу же приучили к комендантской форме правления. Каждый взрослый переселенец должен был регулярно отмечаться у властей и имел радиус свободного перемещения в пять километров. Нарушение установленного режима каралось радикально — концлагерь.

Такой же режим сохранялся для тех переселенцев, что осели в населенных пунктах. Демидовски основательный быт уральских городков оживили Кулацкие, Ссылные, Казарменные поселки с барачно-социалистической застройкой и гарнизонным распорядком жизни. Городские колонисты выгодно отличались от своих лесных и полярных классовых собратьев. Последние, озверев от тайги, гнуса и нищеты, в первые же месяцы ссылки завшивели, отощали и стали вскоре жертвами голода, цинги и сыпняка.

На городские стройки обычно перли кулаков третьей категории и строго выборочно. Ну, в самом деле, зачем омрачать панораму индустриального наступления грязными штрихами детской и семейной нищеты? К тому же перед иностранными специалистами неудобно. Поэтому высылали только здоровых и годных к физическому труду мужчин. Принудительно холостяцкий контингент составил основное казарменное население. Да, пожалуй, и самый мобильный корпус энтузиастов. Вольнонаемные торговали за ге-

роизм пайки и зарплату. Вербованные панически дезертировали. А тут рафинированный энтузиаст. Уточним одну деталь. История потом и оптом обзовет мобилизованных деревенских мужиков энтузиастами. Прижизненно и персонально они всегда оставались классовыми врагами и платили по расточительным счетам индустриализации здоровьем, спаленным на каторге великих строек и в пьяной поножовщине нового быта.

Оба! Да-ели,
Да-жареные раки.
Приходите в гости к нам,
Мы живем в бар-р-раке!

Дан приказ ему на запад... Читатель, наверняка, вспомнил известную картину, где красноармеец в буденовке и на фоне эшелонов прощается с любимой. Вот и хорошо. Теперь для уяснения ситуации мысленно уберите буденовца и поставьте на это место не менее впечатляющий образ советского зека в классической экипировке. А о любимых мы уже многое знаем. В соответствии с телефонограммой № 95 ПП ОГПУ на Урале детско-старчески-бабий трудресурс третьей категории отправили на восток в вечное бесплатное пользование свежееорганизованных колхозов, А письма ссыльных («...напиши куда-нибудь!»), добровольно раскололся в письме ветеран бывшего Макушинского совхоза, изымались и сжигались.

Теперь о чисто утробных факторах массового энтузиазма. Голод пришел в некоторые округа Урала еще весной тридцатого. Месяцами раньше все городское население перевели на карточную систему снабжения. При нормировании продуктов руководствовались классовым признаком — чем дальше от социализма, тем меньше паек. Понятно, классовый враг замыкал шкалу распределительных приоритетов и на гарантированный кусок хлеба рассчитывать не мог. В тридцать первом уже весь опорный край державы голодал категорически.

Из посылок сказанного нетрудно сделать вывод о положении наших энтузиастов. Не будем, однако, нажимать на логику. Она бывает разной. По привычке социалистической, к примеру, из массового грабежа

и принудилки железно вытекает массовый трудовой героизм. Обратимся-ка лучше к нейтральным фактам. Итак, «Меморандум № 1» Уральского областного комендантского отдела (инстанция по управлению крестьянской ссылкой) от 5 апреля 1931 года. Взят он из архивного тома с политическими обзорами и донесениями ОГПУ в адрес Уралобкома партии. Поди уже бог упокой. Сразу отмечу — в томе ни слова о трудовом героизме. Конспективно пробежимся по страницам меморандума.

«При обследовании спецпоселка при штольне имени Крупской в Губахе инспектором ОКО было установлено, что около 50 спецпереселенцев не получают в течение двух недель продуктов питания...

При обследовании кулацкой ссылки в Кизеловском районе установлено, что спецпереселенцы промтоварами не снабжаются, вследствие чего отмечен ряд невыходов на работу за отсутствием обуви...

Обследованием спецпоселков Надеждинского района установлено, что в большинстве поселков наблюдаются перебои в снабжении продуктами питания и зачастую на длительный период семьи переселенцев оставляются без продуктов питания. По всему району промтовары для спецпереселенцев не выдаются. На почве необеспеченности продуктами питания в районе появилась эпидемия сыпного и брюшного тифа...

В связи с необеспеченностью продуктами питания повсеместно отмечено снижение трудоспособности и увеличение заболеваний тифом и цингой... (Сосьвинский и Гаринский районы).

В Ивдельском районе отмечены перебои с продовольственным снабжением переселенцев и полное отсутствие промтоваров. Участились случаи побегов ссыльных и заболеваемость тифом и цингой...

В Березовском районе заболеваемость цингой приняла угрожающие размеры...

Чусовской район. По причине недостаточного питания обнаруживается массовая заболеваемость спецпереселенцев и особенно детей...

Ныробский район. Обнаружен ряд случаев, когда ссыльные даже в мороз были совершенно разуты. Нет

даже лаптей. На этой почве отмечены массовые заболевания. В районе за отсутствием муки переселенцам выдается хлеб с примесью 90% опилок...

Чердынский район. Спецпереселенцы совершенно не обеспечены продовольствием...

Тобольский округ. Массовое заболевание тифом...»¹⁸¹

Заканчивалась первая зима крестьянской ссылки, По всему поясу социалистической колонизации полыхал голодомор. От тифа и голода вымирали целые поселки. Еще в конце тридцатого государство, сославшись на дефицит продовольствия, ссадило обеспечения иждивенческий состав переселенцев. Пусть питаются на паек работающих членов семьи. Для лесной крестьянской ссылки это был смертный приговор. Скрытое паскудство властей заключалось не только в том, что партия, не решившись дать прямо подлую директиву, настоятельно «рекомендовала» потребкооперации оставить без куска хлеба большую часть переселенцев. Трудоспособные члены семей были принудительно объединены в производственные бригады и вывезены на лесозаготовки далеко в тайгу, где безвыездно находились шесть-девять месяцев. Денег им на руки не давали, зарплата уходила на погашение стоимости продпайков. К тому же продуктов питания в свободной продаже не было даже в континентальном социализме. Коммерческая продажа хлеба вернется в крупные города (по списку, утвержденному главным продснабженцем страны Микояном) только в начале 1934 года. Да и цены на него будут в сотни раз выше нэповских. Это за восемь лет тогдашней перестройки. («Перестройка партийной работы еще не закончена!» «Ускорить перестройку работы!» «Перестройка в низах идет медленно!» — аншлаги газет осени тридцать первого). Так что ресурс во времени и ценах у нас еще есть.

Иметь огород и вести собственное хозяйство в ссылке вначале запрещалось. Безответные дети и женщины перешли на подножный таежный корм и были обречены. Перед фактом массовой детской смертности от голода комендантам поселков дали понять, что не стоит строго блюсти инструкцию о ссы-

же, запрещающую покидать место отбывания. Не нужно, переинструировали комендантов изустно, препятствовать уходу детей (только детей!) в лес и тундру в поисках продовольствия и попытках бегства в родные края. И уходило ссыльное детство в зимнюю тайгу, чтобы, заблудившись, умереть от истощения или стать жертвой хищников. Комендантские уголья очистились от компрометирующей детской нищеты. По весне местные власти северных городов Урала с тревогой сообщали о выходе из лесов многих тысяч голодных беспризорников. На этом моменте уральской истории мы еще остановимся во второй части книги.

Ударники лесозаготовительного фронта возвращались в вымершие и постаревшие поселки. Лишь высшая степень интеллектуальной и гражданской продажности толкнет к поиску здесь массового энтузиазма. Скорее предположить иное. Что беспредел государственной жестокости заставил покорного даже при раскулачивании и выселении мужика броситься от отчаяния в бунт. Наша история, уверен, еще заглянет в регулярные оперсводки ОГПУ начала тридцатых, свидетельствующие о появлении тысяч банд по всему периметру крестьянской ссылки. И найдет смелость оценить по-новому и «героизм» властей в подавлении народного гнева, и то, что мы сейчас безоглядно называем кулацким террором.

На Урале массовое возникновение вооруженных банд отмечено еще весной тридцатого. «На территории Николаевского сельсовета Ирбитского округа появилась банда в 18 человек из кулаков, выселенных из этого же округа... Задержана и разгромлена банда на границе с Башкирской республикой...»¹⁸² Иллюстрации приведены из оперсводки № 1 специально созданного особого отдела ОГПУ. «23 февраля, — сообщает оперсводка от 3 марта 1930 года, — на территории Тавдинского района, граничащего с Тюменским округом, около деревни Миасской появилась вооруженная банда в составе шести человек из бежавших кулаков. Бандиты живут в землянках. Продукты питания доставляются семьями кулаков. Выброшенные Ирбитским и Тюменским окротдела-

ми ОГПУ опергруппы точного местонахождения банды не установили. Предполагается, что банда скрылась в Кондинских лесах Тобольского округа. Приняты меры к установлению точного местонахождения банды и ее ликвидации»¹⁸³. Банды возникали в Ишимском, Шадринском, Тюменском и других округах. Сопротивление нарастало пропорционально государственной жестокости, оно катилось волной за кампанией выселения. Выходящие чуть ли не ежедневно оперсводки ОГПУ заметили эту взаимосвязь сразу же, как и то, что сопротивление принимает повсеместный характер. Успокаивало «известные органы» другое обстоятельство. Большинство банд формировалось из местных беглых кулаков, группы были территориально маломобильны. Все это исключало возможность фронтального военного сопротивления властям. К осени тридцатого центр сопротивления сместился на север, к столицам социалистической колонизации Урала.

Следующий год выдался буйным. Пережив лютую зиму, натерпевшись всего, ссыльные напролом рванулись к югу. Веером рассыпались группы беглых по стране. Бежал не только местный, но и сосланный издалече. Другой бежал люд. Не прошлогодневыхждающий, а озлобленный до предела. Значит, готовый на все.

Вспыхнула лесными пожарами тайга ссылки. Потом дошла очередь до колхозных строений. Были и те самые выстрелы из ночи. Типичное донесение тех дней. «Пожары принимают в Исетском районе угрожающие размеры. 7 июля сгорело колхозное имущество в Исетском. 16-го снова пожар в Исетском и других селах, 19 июля пожар в селе Красновал и Елешино, 28 июля пожары в Сунгуровском районе. Сейчас горят леса в Исетском районе, Боровлянской гослесдаче... Группируются кучки вооруженных бандитов, которые и организуют вышеперечисленные пожары. Они же, есть случаи, берут колхозных лошадей на полях, забивают мелкий скот, распускают всевозможные контрреволюционные слухи и угрозы по адресу колхозов и отдельных лиц...»¹⁸⁴ Подобные сообщения поступали практически из всех двухсот райо-

нов Большого Урала. Желающий большего найдет в архивах Уралобкома ВКП(б) не один том таких и более ярких иллюстраций. Конечно, если их не настигла партийная месть.

Тревожно застучали сводки ОГПУ. «Еловский район — оперирует вооруженная банда в составе шести человек... На границе Исетского, Суерского и Белозерского районов обнаружена группа бандитов в числе 8 человек. Банда состоит из бежавших с места ссылки преступников и кулаков. Бандиты вооружены винтовками, обрезам и наганами... Ялutorовский район. 23 июля была произведена облава для поимки скрывающихся бандитов-кулаков. Во время облавы бандиты отстреливались и скрылись в тайге... Яланс-Катайский район. Банда в числе 5 человек-татар приступила к активным действиям... Тавдинский район. Действует банда из бежавших от ссылки кулаков.. Надеждинский район. За июнь—июль 1931 года участились побеги из ИТК и спецпереселенцев...»¹⁸⁵ Сводки Уральского областного управления милиции отмечают резкий подъем бандитизма, грабежей и насилия в 1931 году. Большинство преступлений, судя по отчетам милиции, облсуда и прокуратуры, прямо или косвенно спровоцированы политическими обстоятельствами. Признают это и авторы отчетов, но без намека на порочность государственной политики. Подозреваю, что они думали, вслух же обвиняли только кулака.

Активное сопротивление сталинской политике начала тридцатых. Это белое пятно в темной нашей истории долго, мне думается, останется таковым. Легче и благодатнее писать о кремлевских интригах. Персонажи исторические и к большой политике поближе. А тут мужичье-кулачье оптом. Но для общего знакомства с ситуацией приведу еще один документ, подготовленный полномочным представительством ОГПУ на Урале в ноябре 1931 года.

«Москва. ЦК ВКП(б). Тов. Сталину.

Установлено, что повстанческими организациями велась работа еще с августа месяца и постепенно охватила целый ряд районов бывшего Пермского, В.-Камского и Коми-Пермяцкого округов. Повстан-

ческие организации имеются в Косинском, Кочевском районах Коми-Пермяцкого округа, в Камско-Березовском, Березниковском, Майкорском районе бывшего В.-Камского округа, в Чермозском, Сергинском, Березовском, Кунгурском, Усть-Кушерском, Суксунском, Ординском, Лысьвенском, Чусовском районах бывшего Пермского округа. Во всех этих районах формировались повстанческие ячейки, при которых существовали боевые бандгруппы из беглых кулаков, бежавших осужденных из исправдомов и местных антисоветских элементов... Наличие повстанческих организаций в этих районах подтверждается следствием и секретной работой ОГПУ, и, по всей вероятности, они связаны с невыясненным пока руководством, находящимся в некоторых сельскохозяйственных районах и промышленных центрах... Всего по повстанческим группировкам на сегодняшний день арестовано 87 человек. При аресте изъято оружие. 17 ноября предполагалось выступление в ряде районов и сельсоветов, но не удалось только потому, что это совпало с операциями органов ГПУ по этим районам и были сняты гонцы повстанческих групп, которые должны были оповестить о начале выступления. Выступление намечалось под лозунгами: «За новый строй без коммунистов», «За свободную торговлю», «За вольный рынок», «За несдачу хлеба государству и оставление его на местах». Повстанцы усиленно занимались вербовкой спецпереселенцев.

Наряду с этими повстанческими организациями на западном склоне Урала выявлена поповско-кулацкая монархическая повстанческая организация на востоке Урала (в бывшем Тюменском, Ишимском и Курганском округах). Эта контрреволюционная организация возглавлялась епископом Серафимом и начала свою деятельность с благословения Тихона и Петра Крутицкого еще с 1924 года. По существу эта организация продолжала работу «Союза русского народа», который в этих округах в прошлом имел достаточно мощные ячейки. Почти каждый поп двух епископатов (Ялуторовского и Курганского) формировал вокруг своего прихода повстанческие группы из членов церковно-приходских советов и кулаков.

Арестовано около 90 человек, в том числе два епископа, 4 благочинных, 20 попов, 8 монашек, остальные — кулаки и бывшие бандиты. Из всех показаний арестованных вытекает, что эта организация должна была поднять восстание в момент интервенции. Контрреволюционная организация присвоила себе название «Союз благоспасаемой России».

Кроме того, еще в сентябре месяце ликвидированы две повстанческие организации (около 100 человек) в районах бывшего Ирбитского, Н.-Тагильского и Тюменского округов. Эти организации состояли преимущественно из сбежавших и выселенных кулаков.

Характерная особенность поповско-кулацкой организации состоит в том, что она развернула работу на более узких участках связи Урала с Сибирью (Омск—Тюмень, Омск—Курган), что, очевидно, вытекает из стратегической установки этой организации — в момент интервенции отрезать Урал от Сибири»¹⁸⁶.

От голодоморов и бегства крестьянская ссылка редела ненадолго. 29 мая 1931 года в адрес Уралобкома ВКП(б) поступила секретная депеша следующего содержания: «Согласно постановлению ЦК от 20 мая сего года по Вашей области должно быть проведено внутриобластное переселение 12 000 кулацких хозяйств... Необходимо установить контроль за действительным обеспечением выселяемых кулацких хозяйств трехмесячным запасом продовольствия, минимальным инструментом, сельхозинвентарем и 1—2 лошадьми на каждые пять выселяемых хозяйств»¹⁸⁷. Подписал документ секретарь ЦК ВКП(б) Постышев.

Цитирую этот серый документ вот почему. Партия здесь отбрасывает уже всякую правовую маскировку. Директивы о выселениях отныне и впредь пойдут без ссылок на решения советских властей. Всесоюзному старосте будут совать на подпись только самые грязные, шокирующие человеческое сознание бумаги. И второе. В первую кампанию на выселяемых смотрели преимущественно как на политического врага. Эх, расстрелять бы вас на месте — высказывали свой резон коменданты эшелонов, все бы мень-

ше возни! В тридцать первом в ссыльном увидели работоспособного раба, несомненно, полезного для дела социализма. В вагон теперь толкали не каждого. На станциях отгрузки работали особые селекционеры, которые, якобы из гуманных побуждений, отсекали маломощных и убогих.

Партийное руководство области давно смирилось с мыслью, что классовая обстановка на Урале более четко просматривается из Москвы. Двенадцать тысяч так двенадцать. Собрали, сколько предписано, и выслали. Выселенных ранее 15 тысяч семей, около 90 тысяч человек, хватило ровно на год. Забегая вперед, скажу, что и 12 тысяч семей, репрессированных в тридцать первом, на текущий хозяйственный год явно не хватило. Добирали оперативно сверхплановым классовым врагом.

Чувствовало нарастающий дефицит рабдуш и партийно-государственное руководство. Голодуха усиливалась, а население заметно сокращалось. Ситуация требовала рационализации жестокости.

29 июля 1931 года секретариат ЦК ВКП(б) направил в адрес секретарей обкомов и крайкомов телеграмму. «Строго секретно». «Весьма срочно». «Лично». Остановимся на некоторых фрагментах этого документа, который осторожно цитирует и перестроившаяся, но не потерявшая социалистической перспективы официальная наука. Как свидетельство отеческой партийной заботы о благе советских каторжан.

«В связи с передачей в ведение ОГПУ всех спецпереселенцев некоторые крайкомы поняли это как освобождение их от обязанностей наблюдать за состоянием спецпоселений, рациональным использованием спецпереселенцев на работах, нормальным и своевременным снабжением их продовольствием и всем необходимым... Выявить хозяйственное, бытовое и культурное состояние переселенцев, отмечая категорическую недопустимость имеющихся до сих пор случаев неиспользования части трудоспособных переселенцев, взрослых членов их семейств на работах. Обязайте руководителей хозорганов и ПП ОГПУ разработать план максимального использования спец-

переселенцев, развивая среди молодежи ударничество и соревнование... Принять меры к обеспечению спецпереселенцев продовольствием и промтоварами наравне с вольными рабочими... Добиваться максимального оседания спецпереселенцев в местах поселения»¹⁸⁸.

В ответ на московскую директиву уральское областное руководство разработало и отправило в ЦК план мероприятий изящный, как моральный кодекс строителя коммунизма. В нем и светлые школы для подрастающего кулачья, и просторные больницы, и земля для личного хозяйства. Не ссылка, а рай под полярным солнцем. Можно было бы и что-то процитировать, если бы бумага хоть в чем-то помогла реально ссылке. Увы, не для нее она была писана.

«Отношение к спецпереселенцам в течение всего 1932 года, — информирует секретаря Уралобкома ВКП(б) Надеждинский райком, — было, действительно, варварским и преступным. Уже тот факт, что за 1932 год было десять тысяч смертей и шесть с половиной тысяч дезертирств, говорит об этом достаточно ярко... Систематический недовоз продуктов питания во второй половине года привел к значительному истощению людей. Прошу дать строжайшую директиву Уралоблоно, — взывает районный партийный лидер, — о немедленном принятии мер к созданию нормальных условий для беспризорных детей, которых в Надеждинском районе имеется 2380 человек. Остались за ряд лет от умерших и сбежавших ссыльных родителей»¹⁸⁹.

«Смертность и побег, — характеризует положение в Чердынском и Ныробском районах спецбригада областной прокуратуры, — из месяца в месяц все возрастает смертность и кривая ее идет вверх. Если в 1932 году исключительно преобладающими причинами смертности были заболевания простудного сезонного характера и легочные, то в 1933 году является новая причина смертности — истощение. После понижения нормы пайка иждивенцам с 8 до 5 кг в месяц последние стали обузой работающего и поедали в значительной мере его паек, уменьшая тем самым его потребление и ведя к постепенному исто-

щению... Более того, в феврале было выдано только от 1 кг до 300 граммов на человека. Из-за недостаточной нормы иждивенческого пайка в особенности нетрудоспособные спецпереселенцы в действительности употребляют разные суррогаты, подмешивая к ним сено, травы, мох. Наблюдается катастрофическое сокращение рождаемости при полном отсутствии браков»¹⁹⁰.

Информация о голоде шла из двухсот районов огромной Уральской области. Не скажу, что сообщения из сотни районов принудительной колонизации были самыми страшными. Нет. Информация из этих районов поступала нерегулярно, она исходила от редких комиссий, созданных по линии обкома партии и прокуратуры, других к ссылке не подпускали на оружейный выстрел. Сведения тщательно просеивались даже в секретной внутренней переписке. Никто не хотел осложнений с мощным и свирепым покровителем крестьянской ссылки — ОГПУ. Отсюда осторожность и тонко подобранные фразы о «перегибах», «перебоях в снабжении», «имеющихся случаях эпидемий и смертности», «некоторых фактах нарушений». Массовым в социалистической практике и лексике может быть энтузиазм, героизм, подъем. Мы привыкли к идеологически выдержанным клише. Демократы, к примеру, могут быть только «так называемыми». Этот же эпитет в сочетании с другим политическим направлением режет слух, как неуклюжие фразы угандийца Эзра, который брал у меня уроки русского мата на втором курсе университета.

Я много беседовал с людьми, пережившими ссылку и голод. Приходят письма с изложением страшных подробностей, о которых умолчали документы. Нет никаких оснований сомневаться в честности пожилых пострадавших земляков. Да и картина событий выглядела бы более впечатляюще. Но избранный вначале вариант преимущественно документального воспроизведения исторической драмы заставляет быть строгим.

Страшная мозаика донесений старательно скрывает общие масштабы народной трагедии. Полагаю,

что общего реестра жертв, проходящих по статьям коллективизации и «массового трудового героизма», отечественная история не получит. Он и не велся. Технология определяет формы учета. Германские фашисты, поставив человеконенавистничество на промышленную основу, могли протоколировать каждую пропущенную через трубу крематория душу. Их педантичность в организации репрессий искренне возмущает. Оно и понятно. Для нас масштабы репрессий никогда не были проблемой. Жертвы — вот они. Не поработенные народы, а свои сограждане. Семьями, оптом, нациями и повсеместно. Измывайся вволю. Количество нам удалось сразу, хотя и не было самоцелью. Мы мордовали самую человеческую сущность, натягивая живую душу на идеологический каркас или испытывая ее на прочность за пределами ее обстоятельствами. Радовались каждому мутанту, в коем идеология доминировала над человеком.

«Питание рабочих из спецпереселенцев на «Уралташке» угрожающе плохое. Ежедневно до 80 человек бывают в амбулатории с отеками от голода. В последнее время на руднике имеются случаи, что рабочие падают на работе от голодного истощения и даже умирают... Если не будут приняты меры к нормальному и полному снабжению рабочих и не будет увеличена норма для иждивенцев, то в недалеком будущем рудник останется без рабочей силы»¹⁹¹. Перед нами, так сказать, стандартная форма слезного прошения в высшую партийную инстанцию области. Все архивные тома Уралобкома ВКП(б) начала тридцатых вглухую забыты подобными документами. Их тысячи. «Удельный вес переселенцев в добыче угля, — сообщается в отчете из Копейского угольного района летом тридцать третьего, — более 60%. На угольных копях работают 3107 выселенных семей, 12 701 человек... Перенаселенность — на одного человека приходится 0,8 кв. метра жилья в землянках. Использование рабочей силы хищническое, рабочие, вышедшие из забоя, направляются на субботник по разгрузке и погрузке. На требование рабочих на-

кормить перед этим один из прорабов сказал, чтобы ели собственное говно, ведь вы же ссыльные»¹⁹².

Страна цепенела в голоде. Останавливались предприятия, увольнялись принудительно тысячи голодных рабочих. Особенно драматическое положение с продовольствием летом тридцать третьего. «На кладбище, — информировал Уралобком ВКП(б) прокурор Виноградов, — лежат на поверхности два гроба с умершими. Причем при осмотре оказалось, что у одного трупа отрезана голова и ноги, а туловище похищено. У второго трупа отрезана мягкая часть ягодицы... Спецпереселенка... (бог ее простит) похитила труп, перерезала его на части с целью употребления в пищу... В Петропавловском леспромхозе один старик зарезал другого и пригласил старуху варить суп...»¹⁹³

Можно еще долго цитировать страшные отчеты тех лет о фактах советского каннибализма. Да кого удивишь этим? Все знают, что подобное творилось тогда на Кубани, на Украине, на Дону. Повольже за короткую историю отечественного социализма уже второй раз вылетало к людоедству. Теперь достойно удивления другое — упрямые попытки выдать труху тех изнурительных до смерти лет за святые и одухотворяющие мощи социализма.

В унылых спецпоселках тайги, тундры и новостроек индустриализации массовый энтузиазм даже не прощупывается. Может, идею реабилитирует другая часть подневольного штата тридцатых — лица организованного набора. Общий психологический тонус отношения крестьянской ссылки к этой категории — «Сука ты вербованная» как-то обнадеживает. Переселенцы с высокомерием жертвы политических репрессий презрительно смотрели на суетливую публику, добровольно променявшую здоровый крестьянский быт на каторгу пятилетки. Но ошибались политические.

«12 мая 1932 года я был вызван к начальнику милиции, где мне было объяснено, чтобы я взял с собой продуктов на три дня, а также пару белья, так как меня направляют на работу. Ничего при этом не объясняя. Я безоговорочно выполнил приказание на-

чальника милиции и собрался. Меня в числе других направили в Курган и передали в ведение ОГПУ, где у меня был произведен обыск, и отобрали все документы и справки, имеющиеся у меня. Просидел там три дня. Мне объявили, что я лишен прав. 18 мая 1932 года я должен был направиться в город Челябинск на строительство, куда я и поехал...»¹⁹⁴

Жизнеописание крестьянина Звериноголовского района Амирова Хакима высвечивает изнутри стандартную машину вербовки.

Хаким был честным человеком, читал газеты и верил в новую справедливость. К жалобе на произвол и просьбе отпустить домой, что он направил в райком ВКП(б), приложил справку от сельсовета о политической благонадежности, от колхоза — о должном усердии в труде, от комиссии по хлебозаготовкам — о своевременном выполнении государственных обязательств, а также справку из школы и другие положительно характеризующие его документы. И как главный довод защиты — ударную производственную карточку Челябинского тракторостроя с тремя только, из тридцати, выкушенными купонами. Честный и умный был Хаким. Но Хаким не читал секретных партийных бумаг, и потому получил отказ. Забрали и карточку — настоящий ударник не может жаловаться на власть.

Нельзя сказать, что в первые годы Советской власти использовались демократические добровольные формы организованного набора рабочей силы. Принудилровка, явная или скрытая, всегда оставалась основной чертой организации социалистического хозяйства. На этом фундаменте покоилась и колоссальная программа индустриализации. Коллективизация и связанные с ней репрессии придали государственной вербовке еще более жесткий характер. Власти уверовали в созидательную силу произвола и безответность деревенщины.

Для Урала мобилизация рабочей силы имела особое значение в связи с масштабами индустриального развития. Нет необходимости перечислять все сколь-нибудь важные решения областного руководства по этому вопросу. Хлеб, голод и рабочая сила — вот

суть многих документов той эпохи от политических деклараций до текущей деловой переписки. Принудительная вербовка исходит из приоритета государственного резона над интересами работника. Тем не менее, попытаемся найти хоть какие-то основания для политического восторга у тех, кому судьба, подобно Амирову Хакиму, преподнесла сюрприз.

Планы вербовки рабочей силы разрабатывались советскими и хозяйственными органами области. Разумеется, на основе планов промышленного производства и строительства, спущенных Москвой. Столица их творила с политической прикидкой — догнать и перегнать. Понятно, что планы были страшно дефицитными по финансам, материалу и трудоустройству. Решение этих «тактических» вопросов центр возлагал на местное руководство. Области подсчитывали, на Урале очень профессионально, требуемое для высоких темпов социалистической индустриализации и разворачивали шумные политические кампании по заготовке денег, материалов и людей. Кому выпадало добывать песок, кому бить кирпич, но поголовно всем исправно платить налоги, активно скупать облигации и покорно нести ярмо гуж и трудповинности.

В силу большевистского слова, если за ним не маячила сила, власти не верили. Руководители тех лет от души посмеялись бы над нынешними баснями о массовом энтузиазме. Работать, как говаривали тогда, нагишом, но в лаптях, голодом, но даром, молодежь не рвалась. Пожилые — тем более. Чего словами огород городить? Вспомним недавний опыт. Как лощеные комсомольские лидеры, цвет энтузиазма семидесятых, подоркестрно, прямо со съезда уезжали на героический БАМ. И как спустя месяц-другой, съев московские деликатесы, обросшие и отощавшие выходили они бичами на транссибирскую магистраль. В энтузиастах дохаживали те, кого держали за полы нужда, воинский устав и конвой.

Плановая дисциплина тридцатых нашла выражение в порайонных разнарядках на вербовку. Районы разводили людской оброк по сельсоветам. Масштабы людских заготовок исчислялись сотнями ты-

сяч человек. Только по Уралу. Бухгалтерия вербовки сложна, запутана и требует специального анализа. Планы вербовки постоянно меняли и корректировали. Ссылные и заключенные мерли, как мухи, нарушая статические и динамические модели трудоустройства. Ускорялся и оборот героического поголовья. Нормальному человеку «энтузиазма» хватало ненадолго. Изнурительный, впроголодь труд и хроническая простуда через два-три года оставляли от него лишь тень. Граждански полноправных отпускали докашливать жизнь в колхозе. О том, что их там ожидало, разговор во второй части книги. Социально ущербных везли на знакомые пейзажи в северных широтах.

«Баракы и камеры переполнены сверх всяких пределов. Там, где нормально помещается 200—300 человек, было размещено 1300—1500 человек... Бытовые условия оказались чрезвычайно тяжелыми. Колония не смогла обеспечить заключенных не только питанием, но и водой; пруд, питающий колонию, обмелел и не обслуживал потребности в воде... Люди умирали не только от истощения, но и от жажды и других заболеваний. Крайне тяжелая обстановка (отсутствие постельных принадлежностей, белья, теснота и прочее) не позволяла развернуть рациональную медицинскую помощь больным, а в госпитальном лечении не менее 1000 человек. Ввиду этого смертность в колонии достигла громадных размеров. За время с 20 февраля по 20 марта умер 1271 человек. Большею частью от истощения. Большинство умирает по баракам и камерам. По заключению врачей из оставшихся в живых обречены на смерть в течение ближайшего месяца не менее 1000 человек...»¹⁹⁵

Это одно из сообщений с северного пояса уральских колоний. Многие колонии функционируют и поныне. Но в сегодняшний их быт заглянут наши потомки.

Мор ссылных перекрывался прибором очередной кампании выселений. Компенсировать высокий отход зеков обязали судебнo-репрессивные органы. Обязали, но и помогли. Законом от 7 августа 1932

года, известным более как закон о пяти колосках, и Инструкцией ЦК ВКП(б) от 8 мая 1933 года о разгрузке закрытых мест лишения свободы. В самом деле, много ли посадишь с маломощными статьями по недоимкам и сокрытию хлеба? В деревне осталась голь перекатная. Закон о пяти колосках в ближайшее же время дал (на Урале) десятки тысяч заключенных с гарантированным на две пятилетки сроком лишения свободы. В соответствии с инструкцией родной партии клиентуру местных исправдомов, домзаков, тюрем и холодных, опростоволосившуюся перед Советской властью, командировали в спецпоселки и лагеря ОГПУ. Полку энтузиастов прибыло. В Уральской области было 81 местное тюремное заведение, По тюрьме на каждые два с половиной района. Не считая лагерей, колоний и воспитательных заведений ОГПУ.

Выправляли ситуацию, как и гнули, решительно. Взять, к примеру, гордость уральской индустриализации — Магнитку. За зиму 1933 года из Магнитогорской исправительно-трудовой колонии сбежало 4500 человек, 1000 воспитанников отдали богу душу. О вывезенных на природу вы уже знаете. Но к сентябрю месяцу усилиями партийных, советских и судебных органов штатный контингент колонии был восстановлен полностью — 16000 человек¹⁹⁶.

Вернемся к судьбе вербовки. Разнарядки, подчеркну еще раз, делались профессионально, учитывался и большой отход людского ресурса и планируемые объемы работ. План лесозаготовок тридцатого потребовал дополнительно 139 тысяч человек пешими и 160 тысяч конными. Трест «Востоксталь» добивался 11 тысяч рабочих и 6,5 тысячи лошадей. Угольные предприятия обусловили выполнение планов поставкой дополнительно 15 тысяч человек, оговорив, что нужна полноценная рабочая сила для преимущественно подземных работ. Ну и, естественно, лошади. Куда без них в горняцком деле? Асбоцементстрой настоятельно просил 10 тысяч рабочих. Предприятия Машстроя — 30 тысяч...

«Предложить Облгруппу установить районам задания с применением классового подхода, Кулаки,

как правило, должны вырабатывать высшую норму». Данное решение Уралсовета исполнили в момент. Сводный баланс рабочей силы по Уральской области смонтировали так. Наличное трудоспособное население — 4,2 млн. человек. Потребности промышленности — 525 тысяч, строительства — 233 тысячи, лесозаготовок — 240 тысяч, сельского хозяйства — 1,8 млн. человек. Положительное сальдо баланса — 628 тысяч. Правда, отмечают авторы документа, среди оставшихся исключительно деревенское бабье. В балансе предусмотрено, что 156 районов будут экспортировать рабочую силу, а 28 — ввозить¹⁹⁷. В районы-экспортеры и были, направлены разнарядки. Мнение намеченных к «экспорту» земляков никого не волновало.

Москва погоняла периферию как колхозную лошадь — палкой под хвост. Екнув от неожиданности, местное начальство бросалось в народ. Не успели наряды Облтруда добраться до мест, грянуло новогоднее поздравление председателя облисполкома Ошвинцева (31.12.1930). «Требую немедленного со стороны предриков выполнения планов вербовки рабочей силы с превышением на 20%. В противном случае не останавливаться до снятия нынешнего состава райисполкомов»¹⁹⁸. Подстегивающую часть директивы он списал с бумаги из Кремля. Далее областной голова приказал командировать во все районы вербовки и лесозаготовок ответственных товарищей для организации кадровой работы в лесу и на деревне.

Специалисты по экспорту кинулись в дело. Принцип работы здесь прост — либо ты вербуешь, либо попадаешь в энтузиасты сам. Своя шкура, естественно, ближе к телу. В силу важности и экстренности задания ответственному товарищу выдавались оружие и бумага, обязывающие всех к пособничеству. Хорошо просматривается и боевая программа действий. Прежде всего требуется страхом или обманом выкурить деревенского парня из родного двора в тесный, допустим, синарский, барак или тайгу. А заманив, сугубо стеречь, дабы не дал тягу. Неоценимую помощь кадровым партийным экспортерам оказывала милиция. Если облюбленный к вербов-

ке субъект упрямылся, его по-тихому стерегли и, подыскав компромат, отправляли куда надо в административном порядке. В таком варианте событий бежать со стройки было уже чревато. Реликтом этой практики, взрослые читатели вспомнят, были в шестидесятых «декабристы»-пятнадцатисуточники.

Кадровую работу на местах взвалили на сельсоветы, превратив их в универсальный антинародный орган. До этого они тянули жилы обязательными мясо-, масло-, хлебозаготовками, займами. Теперь брали и живыми душами. А масштабы вербовки росли. «В настоящее время, — констатирует отчет Облтруда в июле тридцать первого, — положение с рабочей силой на Урале остается крайне напряженным. Если даже допустить, что в народное хозяйство может быть привлечено все трудоспособное население (включая всех трудоспособных женщин), дефицит рабочей силы составит 106 тысяч человек. Фактический дефицит — 186 тысяч»¹⁹⁹. Переброска мобилизованных крестьян приобрела характер военно-стратегических операций. Судите сами. Реэвакуация вербованных с лесозаготовок, например, в марте тридцать первого (приближалась посевная) выглядела так. Для перевозки 41 тысячи лесорубов подано 1240 вагонов, 23 тысячи коновозчиков — 650 вагонов, 23 700 лошадей — около трех тысяч вагонов. Ну там еще сбруя, сани, инструмент. На всю операцию ушло шесть тысяч вагонов²⁰⁰. Благо, что подвижной состав не приходилось гонять порожняком. Регулярные потоки выселяемых обеспечивали его пассажирами до самой тайги.

Чем выше лезла египетская пирамида социалистической индустриализации, тем большего напряжения стоила она народу. В 1933 году, по отчету секретаря Уралобкома ВКП(б) Молотову, на лесозаготовках было использовано более 100 тысяч человек и 160 тысяч лошадей. Мобилизовали и коров. Но об этом позднее. Мобилизация крестьянина вместе с лошадью имела не только государственно-грабительский аспект. Хотя он и был подавляющим. Интересны психологические последствия этого решения, которое пришло в голову членов президиума

облисполкома, принявших в апреле тридцать первого постановление «О порядке привлечения рабочей силы». Раньше вербованный при крутом осложнении обстоятельств бежал в тайгу, оставляя на память лесотресту паспорт. Через неделю-другую он выходил к околице родного села. Даже потом, когда трудовое законодательство догнало дезертиров уголовным наказанием, упрямо бежали. От собственной и единственной лошади, великодушно оставленной ему Советской властью, он бежать не мог. Потому лямку принудиловки тянул вместе с лошадьёю до конца. Весной на ближайшей к дому станции, размазывая слезы жалости, выводил ее, обессилевшую, на помочах из вагона. Вот и весь энтузиазм.

Прорву людей, которую требовали наряды области, сельсоветы не могли дать, если бы даже земляки плодились, как кролы. А тут вымирающая деревня. Единоличник, обожженный классовым вниманием, деградировал окончательно. Взоры работодателей обратились к колхозу. Не потому, что там народ незанятой и особенно крепкий. Нет. Потому что колхоз. В сентябре 1931 года приняли даже специальное постановление, по которому хозорганы должны были выплачивать колхозу по пять рублей за каждого завербованного колхозника. «Ураллес», например, сразу же заключил договор с Уралколхозсоюзом на поставку 15,5 тысячи пеших колхозников и 2,6 тысячи коновозчиков. Сделка устраивала обе стороны. Лесотресту денег не занимать. Ссылные из тех же деревень обрабатывали покупку земляков-колхозников. Для колхоза, опутанного системой государственных обязательных поставок, этот товар был, пожалуй, единственным, за который ему платили. Платили за тех, кого всегда могли взять и бесплатно. Потом наладили оптовую реализацию. Через Колхозсоюз. Сомневаюсь, что он давал что-то из вырученного колхозам.

Финансово слабые и скупые предприятия давили на облисполком, выбивая лицензию на принудительную вербовку рабсилы и лошадей. Заглянем в оригинал хотя бы одного списка заявок.

- Миньяр, Троицк и другие районы просят разрешения на мобилизационную вербовку рабочей силы и транспорта для перевозок и строительства.
- Пермский Центроспирт — нужны грузчики стеклопосуды.
- Магнитострой — приехали топографы из Москвы для планировки социалистического городка. Нужны рабочие услуги и транспорт.
- Переносит дорогу на Тобольск. Не проходят обозы с красной рыбой (речной окунь в зачет «красного» обоза), нужны бесплатные кадры для расчистки пути²⁰¹.

Получив разрешение на вербовку, работодатели рвались в отпущенный район. Чтобы не излагать их личных впечатлений, приведу расклад наличных душ небольшого, но типичного Махневского района на 1933 год.

Сельскохозяйственное население (городского населения нет) района: мужчин — 6822, женщин — 7500. Работоспособных (от 16 до 60 лет) соответственно — 3018 и 3323. Расход: лесозаготовки — 2320, в том числе 800 женщин, торговля — 140, просвещение — 120, служащие — 180, колхозы — 1820, в том числе 1120 женщин, единоличники — 280, в том числе 180 женщин, 950 домохозяек²⁰².

Перед агентами социалистической индустриализации, таким образом, расстилалась деревня, в которой лишними были только дети да престарелые, а основной тягловой единицей — колхозница. Политически развитый вербовщик подкатывал уже и к ней, но о причинах его интереса к трудоспособному женскому полу рассказ впереди.

Агенты мелких предприятий больше досаждали. Фундаментально и беспощадно грабили деревню гиганты пятилеток. Только за один тридцать третий год Уралмаш вывез из Шадринского района более четырех тысяч человек. Каждого десятого из трудоспособных. Химмаш чистил соседний Далматовский район в той же пропорции. Из безответного Нагайбакского района магнитогорский Коксохим выкачал за год три тысячи крестьян, укоротив его трудовые

ресурсы на четверть. Жилые кварталы соцгородка в Магнитогорске стояли Куртамышскому району более шести тысяч работников. Чуть не треть работоспособных деревенских мужиков. Сухоложский цементзавод и Богдановский завод шамотного кирпича мобилизовали в Шатровском районе более трех тысяч человек... Уважаемые сухоложцы! Если к вам за дефицитным шифером и цементом обратится робкий проситель из неизвестного Шатровского района, смилосердствуйте! Это нищие, но прямые потомки ваших энтузиастов.

Пишу сие не в упрек горожанам, а в память и истины ради. Наша история не в хронологии промышленных гигантов и не в политических вывертах, называемых революциями. Она в реальных судьбах миллионов простых людей. Их благо — единственный критерий ее нормального движения. Преступно то общество, что забывает об этом. Если даже строит мифический рай будущего, жертвуя поколением живущих. Осознав это, мы заменим в душе оскорбительную для миллионов пострадавших соотечественников идеологическую ложь о массовом энтузиазме человеческой памятью и состраданием.

Ударные темпы, стахановцы, массовый героизм — вот доминирующие черты тридцатых по истории, редактированной партией. Но достаточно самого элементарного, непредвзятого экономического анализа, даже не анализа, а простого знакомства с первичной документацией тех лет, чтобы понять всю глубину политической лжи. Лубки официальной истории отличаются от реальной действительности, как рай от колонии строгого режима. Каждый кубометр леса, каждый станок и механизм промышленных колоссов оплачен десятикратно по сравнению с цивилизованным миром кровью и жизнями соотечественников. Это была экономика бесчеловечности. Загляните не в святые тома первоисточников и партийных резолюций, а в экономические характеристики колхозов, чей стаж секретности солиднее, чем у ядерных проектов, и вы увидите ту грань нищеты, которая отличает человека от бездомной собаки. Были стахановцы, были, Да вот документы о продовольствен-

ном снабжении Урала свидетельствуют, что большинство земляков, сидящих на государственном пайке, просто физически не могли хорошо работать. Почему мы, взвинченные до предела талонами и очередями, старательно принимаем за дураков наших прародителей. Заставляем их быть энтузиастами за паек, несравненно меньший нашего. Их мучила не самолюбивая мысль перевыполнить норму, а крайне прагматический вопрос — как остаться в живых и выжить.

«Отмечено массовое недовольство рабочих Петуховского механического завода (500 человек), — бьет тревогу сводка ОГПУ в Уралобком ВКП(б), — 2 июня 1930 года 30 человек рабочих этого завода в связи с невыдачей пайка заявили об увольнении с работы. Действия этих рабочих поддерживаются другими рабочими в количестве 150 человек. В литейном цехе от жары и истощения рабочие падают во время работы»²⁰³.

«В городе Свердловске на 42 постройке «Уралжилстроя» 54 каменщика, не получая хлеба несколько дней, ушли со строительства. На постройке сезонных бараков «Уралжилстроя» 27 и 28 мая хлеб совершенно не выдавался, на почве чего 800 человек рабочих угрожают бросить работу»²⁰⁴.

Подозрительный читатель может ознакомиться с сообщениями о массовых, по всему Уралу, волнениях рабочих в информационных сводках ОГПУ, которые регулярно составлялись для обкома партии. Высшее партийное руководство газетной туфте не верило. Идеологическим пойлом кормили народ. Начальство потребляло натуральную информацию.

Тридцатый год. Выполняющим норму работникам предприятий выдавали по 850 граммов хлеба в день и полтора кило мяса в месяц. Драмму зимних выселений бог компенсировал хорошим урожаем. Только в Южном Зауралье случился недород. Но, как у нас водится, не в коня овес. Чем выше урожай, тем меньше паек. «Ход хлебозаготовок на Урале, — телеграфировал в ноябре месяце Микоян, — дает возможность, если не ослаблять хода заготовок, перевыполнить годовой план заготовок на 8—9 милли-

онов пудов в порядке организации встречных планов в районах и колхозах. Прошу принять все меры к недопущению ослабления темпов заготовок»²⁰⁵.

Указания Анастаса Ивановича выполнили. Колхозам вздернули планы. С единоличниками разговор был еще короче. Хлеб, розданный колхозникам по натуроплате, заставили срочно вернуть, обвинив правления колхозов в мелкобуржуазном самоедстве. Объяснить суть обвинения не берусь. Что-то, видимо, из области политического мата. В газеты (и историю) запустили жирную идеологическую утку о страстной тяге колхозников к встречным планам.

Следующий год заметно ужесточил положение. В марте облисполком принимает решение о полном учете городского населения с целью выдачи единых заборных книжек на продовольствие. А в Москву, тому же Микояну отправляется пулеметная очередь слезных телеграмм-прошений. «Фактически отпущенный Наркомснабом фонд не покрывает установленного контингента на 19 тысяч тонн. Создается совершенно нетерпимое положение на заводах и стройках»²⁰⁶. В самом деле, на бесхлебье сидел даже тот контингент, который был установлен Москвой для централизованного снабжения.

Дело в том, что в конце тридцатого Наркомснаб разработал списки городов и установил социальные категории населения для нормированного распределения продуктов. В первый список внесли крупные промышленные города. На Урале — Свердловск, Челябинск, Нижний Тагил, Надеждинск, Златоуст и Пермь (только Мотовилиха). Во втором списке значились промышленные города поменьше. Ну и в третий занесли несущественное для индустриализации городское захолустье. Те Шадрински, Троицки, Уфалеи и Кунгуры, которые и сейчас неизвестно чем живут. Витрине социалистической цивилизации — Москве и Ленинграду — положили особо льготный продовольственный и промтоварный режим. Социальные категории формировали строго по классовому признаку. Самый высокий паек полагался индустриальным рабочим крупнейших предприятий. Отнесенные ко второй категории рабочие небольших про-

мышленных предприятий имели укороченный паек. В третьей категории оставалась прочая советская публика, исключая подозрительных и деревенщину.

На Урале под государственное обеспечение попало 2,3 млн. человек. Из них полмиллиона рабочих первой категории, 240 тысяч — второй и более полтора миллионов служащих и иждивенцев. Под централизованную государственную милость облисполком составил план ускоренного развития общественного питания. Планом предусматривалось строительство сотен хлебозаводов, пекарен, фабрик-кухонь. К началу 1933 года обещалось накормить все население Урала печеным хлебом промышленной технологии, а к 1937 году перевести земляков поголовно на общепит. Спланировали необходимое количество детских и взрослых стандартных обедов, дифференцировали их по стоимости, сбалансировали теоретически по калорийности. Чтобы убедить себя и остальных, разместили на заводах заказы на миллионы тарелок, кастрюль и ложек.

Похлевать вволю казенных щей не довелось. Государственный карман — хорошо положишь, да хрен возьмешь — снова подвел. И все пошло-поехало.

Телеграмма из Шадринска. Молния. Уралсовету и Уралобкому ВКП(б). «На складах нет муки. За вторую половину марта и апрель выдачи пайков нет. Срывается рабочее снабжение. Положение с мукой катастрофическое. Хлебозавод остановлен. 16 апреля 1931 года».

«Положение катастрофическое, — трафаретно сообщает телеграмма из Магнитогорска, — работы сорвались. Рабочие расходятся». Более детальный письменный отчет констатирует массовые забастовки на стройке, недовольство плохим питанием и нечеловеческими условиями работы. «Бетонный завод № 1 вместо 500 замесов дает 150—170. Люди устали и болеют. На хватает даже лаптей. Земляные работы зимой проводятся вручную кирками и клиньями, причем на 15 рабочих приходится только один клин...»

«Хлеба нет, — это уже из Кособродска, — все работы остановились. Рабочие расходятся»,

Тюмень — работники железнодорожного узла вынуждены и требуют отмены обеденного перерыва, так как есть нечего.

«Положение с продовольствием в колхозах, — телеграмма из Бродоколмака, — катастрофическое. Из-за отсутствия хлеба срывается сенокосение, прополка, вспашка пара, борьба с вредителями. В случае невысылки хлеба ставите в прямую угрозу срыва всех работ».

Голод, колхозники бегут с полей — вот содержание сотен телеграмм из сельскохозяйственных районов²⁰⁷.

Все ту же затягивалась смертельная петля голода. С государственного пайка сняли сельсоветы и сельские учреждения, некоторые слои интеллигенции, сократили до стыда, а потом и отменили вовсе снабжение иждивенцев по третьей категории. Жалобы от обреченных завалили областные учреждения. Билось в лихорадке безысходности областное руководство. С одной стороны, оно слезно умоляло центр о помощи. «Недоснабжение городов и поселков Урала поставками Наркомснаба, — телеграфировал председатель облисполкома Ошвинцев в Москву, — достигает 60—30%. В результате систематическое недообеспечение хлебом целых регионов Урала. Сокращается снабжение рабочего населения Урала и фабрично-заводской продукцией. Просьба улучшить снабжение Урала»²⁰⁸.

Москва распределяла все. Даже основной элемент экипировки энтузиаста — лапти. Потребность в лаптях первостепенных строек Урала на 1931 год составила 1,2 млн. пар. Уралмашу занарядили 220 тысяч пар, Магнитке — 270, Челябинтракторострою — 100 тысяч пар. Москва отпустила 33 тысячи. Год, надеялись, будет сухим и теплым.

В столице печальные депеши с мест не читали и руководствовались только государственным резонансом. Клянча и заискивая, партийные и советские Урала одновременно рабски выполняли злобные резолюции того же центра, вырывали из деревни с кровью каждый пуд хлеба. На глазах голодующих земляков возили хлеб по нарядам Москвы. И если у кого-то

из них просыпалось истинное человеческое достоинство — совесть, расправлялись с ним жестоко. Осенью тридцать первого секретарь обкома партии Зубарев и управляющий Уралзернотрестом Эрлих были обвинены в оппортунистических и антизаготовительных действиях и отстранены от работы.

На специальном заседании бюро Уралобкома виновные пояснили, что тормознули выполнение государственных обязательных поставок осознанно и исключительно для того, чтобы колхозы успели засыпать семенные фонды и обеспечить себя продовольствием, исходя из установленной обкомом нормы — 140 кг на едока в год. Мыслили, что тут говорить, справедливо во всех отношениях. Ежегодно колхозы сдавали семена государству, а по весне, в слякоть вывозили их на измученных лесозаготовками лошадях с железнодорожных станций. Двойная перевалка зерна осуществлялась только силами колхозов. Государство боялось, что колхозники просто съедят свой хлеб. Про то, что лучше накормить своего колхозника, чем вывозить хлеб за границу, и спору, с точки зрения здравого рассудка, не должно быть. Принцип государственных заготовок был абсурдным, но непоколебимым. Сначала все государству, а остальное себе.

Оппортунистов на бюро разгромили, а победители и дальше продолжали творить в тайной партийной подлости.

Здесь я намеренно избегаю разговора о голодных буднях года тридцать второго. Нет, он не изменил печальной тенденции, а еще усугубил. Даже у самого ортодоксального ценителя социалистических раритетов не повернется язык хвалиться успехами завершающего года первой пятилетки. От него несет могильным холодом расстрелов. О событиях, связанных с принятием указа о пяти колосках, поговорим во второй части книги.

Сверхголодный тридцать третий социального оптимизма не добавил. Первая пятилетка закончилась. Без особых экономических выкладок ее объявили выполненной досрочно. По официальной версии, она заложила фундамент социалистического строя. Разве

возразишь? По-прежнему в строю советской промышленности ветераны индустриализации. Волоком тащит аграрную экономику уставшее и старчески равнодушное детище ленинско-сталинского кооперативного плана. Да и нынешний талонно-дефицитный быт, всеобщая и плохо замаскированная эксплуатация, наплевательское отношение к личности — все уходит корнями в начало тридцатых.

Посмотрим теперь, как земляки, о стройках и домах сказано все, встречали очередную сталинскую пятилетку. Год начался круто. Централизованный паек Уралу урезали снова на 40%. Списки на государственное обеспечение, естественно, пришлось сокращать вдоль и поперек. По городам и категориям. Маленькие провинциальные городишки отлетели сразу, получив на прощание спасительный совет заняться самоснабжением. Попытки протестовать и бастовать были жестоко подавлены. «В связи со снятием со снабжения городского контингента Чердыни, — расходящая информация того времени, — имеют место волнения. 8 января учителя не вышли на конференцию, требуя накормить. Служащие, учителя толпами и с детьми ходят в районные организации с требованием хлеба. Для ликвидации беспорядков по нашей линии указания даны. Зам. ПП ОГПУ по Уралу Тучков»²⁰⁹. С голодающими жителями других городов справились по той же линии.

Без куска хлеба оставили всех неработающих и иждивенцев. Самая безответная часть населения находила утешение в жалобах, которых никто не читал. Одни только просили. Ветераны революции и гражданской требовали не только хлеба, но и «расследовать, какие враги народа устроили такое безобразие, и дать им по заслугам». Голод уравнивал и озлобил всех. Никого не интересовала чужая беда, от своей хоть в петлю лезь. Ранней весной начали урезать и даже совсем снимать с обеспечения некоторые промышленные предприятия и вспомогательные производства крупных заводов. На Пермской железной дороге, к примеру, на пайке оставили только работников подвижного состава. Многие побежали с предприятий, единственным стимулом работы был паек.

«Разве это голод, — успокаивал моих земляков в тридцать первом опытный «двадцатипятидесятник» с Поволжья, — вы еще своих детей не ели». В тридцать третьем у нас был настоящий голод. Урал пошел к последней черте.

— Полтавский район. Весной зарегистрировано более 100 случаев смертей от истощения. Главным образом среди казахов-нацменов из Казахстана.

— Варненский район. Многочисленные факты смертельных случаев от голода.

— Ординский район. За три месяца только в одном Карьянском сельсовете зарегистрировано 111 смертей. Все смерти по заключению врачей на почве истощения. В пищу употребляются разные суррогаты (березовое и липовое дерево, ржаная и гороховая солома, крапива, пижаны и другая трава), многочисленные факты поедания кошек, собак, крыс. В этом же районе заведено уголовное дело по факту убийства отцом четырехлетнего сына и употребления его в пищу...

Из-за продовольственных трудностей, констатируется в отчете областного прокурора Леймана, по области наблюдаются факты убийства детей родителями²¹⁰.

Устал я, дорогой читатель. Может, о голоде хватит? Таких сообщений в архивах море. Давай лучше о бабах. Только не о холеных выпускницах ВГИКа, что играют энтузиасток тридцатых в современном кино. А о тех женщинах, чей эстетический стандарт увековечен в граните фундаментально оптимистической, как Т-62 мухинской «Колхозницы».

19 мая 1931 года Наркомат труда СССР принял постановление «Об использовании женского труда в промышленности, в государственном и кооперативном аппаратах». Я не буду комментировать идеологическую часть этого документа, утверждающую, что социализм и женщина едины, что именно социализм открывает для нее все... Каждый образованный советский человек наплетет тут сколько угодно. Скажу суть — гнать надо бабу на завод и в колхоз!

Уральский облтруд отреагировал на бумагу только через год, когда мужик стал в невосполнимом де-

фиците. Постановление от 25 апреля 1932 года рекомендует широко развернуть работу по вовлечению женщин в народное хозяйство Урала и установить контроль за внедрением женского труда. Известно, где контроль, там и партия. Уралобком ВКП(б) тоже принял решение о, чего тянуть, стопроцентном вовлечении женщин в производство.

Первым делом специалистов по женскому вопросу стал перечень специальностей и отраслей производства, где применение женского труда возможно или преимущественно. В горном деле женщинам отвели место бурильщиков на колонковых молотах, машинистов тяжелых врубовых машин, конвейеров и скреперов, выборщиков породы и другие, соответствующие женской натуре рабочие места. Первый опыт дал почти положительные результаты. В данных медкомиссии, проведенной по линии защиты материнства на кизеловских угольных коях, отмечено, что женщины-горнячки в основном физически здоровы, но поголовно беременны. Ну тут уж и ОГПУ разведет руками.

В доменном производстве энтузиасток ждали на место весовщиков угля, руды, кокса и чугуна, наборщиков шихты, машинистов завалочных аппаратов. Химическая промышленность оказалась идеальным местом приложения женского труда. В отраслевом перечне почти все специальности отмечены литером «И», означающим исключительное применение труда женщин. Практика подтвердила доводы проектантов. Почти во всех отчетах Уралтруда хвалят Березниковский химкомбинат, где среди занятых было 30% женщин. Более высокий показатель имело только одно предприятие — Невьянский цементный завод — 35%. Документ Уралтруда тонко уловил еще одну устойчивую историческую тенденцию — использование труда женщин на ремонте железнодорожного полотна.

На 1932 год запланировали перетянуть в промышленность более четверти миллиона женских душ. Всем предприятиям довели контрольные задания по применению женского труда. Пермской железной дороге, например, предписали феминизировать трудо-

вой коллектив на 40%, тресту «Востоксталь» — на 30%. И хотя план тридцать второго не был выполнен, социалистическая промышленность Урала выказала растущий интерес к прекрасной половине человечества. Особенно отрасли с варварскими условиями труда и оплаты.

Политически отсталым руководителям втолковывали, что женщина, как существо сугубо чувственное, больше любит завод и коллектив, чем меркантильный мужик. Что женщина, особенно одиночка, устойчива до фанатизма в своих политических привязанностях, более активна в общественной работе. И самое важное, это показал опыт первых женских бригад, они менее склонны к простоям, перекурам, пьянкам, забастовкам и прочему чисто мужскому куражу. Но многие руководители и сами были фанатами индустриализации и не торопились осквернять промышленные пейзажи бытовыми дрязгами и видами сохнувших на ветру пеленок.

Сколь бы ни была привлекательна идея феминизации промышленности, советская женщина все-таки создана для колхоза. В основанную на произволе и директивной непредсказуемости колхозную систему робкая и выносливая соотечественница вписалась оптимально. Возник идеальный тип социалистического плантаторского хозяйства, где онаганенный большевистски мужской штат господствовал над вдовствующей и покорной бабьей деревней. Вдовствующий почти всесоветски, ибо старшее поколение ее мужиков сгнило в ссылке где-то под Надымом или Вишерой, сыновья положили здоровье и жизнь на стройках индустриализации, а внуками оплачены страшные счета второй мировой. Всесоциалистически покорной потому, что единственным актом протеста, да и самоутешения, для одиноких женщин остаются только слезы. И если во времена коллективизации государство воевало с мужиком и хозяином, то последующая система колхозных отношений строилась между всеильной властью и рабски забитой женщиной.

А ну-ка, девушки! А ну, красавицы!.. Вряд ли стоит здесь распространяться о Паше Ангелиной и

энтузиазме первых колхозниц, что звонкой песнею рвались прославить среди героев свои имена. Все это так знакомо по кинолентам тридцатых годов. Облик советской колхозницы напрямую ассоциируется с внешностью Любви Орловой. «Принципиальную партийную оценку» колхозному энтузиазму дает «История советского крестьянства», изданная уже в годы перестроечные. В пятитомном идеологическом занавесе, сшитом мандаринами от науки, фундаменталист коммунистического мировоззрения найдет одобрение души и все святые лики — от Петра Дьякова до мастеров брежневской показухи. В немеркнущем свете пророческих решений партии, разумеется.

Энтузиазм женщин ссылки и опаленных ею мало отличался от мужского. В качестве легкого комментария, раскрывающего специфику, приведу два письма. Одно документально зарегистрировано секретариатом ЦК ВКП(б), его секретным отделом и уральским областным прокурором. «Тов. Сталин. Я, бедная женщина-крестьянка, кругом обиженная. Наша власть на местах не выполняет твоих постановлений и приказов. Плакала я, плакала да и решила написать к тебе, все равно один конец. Но я надеюсь на тебя, на твою правду. Спаси меня и моих малых деток от смерти голодной. Несмотря на то, что мой муж Василий Федосеев служил в Красной Армии, был раскулачен. Мы считались на деревне самые бедные, наш дом был ветхий и никудышный. Все у нас отняли, меня больную гоняли-гоняли и, наконец, разрешили жить на задах в худой избенке... Мужика сослали в ссылку — станция Усольская Уральской области, в 15 роту под ОГПУ. А у меня четверо детей, старшему 9 лет, а младшей 2 годика. Сама я нищая и больная. Верни нам нашего кормильца или прикажи совсем нас убить. Наши деревенские власти ничего не хотят делать по-хорошему, совсем замучили всех. Пусть убивали бы совсем, так лучше бы было, чем так мучить. Вся надежда на тебя, тов. Сталин, помоги нам, мы запонапрасну страдаем. Сколько лет мы работали Советам, а тут вдруг не нужны стали. Прости меня, бедную бабу. Великое горе и ни-

щета пишет тебе это письмо. Крестьянка деревни Сумки Половинского района Елена Федосеева»²¹¹.

Таких писем в архивах Урала много. Их не упрячешь в пятитомник, если даже набирать мелким шрифтом. Слезы в конверте моей землячки спустились по ступеням иерархии до райкома партии. Вместе с нагоняем за допущенное безобразие. Нет, судьба несчастной женщины не интересовала никого. Гнев вышестоящих вызвал сам факт прямого письменного обращения к Сталину. Впредь местные власти обязали более тщательно фильтровать и проверять подозрительную корреспонденцию.

Второе письмо на шестьдесят лет моложе. Оно адресовано автору этих строк жительницей города Кургана Мочаловой Н. К., попавшей в ссылку восьми лет от роду. «Я одна из тех, кто подвергся раскулачиванию и ссылке вместе с родителями, братьями и сестрами. Место ссылки — Богословские угольные копи. Теперь это город Карпинск Свердловской области... На ссылке строили бараки, корчевали пни, тайгу. Отец работал в шахте, мама на стройке. Все очень голодовали. Отец заболел и через двенадцать дней умер. А через шесть месяцев, зимой тридцать третьего, умерла прямо на стройке мама. Затем умерла сестра Маня, затем брат Леня. А я попала в больницу — воспаление легких, малярия, желтуха. Потом детские дома Свердловской области. Видела столько смертей, штабеля мертвых...» Эти строки напоминают блокадный дневник ленинградской девочки. Только происходило описываемое десятью годами раньше ужасов блокады и в тихой глубинке Страны Советов.

О массовом энтузиазме колхозников и колхозниц впереди большой и конкретный разговор. Без первоисточников марксизма-ленинизма и высоких партийных резолюций. Только факты из жестокой, но реальной истории агроулага. А пока. Присмотритесь внимательнее к согбенным старушкам, что одиноко бьются у своих огородов и избенок, что прибранные детьми собираются по вечерам у городских подъездов. Это наша живая история. Загляните в их выцветшие от горя и слез святые глаза, чтобы до боли сер-

дечной понять — чьей судьбой оплачен наш политический авантюризм. Они это знают. Потому не обижайте их вопросами о социалистическом энтузиазме. Вот все советские голодухи они помнят хорошо. И ту, что пришлась на детство, и ту, что была в юности, и послевоенную. За плечами у них только нищета, у многих она и впереди.

Картина «массового энтузиазма» первых пятилеток будет и логически, и содержательно незавершенной, если не выписать хотя бы штрихами ее главных персонажей — партийных легионеров, о которых так много написано, да не то сказано. Масштабы свершений тех лет от ГУЛАГа до агроулага дают, так сказать, общий итог деяний партии, материализованный продукт ее идейных устремлений.

Но позаимствуем ходовые штампы «Правды», героика великих дел рождалась в трудовых буднях партийной работы. О реальной «героике» речь шла выше, с ее идеологическим миражом мы знакомы со школьных лет. Будни же партийной номенклатуры, взятые в конкретной уральской обстановке, являли уникальные комбинации политического прохиндейства и произвола, корыстолюбия и внутриклановой грызни, морального разложения и прикрывающей все примитивной до мракобесия идеологии. Всего того, на чем стоит любой фашиствующий тоталитаризм.

«...Я думаю, что случаи самоубийства кулаков будут, — откровенничал курганский партийный лидер на бюро Уралобкома, обсуждавшем план первой кампании массовых выселений, — случаи поджогов и террористических актов будут. Такие случаи возможны. Чем дольше мы будем держать кулаков в деревне, тем хуже. Тут товарищи испугались цифры в шесть тысяч человек. Я сам первое время испугался...»²¹²

Страх у всех товарищей прошел, когда через неделю Москва довела им квоту выселений по Уралу на 1930 год — более ста тысяч человек. Утерев крокодильевы слезы, профессиональные энтузиасты рванулись в дело. Мерой этого дела стала жестокость, ибо страх перед партией был на порядок выше стра-

да перед народом. Партия не прощала. Наш курганский герой за злое усердие был поощрен — переведен в Свердловск. Крутого на руку начальника шадринского ОГПУ Мовшензона тоже.

Челябинские партийцы с выселением лавров не снискали, от экспериментов с агрогородами и образцовыми колхозами остались только долги. Пришлось выкладываться с индустриализацией. Тюменское руководство, к примеру, было обречено объективно. Во-первых, много сил и времени отнимала неблагоприятная возня с перевалкой ссыльных со всего Союза. Во-вторых, собственные ресурсы кулачества оказались весьма ограниченными. Чего нас равнять с Южным Зауральем, огрызались на критику секретари Тобольского и Тюменского окружкомов, там кулак на кулаке, а у нас только туземцы да нищета беглая. И верно. «Как нам поступить, — запрашивала обком шадринская парткомиссия в декабре тридцатого, — коллективизация доходит до 90%. Куда девать кулаков? Высылать? Куда? По какому адресу? Под чьим руководством?»

Энтузиазм местных властей опережал директивы, пошел «сверхплановый» кулак. Какие тут сравнения? Туземные жители Нижнего Приобья, услышав о колхозе, бесследно, как гомоноиды, нырнули в тундру. Приходилось дожимать ссылками на особую жестокость тюменских кулаков и творить революционные мифы о Павлике Морозове и Петре Дьякове.

Слабодушных и отстающих жестоко карали. «Снять с работы, исключить из партии и отдать под суд» — сей трафаретной триадой заканчивалась деловая и политическая карьера тех, кто не поспевал за полетом партийных директив. Копия карающего решения обязательно направлялась в прокуратуру на предмет особого пристрастия к поименованным. Правда, в начале тридцатых гнев партии обрушивался в основном на периферийные слои. На местных рядовых служащих партийного культа и государственного кармана. Чисто аппаратная большевистская элита, партактив, еще зрела для большой будущей грызни. В мутном водовороте событий копили компромат. Прислушивались и присматривались, подси-

живали и подначивали. Чтобы потом, в тридцать седьмых, выложиться в перекрестном потоке тайных доносов, полных обвинений от идеологически скабрёзных фраз до бытового сожительства с классовым врагом.

Партия за семью печатями секрета хранит личные дела своих героев и материалы партийных чисток. Эти документы, очень вероятно, исчезнут при нынешней инвентаризации партийных архивов. Свой вывод строю на основе того, что каким-то образом удалось исследовать. Исчезнут потому, что один к одному передают морально-нравственную сторону партийной работы. Деятельности, подчеркиваю, всего аппарата, а не только кремлевского ареопага. Передают ту атмосферу всеобщего и смертельного страха, которая выжимает из человека все человеческое и превращает партию в мафиозно-политический клан. Сторонясь одиозной фигуры вождя народов, нынешние идеологи ссылаются на большие жертвы в самой партии. И, намалевав нимбы на вчера запрещенных портретах, лепят свежих кумиров косметически обновленной партийной истории.

Уважаемый читатель, прежде чем выносить скорый и несправедливо оправдательный вердикт, рисовать новые иконы, давай подумаем. На суде, где подлец в партийной мантии расправляется за нерасторопность с подлецом, с которого эту мантию содрали, героев нет. Все они помазанники кровью безвинных. Возведем в герои Косиора? Того, что разработал и подписал программу раскулачивания. Или теоретика Рыкова, который стал жертвой репрессий, но пропустил на Голгофу впереди себя миллионы ссыльных? Авеля Енукидзе, чья подпись красуется на указе «о пяти колосках»? А может, секретаря Уралобкома ВКП(б) Кабакова? Тоже претендент — репрессирован в 1938 году. Но до этого успел загубить в ссылках и голодом сотни тысяч земляков.

Было бы неверным считать страх единственным источником партийного вдохновения. Жгло и честолюбие. На карте страны уже красовались Ленинград, Сталинград, Свердловск. Естественно было предположить, что и на карте Урала возможны све-

жие имена. Партийцы областного пошиба присматривались к городкам с устаревшими и невыразительными названиями. В грезах вставали Кабаковск, Ошвинск, Гильдич... Районное звено грело душу мечтой о собственноименной деревеньке или, на худой конец, колхозе. До нервной дрожи хотелось въехать на черном лимузине в населенный пункт, названный твоим именем. В тридцать пятом Надеждинск уже переименовали в Кабаковск...

В грезы впадали не все. Был нюанс. Раппопортам, Мовшензонам, Цукерманам, орудующим в двух костылях партийной системы Урала — ОГПУ и торговле, в сем деле не светило. Не вписывались они никак в топонимику нашего региона. Хоть и служили исправно тиранам от великороссов.

Люди всегда были и будут жертвами обмана и самообмана в политике, если не научатся находить за политическими лозунгами экономические интересы классов. Где-то так сказал основатель партии. Теперь мы поняли это практически. Шкурный утробный интерес партийной номенклатуры, находящий удовлетворение во всем и вся, очевиден и отвратителен. Как чиновники аппарата, вчера еще демонстративно волокущие по улицам уставшего от очередей города сумки с экзотическим импортом. А ныне паразитирующие тихо и тайно.

Пора, наконец, отбросить мифы о непорочной преданности идее и честности партийных энтузиастов в тридцатые. Паразитизм у большевизма в крови. Это они в конце двадцатых, при насильственной муниципализации частного жилья влезли в чужие квартиры. Платья выбрасывали, даже не стирая, виновато вспоминает забытая богом и партией бывшая энтузиастка, щеголяли в обновках от раскулачивания до раскулачивания. Партийные документы и материалы ОГПУ констатируют повсеместную кражу имущества кулаков сельскими активистами и партийными наводчиками.

С первыми признаками продовольственного дефицита была создана сеть закрытых распределителей, обслуживающих работников партаппарата и их домашнюю челядь. Для декорума распределители

назывались ударническими. Но номенклатурно облюбыванные передовики всегда оставались только прикормышами барского стола.

В конце тридцать первого, когда по всему Уралу бушевал голод, специальным решением обкома партии и облисполкома работу распределителей «упорядочили». Отбросив всех прикормышей, установили порайонный контингент партактива и его кровородственных нахлебников, а также примерные нормы душевого потребления. Снабжение строго дифференцировали. Для сельских райкомов, это естественно, нормы и контингент определили поменьше. Чтоб человек с наганом, да при власти, да на деревне и не прокормил себя? Райкомовской партэлите — членам бюро и членам президума райисполкома установили паек по первой повышенной категории. Дабы дистанция улавливалась и в быту, дифференцировали пайки и иждивенцам. По второй категории питалась партактивная чернь. Во избежание мук зависти некоторые райкомы развели категории по отдельным спецмагазинам.

Чтобы читатель лучше освоил марксистскую теорию распределения в отечественной редакции, проиллюстрируем изложенное месячной нормой снабжения по Сухоложскому и Камышловскому райкомам на 1933 год. Да, тот самый, когда беспартийные земляки и дяловые партии мерли с голоду,

	Первая категория		Вторая категория	
	работа- ющий	иждиве- нец	работа- ющий	иждиве- нец
Мука	18 кг	8 кг	16 кг	8 кг
Мясо	3 кг	1 кг	1,5 кг	0,5 кг
Сахар	2,5 кг	0,8 кг	1 кг	0,5 кг
Масло жив.	1 кг	0,5 кг	0,5 кг	0,25 кг
Рыба	3 кг	1 кг	1,5 кг	0,5 кг
Масло раст.	2 кг	1 кг	1 кг	0,5 кг
Печенье	2 кг	1 кг	1,5 кг	1 кг

Теперь читатель может с удовлетворением констатировать, что его нынешний месячный рацион, если талоны удастся отovarить, почти равен пайку партийного иждивенца второй категории голодных лет. Так что шестьдесят лет прожито не зря. Отчет, из которого взяты приведенные выше пайки, живописует детали номенклатурного быта — «в Сухоложье организована столовая партактива, по качеству питания особенно хорошая...»²¹³

Ссылаясь на спасительную обкомовскую директиву, райкомы люто следили за ассортиментом закрытых кормушек. «Райком предупреждает, что в случае проявления отсрочек, тормоза или нежелания выполнять решения об улучшении снабжения партактива, будут приняты меры партийного воздействия как за срыв решений обкома партии». Такие депеши повсеместно и срочно разослали в хлебо-, масло-, мясозаготовительные и торговые организации. Дословно цитируется директива Лебяжьевского райкома партии от 21 января 1932 года.

Все номенклатурные пайки отоваривались из фонда плановых заготовок. Чем удачно обеспечивалась прямо пропорциональная зависимость между масштабами государственного ограбления и благополучием партийных энтузиастов. Под героизм подводилась, оппортунистически говоря, голая хозрасчетная основа, без идеологических орнаментов. Судебно-репрессивные органы, включая ОГПУ, получили не шикарный, но калорийный красноармейский паек, что вполне соответствовало характеру их работы и трудовых затрат. Советским учреждениям было позволено создать свои распределители. Но без особых претензий, а пропорционально их реальной власти.

Эталоном социалистического распределения на Урале была обкомовская кормуха. В тридцать третьем здесь состояло на откорме 1300 энтузиастов. Дразнить ассортиментом не буду. Финансовые документы спецмагазина № 36, обслуживающего обком партии и облисполком, свидетельствуют, что по централизованным фондам обеспечено стопроцентное выполнение планового товарооборота. Кроме того, во

исполнение известных директив об улучшении снабжения партактива соответствующим отделом Уралобкома ВКП(б) были заключены прямые договора со «Скотоводтрестом», «Маслопромом», «Союзмолоком», «Союзрыбой», «Уралохотсоюзом», Шарташским тепличным хозяйством и другими полезными организациями на сумму дополнительных поставок в 3,5 млн. рублей. При этом многие предприятия, фальшиво удивляются работники снаботдела, почему-то отказываются от всяких договоров и соглашаются услужить в любое время по доверительным письмам²¹⁴. С развитием телефонной связи отпала необходимость во всякой писанине.

Строго по чинам распределялись и промышленные товары. Рядовые партактивисты могли легально шариться на районной торговой базе. Секретарь райкома был приписан к областной. Соответственно делились бытовые и социальные льготы, литературные (классики марксизма бесплатно) пайки и многое другое, что делало жизнь социалистически сытной, а преданность идеям партии высокорентабельной. Весь материальный быт и система внутриклановых отношений десятилетиями лепили образ профессионального энтузиаста, вмещающего диалектическое богатство надменности и услужливости, тунеядства и личного крохоборства, прямолинейной демагогии и житейской изворотливости. Те черты, которые делают нынешнего аппаратчика узнаваемым даже визуально.

Конечно, выдубленный в крутом идеологическом рассоле партийный энтузиазм тридцатых воспринимается легче чем шкурный и сырой исторический факт. Тут все как в классической философии — к месту и ко времени. Ложь, притертая ко лжи, создает общую гармонию мировоззрения. Энтузиасты впечатляют широтой натуры и революционной решительностью. Что волокущие деревню в социализм Давыдовы и Нагульновы, что похожие на Лазаря Кагановича комиссары индустриализации. Это уже не преступники с маузером на холке, что чистили чужие амбары, и не капо, забивающие насмерть ссыльных

на лесосеках. Это герои. Даже литературно-исторические образы, адекватно отражающие героическую эпоху.

Я далек от утверждений, что голые факты складываются в картину прямо противоположную официальной версии номенклатурного энтузиазма. Различия скорее в содержании событий, чем в их обобщенном историческом векторе. Энтузиазм, вне сомнения, был. Цель единственно верных партийных решений, в которой решение знаменательное уступает место всемирно-историческому, а последнее сменяется судьбоносным, породила на провинциальном уровне такой шквал дуrolомства, пред которым меркнут даже административные начинания Василиска Бородавкина. Упиваясь шедеврами соцреализма, мы свыклись с мыслью, что истинные большевички стреляют или сдают в ОГПУ своих любимых, но идеологически чуждых мужей. А дети стучат на политически отсталых родителей. Но типичнее другая ситуация.

«Вам, любимым руководителям большевиков Челябинской области, районное собрание жен специалистов, директоров МТС, стахановцев и ответственных работников Куртамышского района шлет пламенный большевистский привет! Мы рады, что благодаря Сталинской заботе нас сегодня собрали на такой радостный праздник. Мы проработали итоги всесоюзного и областного совещания жен специалистов. Мы заверяем Вас, что со своей стороны примем все усилия для оказания помощи нашей любимой партии и вождю тов. Сталину в борьбе за 7—8 миллионов пудов хлеба в ближайшие 3—4 года, а по нашему Куртамышскому району не менее 100 пудов с гектара...»²¹⁵

Сии верноподданнические послания повсеместно и регулярно (к праздникам, по случаю пуска очередной домны, цеха, завода, иного союзного или местного успеха) направлялись в партийные органы. Как свидетельство должного политического рвения, заслуживающего дополнительного продовольственного пайка. Самые цветистые послания иногда поощрялись. Комитеты, созданные из прекрасной номенклатурной половины, занимались революционным будированием

провинциального населения. Постепенно складывалась процветающая ныне традиция — комплектовать местный управленческий штат здравоохранения, народного образования, культуры женами и пассиями партийных и советских руководителей. Матримональный корпус номенклатуры честно, со всей лютостью женщины, впавшей в коммунистический фанатизм, отработывал свое содержание.

«В челябинских школах, — озабоченно сетовал начальник ОГПУ, — имеется состав учителей в большом количестве из чуждого элемента и оказывает свое влияние на советское учительство, а также на учащихся действует разлагательно». Что уж говорить о Свердловске с его гнилыми интеллигентскими традициями? Контру из уральской системы народного образования вычистили. В просвещение пришли люди свежие и нужные. И сразу же определились с детскими садами и яслями, строго отрегулировав социальный состав воспитателей и воспитанников. Школьную поросль номенклатуры выделили в особые элитные классы, где культивировали раннюю политическую зрелость. Подработали методику, придав ей необходимую политическую ориентацию. «Решение ЦК ВКП(б) обязывало и обязывает парторганизации, отделы каждого образования — как штабы культурной революции и руководящий состав коммунистов — как основных проводников, взять под непосредственное руководство постановку преподаваемых общественно-политических дисциплин и решительно взяться за перестройку работы низшей и средней школы, на основе этого обеспечить учебные программы ведущими дисциплинами, решительного перелома в целевыдержанного, коммунистического, марксистско-ленинского воспитания учащихся, количественную общеобразовательную их подготовку и выковку идеологии, организовав на деле борьбу за подготовку кадров для социалистического строительства из людей рабочего класса. Одновременно усилить борьбу против всяких попыток привить детям советской школы антипролетарской идеологии, легкомысленного методического прожектерства как антиленинских действий и также ведущие фактически к разрушению

школы. Однако в место решений борьбы за генеральную линию партии в учебной работе, за генеральную линию партии в учебной работе техникумов, в место активизации учебных учащихся на неуклонное проведение шести исторических принципов тов. Сталина...»²¹⁶ Понятно? Для политически необразованных даю примерный перевод партийных идиом — надо улучшить сельскохозяйственное образование. Цитируется директива одного из райкомов ВКП(б) по данному вопросу.

Черт с ними, с дураками. Они вечная наша проблема. Поговорим о другом. Рядовой сельский интеллигент, учитель в особенности, всегда являет собой необъяснимый феномен чистого бескорыстия, совмещая полярные стороны советской действительности — высокое призвание труда и люмпенски нищий быт. За семьдесят лет перманентной культурной революции наворочено много. Самое беглое описание содеянного потребует особого и долголетнего увлечения. Но принципиально неизменно одно. Учитель всегда был в авангарде агрессивной пролетарской культуры. От понятого при раскулачивании до последнего защитника исторических ценностей социализма в современной школе. В системе же распределительных отношений он всегда предпоследний. В затылок ему дышит только представитель чистой культуры. Вот и в тридцатом...

«В Макушинском районе просвещенцам выдают только по 6,5 кг муки в месяц и больше никаких продуктов не выдают. Наблюдается массовое истощение и заболевание среди просвещенцев. Из 27 человек, прошедших медосмотр, все до одного болеют от истощения... Среди просвещенцев Утятского района болезненно нервное, напряженное настроение. Все что боятся. Вместо поддержки, помощи в работе сплошь запугивание и презрительное отношение со стороны райорганизаций. Колхозы берут зарплату просвещенцев себе, заставляют их работать в поле и на хозработках»²¹⁷.

На начало тридцатых приходится самый буйный этап культурной революции. Избачей и учительство, как костяк революционной контрагентуры, мобилизо-

ваии на борьбу с религиозным дурманом, приказав организовать отряды безбожников. Степень общественной полезности сельской культуры стала определяться количеством сожженных икон и тоннажом цветметалла содранных окладов и колоколов. Партийные энтузиасты были впереди и хорошо знали, к чему призывать. Прогрессивный почин челябинских, к примеру, коммунистов породила секретная директива облисполкома. «Мобилизация колокольной бронзы имеет целью обеспечить этим дефицитным материалом тракторные заводы». Серьезную методическую помощь в антирелигиозном воспитании оказала директива НКВД, фрагмент которой привожу дословно. «Заготовка и вывозка колокольной бронзы согласно постановлению СТО от 8 сентября 1934 года за номером 877/90-с для пополнения мобилизационных запасов цветных металлов в Вашем районе не развернута... Для форсирования заготовок бронзы усилить агентуру и направить ее на места». Документ адресует особое внимание на Шадринск, Далматово и другие перспективные религиозные центры Урала. Молодого наследника ОГПУ номенклатура боялась больше всевышнего.

Многочисленные попытки украсть у бога и кирпич для новостроек индустриализации оказались безуспешными. Описывать их не буду, поскольку вопрос уходит за пределы даже советской культуры и более соотносится с искусством пиротехники.

О классовом подходе в системе отечественного здравоохранения. Нет-нет, речь не о четвертом Главуправлении Минздрава! Я о своих тридцатых. Медицинская помощь землякам, об этом мы говорили в самом начале книги, всегда была обусловлена выполнением обязательных поставок, покупкой облигаций и прочими общественно полезными деяниями. Голодомор и соответствующий взрыв массового энтузиазма придали основополагающему принципу системы качественно новое содержание. Сначала реальный и далеко не единичный факт. «Фельдшер, — доносит в Уралобком ВКП(б) секретарь Яркового райкома партии, — приходящим к нему на прием колхозникам давал заключение, что они болеют от недо-

едания и голода, давал предписания правлениям о улучшении питания. Он привозил в райбольницу образец хлеба и спрашивал — можно ли с такого хлеба работать? После осмотра 50 человек колхозников он сделал заключение, что они от недоедания и голода имеют старческий вид.

За такие заключения, а также за другие поступки, направленные в помощь кулаку и против всех мероприятий Советской власти, в первую очередь против коллективизации и хлебозаготовок, сбора семян и мясозаготовок, этот фельдшер отдан под суд»²¹⁸.

В партийных директивах, направляемых в органы здравоохранения, постоянно присутствует требование — не впадать в излишнюю детализировку причин массовых заболеваний, избегать оппортунистически поспешных выводов из медицинской практики. Сводные данные о массовых заболеваниях на Урале строго засекречивались. Суетная забота о физическом здоровье народа переводилась, таким образом, в плоскость идейного здоровья самих врачей и их партийных покровителей. Ну кто тут нам может быть конкурентом? Идейная выносливость уральских эскулапов все-таки изумляет. Полвека мы давим пятками злые радионуклеиды. Пол-Урала, выражаясь челябинско-сороковски, звенит и светится. А они — ни гу-гу. Провоцирующе орет только въедливая буржуазная лже-наука. Вежливые японские специалисты, допущенные на берега Течи, испуганно удивлялись показаниям приборов и, не веря опасному для жизни фону, по-советски колотили свою хваленую измерительную технику в бока.

О положительно-творческом вкладе партийных энтузиастов легальная история постаралась сказать многое. Но жизнь богаче даже поэтизированной истории социалистического прошлого. Любимым поприщем казенного энтузиаста были почины и соцсоревнование, то, чем так богато декорирована советская действительность. Общая композиция и тональность декорума определялась, естественно, кремлевскими творцами. В выдержанном вкусе феодального Китая отдельным фрагментам социалистической ис-

тории давались благозвучные эпитеты. Эпоха индустриализации, победившего социализма, развернутого строительства коммунизма, развитого социализма. Канонизировалась структура пятилеток — год переломный, определяющий, завершающий. Абрисно, без ущемления провинциального творчества доводились формы «всенародного» соревнования. Директивно строгой оставалась только суть, но об этом несколько позднее.

Ударничество и социалистическое соревнование — близнецы-братья. Чтобы осмыслить их реальность, вернемся к логике коронованного английского мракобеса. Ударники были, потому как существовало законодательство, охраняющее таковых от неударного большинства. «Квалифицировать убийство ударников, — гласит циркуляр Наркомюста от 3 июля 1931 года, — совершенное в целях воспрепятствия их деятельности как ударников, мести им за ударную работу со стороны отсталых или классово чуждых элементов по статье 58 п. 8 УК. К лицам, совершившим это преступление, применять расстрел». Читатель уже знает, что ударников пятилетки слегка подкармливали. Забота о них впечатляет и понятна. Выработка ударника, реально достигнутая в льготных условиях или инсценированная, становилась нормой эксплуатации остальных. Рассчитывать на восторженное отношение к ним серой советской общественности не приходится. При удачном стечении обстоятельств передовиков даже бивали, особенно в среде ссыльных и вербованных. Поэтому «всенародное ударничество» насаждалось директивно, иезуитски и поголовно.

Массовое соревнование тоже было, ибо о нем шестьдесят лет кряду шумела отечественная пресса. Оно было, подтвердит всякий ученый, хоть раз работавший в каталогах Государственной библиотеки имени Ленина. Там тысячи карточек на диссертации по соцсоревнованию. Для прессы и общественной науки всенародное соревнование — второе, после руководящей роли партии, кормное место. С наукой разберутся потомки, а мы заглянем в пожелтевшие материалы тридцатых.

«Обеспечить ударные темпы хлебозаготовок!» — призывает директива Уралобкома ВКП(б) осенью тридцать первого. И начинается шумная возня местных энтузиастов. Подготовлено через курсы три тысячи уполномоченных высшей требовательности, проведены повсеместно собрания, призванные «всколыхнуть» массы, организовано со стопроцентным охватом соревнование в честь пуска домны на Магнитке и Харьковского тракторного завода, созданы бригады просто активистов и активисток-делегаток для контроля за уборкой, отряды «легкой кавалерии» и комсомольско-пионерские дозоры, самых доверенных активистов отправили в красные ходы посуху и по Каме. Не забыли про свежий почин ленинградцев — создать особые отряды ударников, укомплектованные исключительно коммунистами. Что-то вроде ударно-хозяйственного ОМОНа. Идея пошла туго. Среди работающих в поле оказалось мало коммунистов, а среди профессиональных энтузиастов — мало умеющих и желающих убирать хлеб.

«Заставить корову утронить надои!» — актуально гремели газеты. И сонм сопричастных к подъему животноводства объявляет войну оппортунистической ялвости и массовое социалистическое соревнование за стопроцентную случку. Исходным моментом успеха, что ясно каждому соотечественнику, является расстановка партийных кадров. «В среднем по 29 районам, — с ужасом констатирует документ Уралобкома ВКП(б), — один коммунист приходится на пять ферм и 748 голов скота. Хуже всего в Кизильско-Троицком районе, где на 20 фермах всего 8 коммунистов. На каждого коммуниста приходится по 2314 голов скота. Коммунисты в основном работают завфермами. В Режевском районе, например, из десяти коммунистов, работающих на фермах, все десять заведуют фермами. Коммунисты и комсомольцы работать на ферме не хотят, а стремятся на курсы пропагандистов...

Проверка в 56 районах области социального состава работников ферм дала следующие результаты. Проверено 1396 ферм с числом работающих 14 547 человек. Вычищено 105 завфермами, 29 бригадиров,

1073 прочих работника. На Анисимовской СТФ Махневского района оказалось при проверке классового состава свинок, что бригада № 8 полностью укомплектована кулацким элементом»²¹⁹.

Документ спокойно информирует, что областная потребность в кормах обеспечена по сене на 13%; соломе — 18%, прочим кормам — 11%. Резонные мысли о том, что на таком рационе корова не впадет в окоту даже по глупости и молодости, были признаны вредительскими.

Как там не крути, а суетное и опасное это дело — быть на подхвате. Почти всех низовых энтузиастов с партбилетами брали в конце концов за загривок. Недостатка в причинах для внутрипартийных репрессий не было. Зияющий провал между максимализмом директив и скромностью реальных достижений давал основания обвинять многих. Но дело не в конкретных причинах, а в принципе. Дуроломство государственных политических лидеров, взлетевших на вершину власти по историческому случаю, предполагало таковое и внизу, но уже по необходимости. Для того, чтобы отвечать. Показная расторопность часто была единственным оправданием в момент сведения счетов. Равно и единственным условием служебного взлета.

Несмотря на претенциозный характер многих политических кампаний на переломе двадцатых-тридцатых годов, они насквозь пронизаны примитивным и грязным меркантильным интересом. Вся политическая культура (если здесь уместно говорить о таковой) описываемого в данной работе периода являла собой прикрытую демагогией и секретностью систему жесточайшей эксплуатации и государственного вымогательства. Налоги и займы, хлебные погромы и ужас раскулачивания, голод и «массовый героизм» индустриализации — все это этапы преступной политики против основы российской экономики и национального быта — деревни. Политики, конечным итогом которой было колхозное рабство.

Уникальность нашей жуткой истории (опять всемирно-историческое значение!) в том и состоит, что Россия самоотверженно и глупо легла на пути ком-

мунизма в цивилизованный мир и дала ему абсолютный эталон преступной бесовской государственности. Дала броско, по-русски масштабно и осязаемо. Миллионами замордованных пытками, ссылками, голодом и непосильным трудом соотечественников. Поражающей всех нищетой в самой большой и богатой стране. Духовным убожеством на родине Пушкина, Чехова и Глинки, в стране православия. Неандертальскими, по форме и существу, замашками лидеров отечественного коммунизма. Мы, наконец, дали миру колхоз...

С энтузиазмом перевалили в год тридцать четвертый. Из материалов, подготовленных ко второй части книги — о неписанной истории уральского агроулага, достану два документа. Исключительно для того, чтобы вывести читателя из глухого минора. В первом работницы Кривинской пимокатной мастерской публично обещают ежемесячно отчислять два процента нищенской зарплаты в помощь бедствующим немецким рабочим. Помощь, уточняется тут же, будет оказываться до полной победы коммунизма в Германии. Сейчас смешно. Они-то видели мир через газеты тридцатых, где треть материалов отводилась партийным директивам и сообщениям о внутренних классовых боях, треть — проискам международного империализма, остальное — рассказам о бедственном положении рабочих в странах капитала. И правда, к тому времени мир только выбрался из кризиса. Большевицкая печать находила такие образные формы, что мы зверели в ненависти и мокли в слезах жалости. А может, и это все ложь? Отечественная голодуха казалась раем, а партийные руководители — гениями. У них Керзон и безработица. И позавидуешь ли американским фермерам, вынужденным уравнивать походы на Вашингтон.

На этом информационно-психологическом фоне власти активно развернули сбор «пожертвований» на оборону и помощь обиженным судьбой зарубежным пролетариям. Брали деньгами и продуктом, барщиной и облигациями. По-цыгански, если попадался слабохарактерный, кланчили серьги, кольца и семейные драгоценности. Не брезговали мелочью — «бед-

нячка Якимова Ефанасья внесла на постройку дирижабля 1 рубль 50 копеек, бедняк Медведев — 50 копеек...» Жертвующих зело и газетно хвалили. Те гордились и вызывали на соревнование соседей. Не поддержавших карманноочистительную кампанию клеймили позором.

Всесоюзно собирали на модные тогда дирижабли со звучными именами: «Клим Ворошилов», «Правда», «Наш ответ империалистам», самолеты с индексом «Наш ответ папе римскому», подводные лодки. Наши земляки регионально скинулись на танк «Уральский безбожник» и дирижабль «Выдвигенец». Инициатива перла из всех партийных щелей. Если не было возможности поддержать материально, раскачивали на поддержку идейно. Комсомольцы техникумов, извиняясь за нищету, просили от своего имени (проект партячейки) наградить ОГПУ орденом Ленина. Попы новой коммунистической веры звездили на октябринах новорожденных в Енгельсины, Велоры (Великий Ленин — организатор революции), Мэлсы (абрелеатура классиков марксизма). В Баксарах Лебяжьевского района, сообщает радостно газета, мальчика назвали революционно и народно — Серпик. Серп Молотович! Страна, великая страна, ложилась в опасный мираж.

Второй документ — экономическая характеристика колхоза «Путь культуры» Воскресенского сельсовета родного Половинского района.

«Объединяет 59 хозяйств, трудоспособных — 63 человека, план посева выполнен на 100%. Погибло и высечено кобылкой 51% посевов. Валовой сбор — 728 ц, 1,15 ц с га. План обязательных хлебопоставок выполнен на 78% (слано 525 ц), возврат семенной ссуды — 108 ц. Семян для посева 1935 года нет»²¹⁵. На едока, стыдливо не договаривает документ, пришлось по 36 кг зерна в год.

На бумаге резолюция секретаря райкома партии — «Колхозу необходимо иметь платного парторга». В этой трагикомической дикости дожили до дней нынешних. Сегодня энтузиастов-захребетников

из дворцов и предприятий выгнали. Ах, Борис Николаевич, Борис Николаевич! Как же мы без них жить-то будем? Сразу да по-человечески? Отвыкли ведь. Семьдесят лет шли не туда, но прямо. А теперь голова кругом. Как с похмелья на ветру. Не занесло бы куда снова.

ИСТОЧНИКИ ИНФОРМАЦИИ

1. Весь промышленный и торговый Урал. Свердловск, 1927.
2. Сборник статей по статистике Урала. Свердловск, 1927.
3. Весь промышленный и торговый Урал. Свердловск, 1927.
4. Очерки Курганского округа. 1925.
5. Государственный архив Курганской области (ГАКО), ф. 13, оп. 2, д. 39, л.
6. ГАКО, ф. 13, оп. 2, д. 39.
7. Там же.
8. Государственный архив Свердловской области (ГАСО), ф. 148, оп. 1, д. 347, л. 1.
9. ГАСО, ф. 148, оп. 1, д. 947, л. 3.
10. Там же, л. 4.
11. Партийный архив Свердловской области (ПАСО), ф. 4, оп. 6, д. 353, л. 51.
12. ПАСО, ф. 4, оп. 6, д. 353, л. 52.
13. Партийный архив Курганской области (ПАКО), ф. 7, оп. 1, д. 17, л. 99.
14. ПАКО, ф. 7, оп. 1, д. 980, л. 1; ПАСО, ф. 4, оп. 6, д. 356, л. 4.
15. ПАКО, ф. 7, оп. 1, д. 980, л. 159.
16. Там же, л. 16.
17. Пугачевщина. Центрархив. Т. 3. 1933. С. 35.
18. Партийный архив Челябинской области (ПАЧО), ф. 75, оп. 1, д. 564, л. 88.
19. ПАКО, ф. 7, оп. 1, д. 980, л. 65.
20. Там же, л. 56.
21. Там же, л. 154.
22. ПАЧО, ф. 75, оп. 1, д. 563, л. 9.
23. ПАКО, ф. 7, оп. 1, д. 979, л. 22.
24. Государственный архив Челябинской области (ГАЧО), ф. Р-98, оп. 1, д. 1974, л. 5.
25. ПАСО, ф. 4, оп. 7, д. 204, л. 31—32.
26. ГАЧО, ф. Р-98, оп. 1, д. 3138, л. 118.
27. ПАЧО, ф. 75, оп. 1, д. 740, л. 75.
28. ПАЧО, ф. 75, оп. 1, д. 743, л. 53.
29. ПАКО, ф. 7, оп. 1, д. 922, л. 143.
30. Партийный архив Тюменской области (ПАТО), ф. 46, оп. 7, д. 52, л. 5.
31. ПАСО, ф. 4, оп. 6, д. 353, л. 2.
32. ПАКО, ф. 7, оп. 1, д. 863.
33. «КПСС в резолюциях...» М., 1984. Т. 4. С. 237.
34. Бухарин Н. Путь к социализму, Новосибирск: Наука, 1990. с. 364—368.

35. Бухарин Н. Путь к социализму. Новосибирск: Наука, 1990. С. 345.
36. История социалистической экономики СССР. М.: Наука, 1977. Т. 3. С. 327.
37. Струмилин С. Очерки социалистической экономики СССР, М., 1959. С. 259.
38. ГАКО, ф. 315, оп. 1, д. 668, л. 1.
39. ПАКО, ф. 13, оп. 1, д. 1086, л. 11.
- 40.
41. Сообщениями о продовольственном дефиците полны и гражданские документы. Интерес к этому вопросу политическо-го сыска обусловлен профессиональной подозрительностью в любом скоплению озабоченных соотечественников.
42. ПАКО, ф. 13, оп. 1, д. 1394, л. 147.
43. ПАКО, ф. 13, оп. 1, д. 1693 «а», л. 229.
44. ПАКО, ф. 7, оп. 1, д. 17, л. 62.
45. ПАКО, ф. 7, оп. 1, д. СР-5, л. 4.
46. ПАЧО, ф. 75, оп. 1, д. 743, л. 30.
47. ПАКО, ф. 13, оп. 1, д. 1470, л. 24.
48. ПАЧО, ф. 75, оп. 1, д. 743, л. 41.
49. Там же.
50. ПАКО, ф. 7, оп. 1, д. 980, л. 47.
51. ГАКО, ф. 315, оп. 1, д. СР-5. Циркуляры облсуда.
52. ПАКО, ф. 7, оп. 1, д. 904, л. 176.
53. Там же, л. 181.
54. Там же, л. 178.
55. Там же, л. 180.
56. Там же, л. 163.
57. ГАЧО, ф. Р-277, оп. 1, д. 157, л. 35.
58. ПАКО, ф. 7, оп. 1, д. 904, л. 39.
59. ГАСО, ф. 148, оп. 1, д. 946, л. 11.
60. ПАКО, ф. 315, оп. 1, д. СР-5, л. 39.
61. ПАКО, ф. 13, оп. 1, д. 1395, л. 23.
62. ПАКО, ф. 7, оп. 1, д. 985, л. 65.
63. ПАКО, ф. 13, оп. 1, д. 1693 «а», л. 282.
64. ПАКО, ф. 13, оп. 1, д. 1470, л. 55.
65. Красный Курган, 1930, 4 июня.
66. ПАКО, ф. 13, оп. 1, д. 1470, л. 24.
67. ПАКО, ф. 7, оп. 1, д. 985, л. 47.
68. ПАКО, ф. 13, оп. 1, д. 1470, л. 43.
69. ГАЧО, ф. Р-98, оп. 1, д. 1997, л. 20.
70. Государственный архив Тюменской области (ГАТО), ф. 865, оп. 1, д. 6, л. 144.
71. ПАКО, ф. 7, оп. 1, д. 985, л. 203.
72. Там же, л. 43—47.
73. Там же.
74. ПАКО, ф. 13, оп. 1, д. 1470, л. 24.
75. ГАЧО, ф. Р-98, оп. 1, д. 1963, л. 193—204.
76. ПАКО, ф. 13, оп. 1, д. 1693 «а», л. 181.
77. ГАЧО, ф. Р-98, оп. 1, д. 1963, л. 204.
78. ПАКО, ф. 7, оп. 1, д. 913, л. 13.

79. ПАКО, ф. 13, оп. 1, д. 1693 «а», л. 283.
80. ПАКО, ф. 7, оп. 1, д. 985, л. 56.
81. ГАКО, ф. 315, оп. 1, д. СР-1.
82. ПАКО, ф. 7, оп. 1, д. 1027, л. 24.
83. ПАКО, ф. 7, оп. 1, д. 1076, л. 22.
84. ГАЧО, ф. Р-98, оп. 1, д. 2699, л. 38—39.
85. ПАКО, ф. 7, оп. 1, д. 985, л. 70.
86. Там же, л. 56.
87. ГАКО, ф. 315, оп. 1, д. 132, л. 191.
88. ГАКО, ф. 315, оп. 1, д. 473, л. 57.
89. ГАКО, ф. 315, оп. 1, д. 132.
90. Там же.
91. ГАКО, ф. 315, оп. 1, д. СР-1.
92. ПАКО, ф. 7, оп. 1, д. 1076, л. 20.
93. ПАСО, ф. 4, оп. 8, д. 54, л. 61.
94. ПАСО, ф. 4, оп. 6, д. 352, л. 46.
95. ПАСО, ф. 4, оп. 7, д. 76, л. 80.
96. ПАКО, ф. 7, оп. 1, д. 922, л. 143.
97. ПАСО, ф. 4, оп. 7, д. 76, л. 331.
98. ПАСО, ф. 4, оп. 8, д. 54, л. 155.
99. ПАСО, ф. 4, оп. 7, д. 76, л. 257, 346.
100. ПАКО, ф. 7, оп. 1, д. 922, л. 129.
101. ПАСО, ф. 4, оп. 7, д. 76, л. 206.
102. ПАСО, ф. 4, оп. 8, д. 4, л. 95.
103. ПАСО, ф. 4, оп. 8, д. 54, л. 35.
104. ПАКО, ф. 7, оп. 1, д. 922, л. 234.
105. ПАЧО, ф. 75, оп. 1, д. 722 «а», л. 792.
106. ГАЧО, ф. Р-98, оп. 1, д. 2719.
107. Красный Курган, 1930, 15 января.
108. ГАКО, ф. 319с-804, оп. 1, д. 12, л. 197.
109. Цит. по: Документы свидетельствуют, М., 1989, с. 304—306.
110. ПАКО, ф. 7, оп. 1, д. 922, л. 123.
111. ПАСО, ф. 4, оп. 8, д. 486, л. 227.
112. Там же, л. 295.
113. Красный Курган, 1930, 30 января.
114. ПАКО, ф. 7, оп. 1, д. 1027, л. 108.
115. ПАСО, ф. 4, оп. 8, д. 54, л. 26.
116. ГАТО, ф. 865, оп. 2, д. 2, л. 43.
117. ПАКО, ф. 7, оп. 1, д. 922.
118. ПАСО, ф. 4, оп. 8, д. 54, л. 71.
119. ГАТО, ф. 865, оп. 2, д. 2, л. 43.
120. История социалистической экономики СССР. М.: Наука, 1977. Т. 3. С. 327.
121. ПАКО, ф. 7, оп. 1, д. 1027, л. 88.
122. Красный Курган, 1930, 28 января.
123. ГАКО, ф. 315, оп. 1, д. 463, л. 203—204.
124. ПАСО, ф. 4, оп. 8, д. 54, л. 9.
125. ПАСО, ф. 4, оп. 8, д. 54, л. 29.
126. ПАТО, ф. 46, оп. 7, д. 10 (745), л. 26—29.
127. ПАСО, ф. 4, оп. 8, д. 54, л. 91.
128. ГАКО, ф. 319с-804, оп. 1, д. 6, л. 32.
129. ГАТО, ф. 865, оп. 2, д. 2, л. 24.

130. Там же, л. 32.
131. ПАЧО, ф. 75, оп. 1, д. 641, л. 28.
132. ПАЧО, ф. 75, оп. 1, д. 641, л. 29.
133. Там же, л. 62.
134. Там же, л. 39.
135. ГАКО, ф. Р-492, оп. 2, д. 254.
136. ГАКО, ф. Р-315, оп. 1, д. 145.
137. ПАСО, ф. 4, оп. 8, д. 54, л. 41.
138. Там же.
139. Там же, л. 123.
140. Там же, л. 127.
141. ГАТО, ф. 865, оп. 2, д. 2, л. 53.
142. ПАСО, ф. 4, оп. 8, д. 54, л. 75.
143. ПАЧО, ф. 75, оп. 1, д. 641, л. 30.
144. Там же, л. 32.
145. ПАКО, ф. 7, оп. 1, д. 924, л. 8.
146. ГАКО, ф. 319с-804, оп. 1, д. 20, л. 6.
147. ПАКО, ф. 7, оп. 1, д. 922, л. 186.
148. Там же.
149. ПАКО, ф. 7, оп. 1, д. 922, л. 274.
150. ПАКО, ф. 7, оп. 1, д. 924, л. 82.
151. ГАКО, ф. 315, оп. 4, д. 2, л. 53.
152. ПАСО, ф. 4, оп. 8, д. 54, л. 447.
153. Там же.
154. ГАТО, ф. 865, оп. 1, д. 15, л. 20.
155. ПАСО, ф. 4, оп. 8, д. 54, л. 225.
156. Там же, л. 40.
157. Там же.
158. Там же, л. 141.
159. Там же.
160. Там же.
161. ПАСО, ф. 4, оп. 8, д. 54, л. 247.
162. Там же, л. 40.
163. ГАКО, ф. 319с-804, оп. 1, д. 20, л. 6.
164. ПАСО, ф. 4, оп. 8, д. 57, л. 244.
165. ПАКО, ф. 13, оп. 3, д. 105, л. 70.
166. ПАТО, ф. 46, оп. 7, д. 19, л. 62.
167. Красный Курган, 1930, 5 апреля.
168. Красный Курган, 1930, 16 апреля.
169. ГАСО, ф. 88, оп. 1, д. 2548, л. 7.
170. ПАКО, ф. 7, оп. 1, д. 1076, л. 121.
171. ПАСО, ф. 4, оп. 8, д. 54, л. 192.
172. ПАКО, ф. 7, оп. 1, д. 922, л. 76.
173. Там же, л. 171—175.
174. ПАКО, ф. 7, оп. 1, д. 1027, л. 166.
175. ПАТО, ф. 46, оп. 8, д. 44, л. 4—19.
176. ПАКО, ф. 7, оп. 1, д. 922, л. 14.
177. ПАСО, ф. 4, оп. 11, д. 181, л. 149.
178. История советского рабочего класса. М.: «Наука», 1984, стр. 7.
179. ПАСО, ф. 4, оп. 11, д. 198, л. 1.
180. ПАСО, ф. 4, оп. 11, д. 198, л. 3.

181. ПАСО, ф. 4, оп. 8, д. 101, л. 56.
182. ПАСО, ф. 4, оп. 8, д. 101, л. 20.
183. Там же, л. 22.
184. ПАСО, л. 4, оп. 9, д. 954, л. 146.
185. ПАСО, ф. 4, оп. 9, д. 962, л. 192.
186. ПАСО, ф. 4, оп. 9, д. 214, л. 92.
187. ПАСО, ф. 4, оп. 9, д. 214, л. 49.
188. Там же, л. 26.
189. ПАСО, ф. 4, оп. 11, д. 198, л. 52.
190. Там же, л. 53.
191. ПАСО, ф. 4, оп. 11, д. 197, л. 81.
192. Там же, л. 73.
193. Там же, л. 82.
194. ГАКО, ф. 775, оп. 1, д. 356, л. 45.
195. ПАСО, ф. 4, оп. 11, д. 198, л. 1.
196. Там же, л. 16.
197. ГАСО, ф. 88р, оп. 1, д. 2942, л. 532.
198. ГАСО, ф. 88р, оп. 1, д. 2941, л. 53.
199. ГАСО, ф. 88р, оп. 1, д. 2942, л. 188.
200. ГАСО, ф. 88р, оп. 1, д. 2942, л. 543.
201. ГАСО, ф. 88р, оп. 1, д. 2941, л. 29.
202. Там же, л. 295.
203. ПАСО, ф. 4, оп. 8, д. 101, л. 72.
204. Там же, л. 76.
205. ПАСО, ф. 4, оп. 8, д. 509, л. 150.
206. ГАСО, ф. 88р, оп. 1, д. 2955, л. 21.
207. ГАСО, ф. 88р, оп. 1, д. 2955.
208. Там же.
209. ПАСО, ф. 4, оп. 11, д. 198, л. 37.
210. ПАСО, ф. 4, оп. 11, д. 197, л. 130—153.
211. ПАКО, ф. 75, оп. 1, д. 115, л. 6.
212. ПАСО, ф. 4, оп. 8, д. 54, л. 26.
213. ПАСО, ф. 4, оп. 11, д. 197, л. 118.
214. Там же, л. 119.
215. ПАКО, ф. 92, оп. 2, д. 119, л. 39.
216. ПАКО, ф. 92, оп. 2, д. 22, л. 170.
217. ПАКО, ф. 92, оп. 2, д. 36, л. 395.
218. ПАСО, ф. 4, оп. 8, д. 954, л. 13.
219. ПАСО, ф. 4, оп. 11, д. 375, л. 7.
220. ПАКО, ф. 142, оп. 1, л. 302, л. 20.

СОДЕРЖАНИЕ

«ТЫ ПРАВ, ПАВЕЛ!»	3
ОГРАБЛЕНИЕ ПО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИ	17
НИЩИЕ КРЕДИТОРЫ, ИЛИ «НИ ДВОРА БЕЗ ЗАЙМА»	47
ПО МИРУ С УГОЛОВНЫМ КОДЕКСОМ	69
«ВЛАДЕТЬ ЗЕМЛЕЙ ИМЕЕШЬ ПРАВО, А УРО- ЖАЕМ — НИКОГДА!»	103
ХРАМ НА КРЕСТЬЯНСКОМ ГОРЕ	149
НА ГОЛГОФУ	190
ЧАСИКИ ОСТАНОВИЛИСЬ...	239
МАРШ ЭНТУЗИАСТОВ	255

БАЗАРОВ
Александр Александрович

Редактор В. С. Меньшиков
Художник О. В. Титов
Корректоры: Мурашова О. В., Мельникова Г. А.

ИБ № 2018

Массово-политическое издание

Сдано в набор 12.02.91. Подписано в печать 12.11.91.
Формат 84x108¹/₃₂. Бумага писчая. Гарнитура «Литературная».
Печать высокая. Усл. п. л. 16,8. Усл. кр.-отт. 17,05. Уч.-изд. л. 15,92.
Тираж 12000. Цена договорная. Заказ 5733.

Южно-Уральское книжное издательство,
454113, г. Челябинск, пл. Революции, 2,

Типография издательства «Советское Зауралье»,
640627, г. Курган, ул. К. Маркса, 106.

